ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

145-3
64

37. 5. 5. 53

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 83 иллюстраціями А. И. Сударушкина

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• С.П.БУРГЪ • МОСКВА •

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,
изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 2-е.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ, съ илл.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. повѣсть для юнош., съ иллюстр. Е. П. Самокишъ-Судковской.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 лин., соб. д. 5—7.

Моимъ дорогимъ подругамъ,
бывшимъ воспитанницамъ
Павловскаго института,
выпуска 1893 года,

этотъ скромный трудъ
посвящаю.

Авторъ.

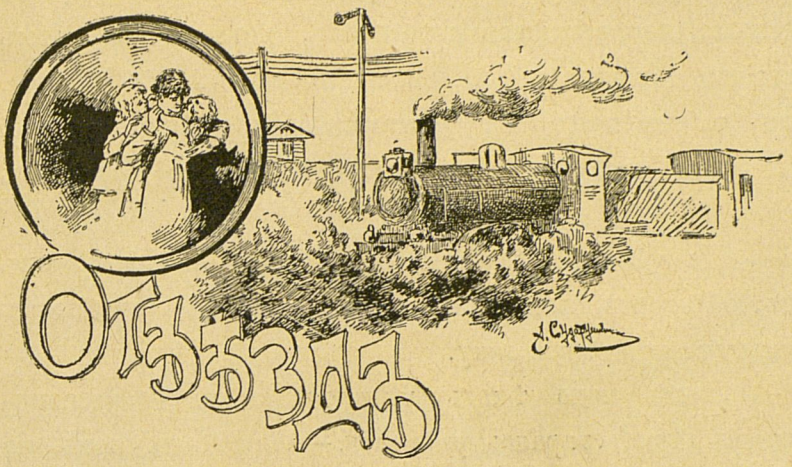
Когда веселой чередою
Мелькаетъ въ мысляхъ предо мною
Счастливыхъ лѣтъ веселый рой,
Я точно снова оживаю,
Невзгоды жизни забываю
И вновь мирюсь съ своей судьбой...
Я вспоминаю дни ученья,
Горячей дружбы увлеченья,
Проказы милыхъ школьныхъ лѣтъ,
Надежды силы молодыя
И грезы свѣтлыя, живыя
И чистой юности разсвѣтъ...

СОДЕРЖАНІЕ

		стр.
ГЛАВА	I. Отъѣздъ	1
»	II. Новыя лица, новыя впечатлѣнія	6
»	III Уроки	16
»	IV. Въ дортуарѣ	27
»	V. Нѣмецкая дама.—Гардеробная	36
»	VI. Садъ.—Тайна Нины.—Ирочка Трахтенбергъ	43
»	VII. Суббота.—Въ церкви.—Письмо	53
»	VIII. Пріемъ.—Силюльки.—Черная монахиня	61
»	IX. Вѣсти изъ дому.—Подвигъ Нины	74
»	X. Первая ссора.—Тріумвиратъ	84
»	XI. Невинно-пострадавшая	96
»	XII. Въ лазаретѣ.—Примиреніе	110
»	XIII. Печальная новость.—Подписка	120
»	XIV. 14-ое ноября	136
»	XV. Итогъ за полгода.—Разъѣздъ.—Посылка	148
»	XVI. Праздники.—Лезгинка	157
»	XVII. Высочайшіе Гости	170
»	XVIII. Проказы	186

СТР.

ГЛАВА XIX. Постъ.—Говѣльщицы 201
» XX. Больная.—Сонъ.—Христосъ Воскресе! 215
» XXI. Экзамены—Чудо 229
» XXII. Болѣзнь Нины 249
» XXIII. Прости, родная 257
» XXIV. Выпускъ.—Сюрпризъ 268



ВЪ моихъ ушахъ еще звучитъ пронзительный свистокъ локомотива, шумятъ колеса поѣзда — и весь этотъ шумъ и грохотъ покрываютъ дорогія моему сердцу слова:

— „Христосъ съ тобой, дѣточка!“

Эти слова сказала мама, прощаясь со мною на станціи.

Бѣдная, дорогая мама! Какъ она горько плакала! Ей было такъ тяжело разставаться со мною!

Братъ Вася не вѣрилъ, что я уѣзжаю, до тѣхъ поръ, пока няня и нашъ кучеръ Андрей не принесли изъ кладовой старый чемоданчикъ покойнаго папы, а мама стала укладывать въ него мое бѣлье, книги и любимую мою куклу „Лушу“, съ которой я никакъ не рѣ-

шилась разстаться. Няня туда-же сунула мѣшокъ вкусныхъ деревенскихъ коржиковъ, которые она такъ мастерски стряпала, и пакетикъ малиновой смоквы, тоже собственнаго ея приготовленія. Тутъ только, при видѣ всѣхъ этихъ сборовъ, горько заплакалъ Вася.

— Не уѣзжай, не уѣзжай, Люда, — просилъ онъ меня, обливаясь слезами и пряча на моихъ колѣняхъ свою курчавую головенку.

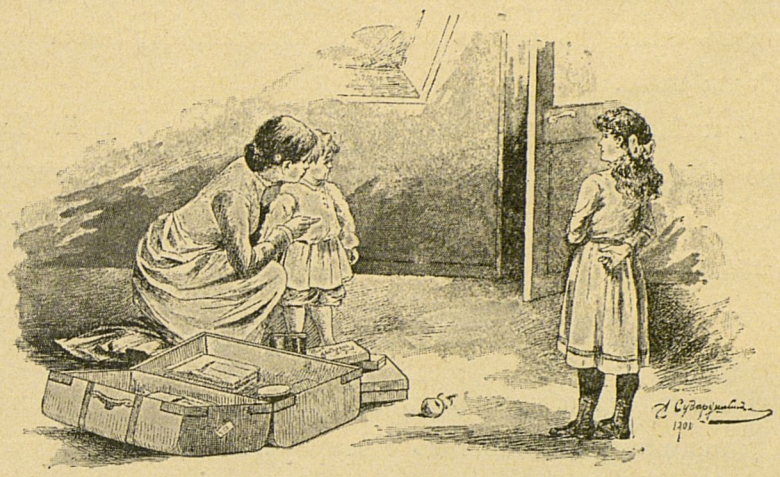
— Людѣ надо ѣхать учиться, крошка, — уговаривала его мама, стараясь утѣшить. — Люда пріѣдетъ на лѣто, да и мы съѣздимъ къ ней, можетъ-быть, если удастся хорошо продать пшеницу.

Добрая мамочка! Она знала, что пріѣхать ей не удастся — наши средства, слишкомъ ограниченныя, не позволятъ этого,—но ей такъ жаль было огорчать насъ съ братишкой, все наше дѣтство не разстававшихся другъ съ другомъ!...

Наступилъ часъ отъѣзда. Ни я, ни мама съ Васей ничего не ѣли за раннимъ завтракомъ. У крыльца стояла линейка; запряженный въ нее „Гнѣдко“ умильно моргалъ своими добрыми глазами, когда я въ послѣдній разъ подала ему кусокъ сахара. Около линейки собралась наша немногочисленная дворня: стряпка Катря съ дочуркой Гапкой, Ивась — молодой садовникъ, младшій братъ кучера Андрея, собака „Милка“ — моя любимица, вѣрный товарищъ нашихъ игръ, и, наконецъ,

моя милая старушка-няня, съ громкими рыданіями провожающая свое „дорогое дитятко“.

Я видѣла сквозь слезы эти простодушныя любящія лица, слышала искреннія пожеланія „доброй панночкѣ“ и, боясь сама разрыдаться навзрыдъ, поспѣшно сѣла въ бричку съ мамой и Васей.



— Людѣ надо ѣхать учиться,—уговаривала его мама...

Минута, другая, взмахъ кнута—и родимый хуторъ, тонувшій въ цѣлой рощѣ фруктовыхъ деревьевъ, исчезъ изъ вида. Потянулись поля, поля безконечныя, милыя, родныя поля близкой моему сердцу Украины. А день, сухой, солнечный, улыбался мнѣ голубымъ небомъ, какъ-бы прощаясь со мною...

На станціи меня ждала наша сосѣдка по хуторамъ, бывшая институтка, взявшая на себя обязанность отвезти

меня въ тотъ самый институтъ, въ которомъ она когда-то воспитывалась.

Не долго пришлось мнѣ побыть съ моими въ ожиданіи поѣзда. Скоро подползло ненавистное чудовище, увозившее меня отъ нихъ. Я не плакала. Что-то тяжелое надавило мнѣ грудь и клокотало въ горлѣ, когда мама дрожащими руками перекрестила меня и, благословивъ снятымъ ею съ себя образкомъ, повѣсила его мнѣ на шею.

Я крѣпко обняла дорогую, прижалась къ ней. Горячо цѣлуя ея худенькія, блѣдныя щеки, ея ясные, какъ у ребенка, синіе глаза, полные слезъ, я обѣщала ей шопотомъ:

— Мамуля, я буду хорошо учиться, ты не безпокойся.

Потомъ мы обнялись съ Васей, и я сѣла въ вагонъ.

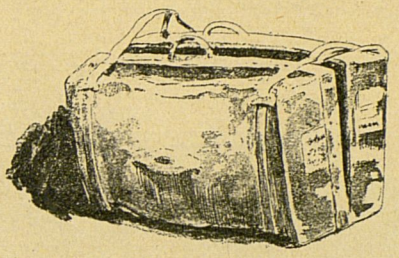
Дорога отъ Полтавы до Петербурга мнѣ показалась безконечной.

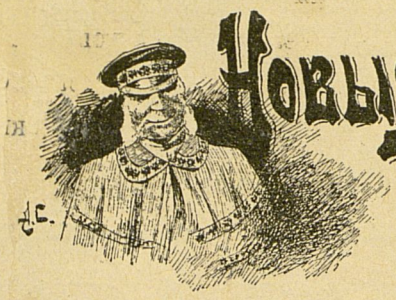
Анна Ѳоминишна, моя попутчица, старалась всячески разсѣять меня, разсказывая мнѣ о Петербургѣ, объ институтѣ, въ которомъ воспитывалась она сама и куда везла меня теперь. Поминутно при этомъ она угощала меня пастилой, конфектами и яблоками, взятыми изъ дома. Но кусокъ не шелъ мнѣ въ горло. Лицо мамы, такое, какимъ я его видѣла на станціи, не выходило изъ памяти, и мое сердце больно сжималось.

Въ Петербургѣ насъ встрѣтилъ невзрачный, сѣренькій

день. Сѣрое небо грозило проливнымъ дождемъ, когда мы сходили на подъѣздъ вокзала.

Наемная карета отвезла насъ въ большую и мрачную гостинницу. Я видѣла, сквозь стекла ея, шумныя улицы, громадные дома и безпрерывно снующую толпу, но мои мысли были далеко-далеко, подъ синимъ небомъ моей родной Украины, въ фруктовомъ садикѣ, подлѣ мамочки, Васи, няни...





Новыя лица, новыя впечатлѣнія.

БЫЛО 12 часовъ дня, когда мы подъѣхали съ Анной Ѳоминишной къ большому красному зданію въ Х-ой улицѣ.

— Это вотъ и есть институтъ,—сказала мнѣ моя спутница, заставивъ дрогнуть мое и безъ того бившееся сердце.

Еще больше обомлѣла я, когда сѣдой и строгій швейцаръ широко распахнулъ передо мной двери... Мы вошли въ широкую и свѣтлую комнату, называемую пріемной.

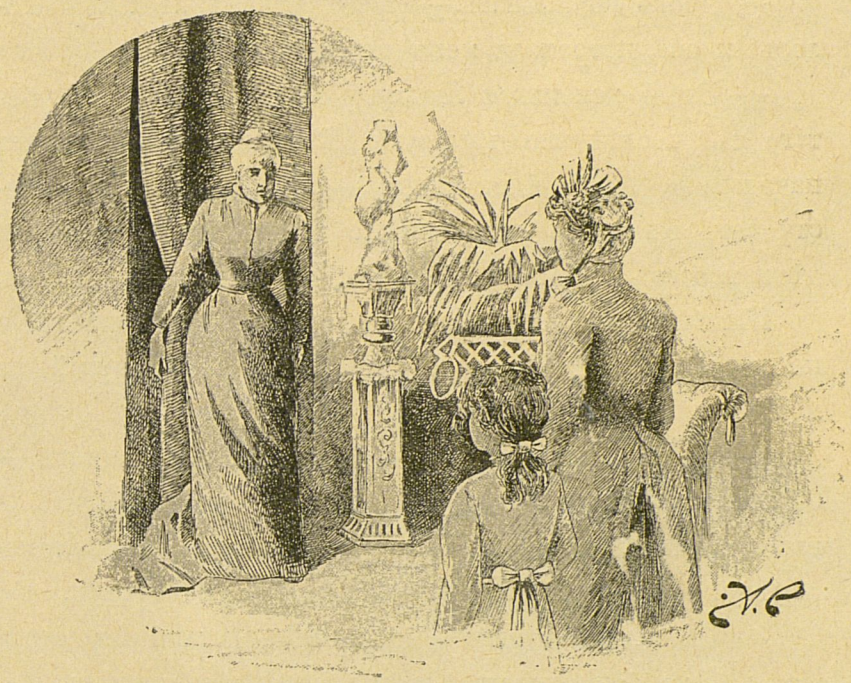
— Новенькую-съ привезли, доложить прикажете-съ княгинѣ-начальницѣ?—важно, съ достоинствомъ спросилъ швейцаръ Анну Ѳоминишну.

— Да,—отвѣтила та,—попросите княгиню принять насъ,—и она назвала свою фамилію.

Швейцаръ, неслышно ступая, пошелъ въ слѣдующую комнату, откуда тотчасъ-же вышелъ, сказавъ намъ:

— Княгиня проситъ, пожалуйте.

Небольшая, прекрасно обставленная мягкой мебелью, вся застланная коврами комната поразила меня своей роскошью. Громадныя трюмо стояли между окнами,



Навстрѣчу намъ поднялась высокая дама...

скрытыми до половины тяжелыми драпировками; по стѣнамъ висѣли картины въ золоченыхъ рамахъ; на этажеркахъ и въ хрустальныхъ горкахъ стояло множество прелестныхъ и хрупкихъ вещицъ. Мнѣ, маленькой провинціалкѣ, чѣмъ-то сказочнымъ показалась вся эта обстановка.

На встрѣчу намъ поднялась высокая, стройная дама, полная и красивая, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Она обняла и поцѣловала Анну Ѳоминишну съ материнской нѣжностью.

— Добро пожаловать,—прозвучалъ ея ласковый голосъ, и она потрепала меня по щечкѣ.

— Это — маленькая Людмила Власовская, дочь убитаго въ послѣднюю кампанію Власовскаго?—спросила начальница Анну Ѳоминишну.—Я рада, что она поступаетъ въ нашъ институтъ... Намъ очень желанны дѣти героевъ. Будь-же, дѣвочка, достойной своего отца.

Послѣднюю фразу она произнесла по-французски и потомъ прибавила, проводя душистой мягкой рукой по моимъ непокорнымъ кудрямъ:

— Ее надо остричь, это — не по формѣ. Аннетъ,— обратилась она къ Аннѣ Ѳоминишнѣ,—не проводите-ли вы ее вмѣстѣ со мною въ классъ? Теперь большая перемѣна, и она успѣетъ ознакомиться съ подругами.

— Съ удовольствіемъ, княгиня!—поспѣшила отвѣтить Анна Ѳоминишна, и мы всѣ трое вышли изъ гостинной начальницы, прошли цѣлый рядъ корридоровъ и поднялись по большой, широкой лѣстницѣ во второй этажъ.

На площадкѣ лѣстницы стояло зеркало, отразившее высокую, красивую женщину, ведущую за руку смуглое, кудрявое, маленькое существо, съ двумя черешнями вмѣсто глазъ и цѣлой шапкой смоляныхъ кудрей.

„Это—я, Люда,—мелькнуло молніей въ моей головѣ.—Какъ я не подхожу ко всей этой торжественно-строгой обстановкѣ!“

Въ длинномъ корридорѣ, по обѣ стороны котораго шли классы, было шумно и весело. Гулъ смѣха и говора доносился до лѣстницы, но лишь только мы появились въ концѣ корридора, какъ тотчасъ-же воцарилась мертвая тишина.

— Maman, Maman идетъ, и съ ней новенькая, новенькая,—сдержанно пронеслось по корридорамъ.

Тутъ я впервые узнала, что институтки называютъ начальницу „Maman“.

Дѣвочки, гулявшія попарно и группами, останавливались и низко присѣдали княгинѣ. Взоры всѣхъ обращались на меня, мѣнявшуюся въ лицѣ отъ волненія.

Мы вошли въ младшій классъ, гдѣ у маленькихъ воспитанницъ царило оживленіе. Нѣсколько дѣвочекъ разсматривали большую куклу въ нарядномъ платьѣ, другія рисовали что-то у доски, третьи, окруживъ пожилую даму въ синемъ платьѣ, отвѣчали ей урокъ на слѣдующій день.

Лишь только „Maman“ вошла въ классъ, всѣ онѣ моментально смолкли, отвѣсили начальницѣ условный реверансъ и уставились на меня любопытными глазами.

— Дѣти,—прозвучалъ голосъ княгини,—я привела вамъ новую подругу, Людмилу Власовскую, примите ее въ свой кругъ и будьте добрыми друзьями.

— Mademoiselle,—обратилась „Maman“ къ дамѣ въ синемъ платьѣ,—вы займитесь новенькой.—Затѣмъ, обращаясь къ Аннѣ Ѳоминишнѣ, она сказала: — пойдемте, Аннетъ, пусть дѣвочка познакомится съ товарками.

Анна Ѳоминишна послушно простилась со мною.

Мое сердце ёкнуло. Съ нею уходила послѣдняя связь съ домомъ.—„Поцѣлуйте маму“,—шепнула я ей, силясь сдержать слезы.

Она еще разъ обняла меня и вышла вслѣдъ за начальницей.

Лишь только большая стеклянная дверь закрылась за ними, я почувствовала полное одиночество.

Я стояла, окруженная толпою дѣвочекъ — черненькихъ, бѣлокурыхъ и русыхъ, большихъ и маленькихъ, худенькихъ и полныхъ, но безусловно чужихъ и далекихъ.

— Какъ твоя фамилія? я не дослышала,—спрашивала одна.

— А зовутъ?—кричала другая.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—приставала третья.

— А ты любишь пирожныя? — раздался голосъ со стороны.

Я не успѣвала отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ.

— Влассовская, — раздался надо мною строгій голосъ классной дамы,—пойдемте, я покажу вамъ ваше мѣсто.

Я вздрогнула. Меня въ первый разъ называли по фамиліи, и это непріятно подѣйствовало на меня.

Классная дама взяла меня за руку и отвела на одну изъ ближайшихъ скамеекъ. На сосѣднемъ со мною мѣстѣ сидѣла блѣдная, худенькая дѣвочка, съ двумя длинными блестящими черными косами.

— Княжна Джаваха,—обратилась классная дама къ блѣдной дѣвочкѣ,—вы покажете Влассовской заданные уроки и разскажете ей правила.

Блѣдная дѣвочка встала при первыхъ словахъ классной дамы и подняла на нее большіе черные и недѣтски серьезные глаза.

— Хорошо, мадмуазель, я все сдѣлаю, — произнесъ нѣсколько гортанный, съ незнакомымъ мнѣ акцентомъ голосъ, и она опять сѣла.

Я послѣдовала ея примѣру.

Классная дама отошла, и толпа дѣвочекъ нахлынула снова.

— Ты откуда?—звонко спросила веселая, толстенькая блондинка съ вздернутымъ носикомъ.

— Изъ-подъ Полтавы.

— Ты—хохлушка! Ха-ха-ха!.. она, mesdames, хохлушка!—разразилась она веселымъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, — немного обиженнымъ тономъ отвѣтила я, — у мамы тамъ хуторъ, но мы сами петербургскія... Только я тамъ родилась и выросла.

— Неправда, неправда, ты—хохлушка, — не унима-

лась шалунья.—Видишь, у тебя и глаза хохлацкіе и волосы... Да ты постой.., ты—не цыганка-ли? Ха-ха-ха!... Правда, она — цыганка, mesdames?

Мнѣ, уставшей съ дороги и смѣны впечатлѣній, было крайне непріятно слышать весь этотъ шумъ и гамъ. Голова моя кружилась.

— Оставьте ее, — раздался нѣсколько властный голосъ моей сосѣдки, той самой блѣдной дѣвочки, которую классная дама назвала княжной Джавахой. — Хохлушка она или цыганка, не все-ли равно... Ты — глупая хохотунья, Бѣльская, и больше ничего,—прибавила она сердито, обращаясь къ толстенькой блондинкѣ. — Маршъ по мѣстамъ! Новенькой надо заниматься.

— Джаваха, Ниночка Джаваха желаетъ изображать покровительницу новенькой... — зашумѣли дѣвочки.— Бѣльская, слышишь? Попробуй-ка „нападать“,—поддразнивали онѣ Бѣльскую.

— Куда ужь намъ съ сіятельными! — съ досадой отвѣтила та, отходя отъ насъ.

Когда дѣвочки разошлись по своимъ мѣстамъ, я благодарно взглянула на мою избавительницу.

— Ты не обращай на нихъ вниманія; знаешь,— сказала она мнѣ тихо,—эта Бѣльская всегда „задираетъ“ новенькихъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила я мою покровительницу, невольно преклоняясь передъ ея положительнымъ, недѣтскимъ тономъ.

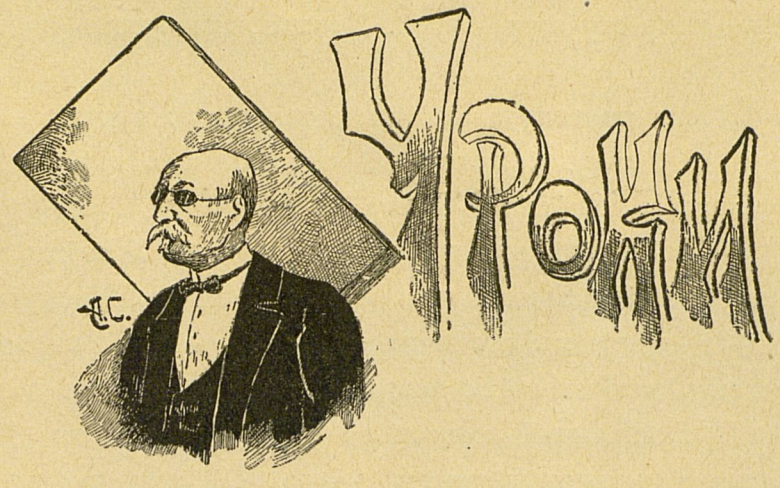
— Я — княжна Нина Джаваха-алы-Джамата, но ты меня попросту зови Ниной. Хочешь, мы будемъ подругами?

И она протянула мнѣ свою тоненькую ручку.

— О, съ удовольствіемъ!—поспѣшила я отвѣтить и потянулась поцѣловать Нину.

— Нѣтъ, нѣтъ, не люблю нѣжностей! У всѣхъ институтокъ привычка лизаться, а я не люблю! Мы лучше такъ...—и она крѣпко пожала мою руку.—Теперь я тебѣ покажу, что задано на завтра.

Пронзительный звонокъ не далъ ей докончить. Дѣвочки бросились занимать мѣста. Большая перемѣна кончилась. Въ классъ входилъ французъ-учитель.



ХУДЕНЬКІЙ и лысый онъ казался строгимъ, благодаря синимъ очкамъ, скрывавшимъ его глаза.

— Онъ—предобрый, этотъ monsieur Ротье,—какъ-бы угадывая мои мысли, тихо шепнула Нина и, вставъ со скамьи, звучно отвѣтила, что было проготовлено на урокъ.—За то нѣмецъ—злюка,—такъ-же тихо прибавила она, сѣвъ на мѣсто.

— У насъ—новенькая, une nouvelle élève (новая ученица),—раздался среди полной тишины возгласъ Бѣльской.

— Ah?—спросилъ, не понявъ, учитель.

— Taisez-vous, Biélsky (молчите, Бѣльская),—строго остановила ее классная дама.

— Всюду съ носомъ,—сердито проговорила Нина и передернула худенькими плечиками.

— Mademoiselle Реннъ, — вызвалъ французъ,— voulez-vous repondre votre leçon (отвѣчайте урокъ).

Очень высокая и полная дѣвочка поднялась съ послѣдней скамейки и неохотно, вяло пошла на середину класса.

— Это—Катя Реннъ,—поясняла мнѣ моя княжна,— страшная лѣнтяйка, послѣдняя ученица.

Реннъ отвѣчала басню Лафонтэна, сбиваясь на каждомъ словѣ.

— Très mal (очень плохо),—коротко бросилъ французъ и поставилъ Реннъ единицу.

Классная дама укоризненно покачала головою, дѣвочки зашевелились.

Тою-же лѣнивой походкой Реннъ совершенно равнодушно пошла на мѣсто.

— Princesse Djiavaha, allons (княжна Джаваха),— снова раздался голосъ француза и онъ ласково кивнулъ Нинѣ.

Нина встала и вышла, какъ и Реннъ, на середину класса. Милый, нѣсколько гортанный голосокъ звонко и отчетливо прочелъ ту-же самую басню. Щечки Нины разгорѣлись, черные глаза заблестѣли, она оживилась и стала ужасно хорошенькая.

— Mercі, mon enfant (благодарю, дитя мое),—еще ласковѣе произнесъ старикъ и кивнулъ дѣвочкѣ.

Она повернулась ко мнѣ, прошла на мѣсто и сѣла. На ея оживленномъ личикѣ играла улыбка, дѣлавшая ее прелестной. Мнѣ казалось въ эту минуту, что я давно знаю и люблю Нину.

Между тѣмъ учитель продолжалъ вызывать поочереди слѣдующихъ дѣвочекъ. Предо мной промелькнулъ почти весь классъ. Однѣ были слабѣе въ знаніи басни, другія читали хорошо, но Нина прочла лучше всѣхъ.

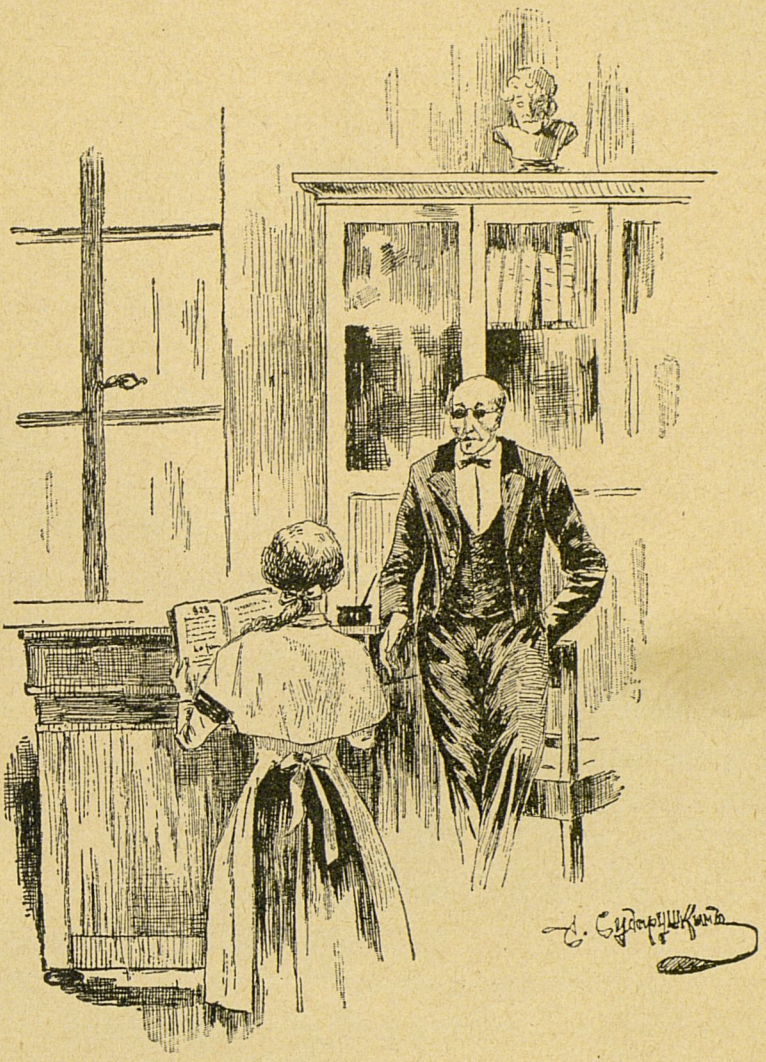
— Онъ вамъ поставилъ 12?—шопотомъ обратилась я къ княжнѣ.

Я была знакома съ системой балловъ изъ разговоровъ съ Анной Ѳоминишной и знала, что 12 — лучшій баллъ.

— Не говори мнѣ „вы“. Вѣдь мы—подруги, — и Нина, покачавъ укоризненно головкой, прибавила:— скоро звонокъ — конецъ урока, мы тогда съ тобою поболтаемъ.

Французъ отпустилъ на мѣсто дѣвочку, читавшую ему все ту-же басню, и, переговоривъ съ классной дамой по поводу „новенькой“, вызвалъ, наконецъ, и меня, велѣвъ прочесть по книгѣ.

Я страшно смутилась. Мама, отлично знавшая языки, занималась со мною очень усердно и я хорошо читала по-французски, но я взволновалась, боясь быть осмѣянной этими чужими дѣвочками. Черные глаза Нины



Нина встала и вышла на середину класса...

молча ободрили меня. Я прочла смущенно и сдержанно, но мѣтъ не менѣе толково. Французъ кивнулъ мнѣ ласково и обратился къ Нинѣ шутливо:

— Prenez garde, petite princesse, vous aurez une rivale (берегитесь, княжна, у васъ будетъ соперница),— и, кивнувъ мнѣ еще разъ, отпустилъ на мѣсто.

Въ ту-же минуту раздался звонокъ и учитель вышелъ изъ класса.

Слѣдующій урокъ былъ чистописаніе. Мнѣ дали тетрадку съ прописями, такую-же, какъ и у моей сосѣдки.

Насколько чинно всѣ сидѣли за французскимъ урокомъ, настолько шумно за урокомъ чистописанія. Маленькая, худенькая, сморщенная учительница напрасно кричала и выбивалась изъ силъ. Никто ея не слушалъ; всѣ дѣлали, что хотѣли. Классную даму зачѣмъ-то вызвали изъ класса и дѣвочки окончательно разбушевались.

— Антонина Вадимовна,—кричала Бѣльская, обращаясь къ учительницѣ:—я написала „красивый монументъ“. Что дальше?

— Сейчасъ, сейчасъ, — откликалась та и спѣшила отъ скамейки къ скамейкѣ.

Рядомъ со мною, согнувшись надъ тетрадкой и забавно прикусивъ высунутый язычекъ, княжна Джаваха, склонивъ головку набокъ, старательно выводила какія-то каракульки.

Звонокъ къ обѣду прекратилъ урокъ. Классная дама

поспѣшно распахнула двери съ громкимъ возгласомъ: „Mettez-vous par paires, mesdames“ (становитесь въ пары).

— Нина, можно съ тобою? — спросила я княжну, становясь рядомъ съ нею.

— Я выше тебя, мы не подъ-пару,—замѣтила Нина и я увидѣла, что легкая печаль легла тѣнью на ея красивое личико.—Впрочемъ, постой, я попрошу классную даму.

Очевидно, маленькая княжна была общей любимицей, такъ какъ m-lle Арно (такъ звали наставницу) тотчасъ-же согласилась на ея просьбу.

Чинно выстроились институтки и сошли попарно въ столовую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ. Тамъ уже собрались всѣ классы и строились на молитву.

— Новенькая, новенькая, — раздался сдержанный говоръ и всѣ глаза обратились на меня, одѣтую въ „собственное“ скромное коричневое платьице, рѣзкимъ пятномъ выдѣлявшееся среди зеленыхъ камлотовыхъ платьевъ и бѣлыхъ передниковъ — обычной формы институтокъ.

Дежурная ученица изъ институтокъ старшихъ классовъ прочла молитву передъ обѣдомъ и всѣ институтки сѣли за столы по 10 человѣкъ за каждый.

Мнѣ было не до ѣды. Около меня сидѣла съ одной стороны та-же милая княжна, а съ другой—Маня Иванова—веселая, бойкая шатенка съ коротко остриженными волосами.

— Влассовская, ты не будешь ѣсть твой битокъ?— на весь столъ крикнула Бѣльская.—Нѣтъ? Такъ дай мнѣ.

— Пожалуйста, возьми,—поторопилась я отвѣтить.

— Вздоръ! ты должна ѣсть и битокъ, и сладкое тоже, — строго заявила Джаваха и глаза ея сердито блеснули.—Какъ тебѣ не стыдно клянчить, Бѣльская!— прибавила она.

Бѣльская сконфузилась, но не надолго: черезъ минуту она уже звонкимъ шопотомъ передавала слѣдующему „столу“:

— „Mesdames, кто хочетъ мѣняться — битокъ за сладкое?“

Дѣвочки съ аппетитомъ уничтожали холодные и жесткіе битки... Я невольно вспомнила пышныя свиныя котлетки съ луковымъ соусомъ, которыя у насъ на хуторѣ такъ мастерски готовила Катря.

— Ѣшь, Люда,—тихо проговорила Джаваха, обращаясь ко мнѣ.

Но я ѣсть не могла.

— Смотрите на Реннъ, mesdames'очки, она хотя и получила единицу, но не огорчена нисколько,—раздался чей-то звонкій голосокъ въ концѣ стола.

Я подняла голову и взглянула на середину столовой, гдѣ лѣнивая, вялая Реннъ безъ передника стояла на глазахъ всего института.

— Она наказана за единицу,—продолжалъ тотъ-же голосокъ.

Это говорила очень миловидная, голубоглазая дѣвочка, лѣтъ 8-ми на видъ.

— Развѣ такихъ маленькихъ принимаютъ въ институтъ? — спросила я Нину, указывая ей на дѣвочку.

— Да вѣдь „Крошка“ совсѣмъ не маленькая — ей уже 11 лѣтъ, — отвѣтила княжна и прибавила:— Крошка — это ея прозвище, а настоящая фамилія ея— Маркова. Она любимица нашей начальницы и всѣ „синявки“ къ ней подлизываются.

— Кого вы называете синявками?—полюбопытствовала я.

— Классныхъ дамъ, потому что онѣ всѣ носятъ синія платья, — тѣмъ-же тономъ продолжала княжна, принимаясь за „бламанже“, отдающее стеариномъ.

Новый звонокъ возвѣстилъ окончаніе обѣда. Опять та-же дежурная старшая прочла молитву и институтки выстроились парами, чтобы подняться въ классы.

— Ниночка, хочешь смоквы и коржиковъ? — спросила я шопотомъ Джаваху, вспомнивъ о лакомствахъ, заготовленныхъ мнѣ няней.

Едва я вспомнила о нихъ, какъ почувствовала легкое щекотаніе въ горлѣ... Мнѣ захотѣлось неудержимо разрыдаться. Милыя, безконечно близкія лица выплыли передо мною, какъ въ туманѣ.

Я упала головою на скамейку и судорожно заплакала.

Ниночка сразу поняла, о чемъ я плачу.

— Полно, Галочка, брось... Этимъ не поможешь,—

успокаивала она меня, впервые называя меня за черный цвѣтъ моихъ волосъ „Галочкою“.—Тяжело первые дни, а потомъ привыкнешь... Я сама билась, какъ птица въ клѣткѣ, когда привезли меня сюда съ Кавказа. Первые дни мнѣ было ужасно грустно. Я думала, что никогда не привыкну. И ни съ кѣмъ не могла подружиться. Мнѣ никто здѣсь не нравился. Бѣжать хотѣла... А теперь какъ дома... Какъ взгрустнется, пѣсни пою... наши родныя кавказскія пѣсни... и только. Тогда мнѣ становится сразу какъ-то веселѣе, радостнѣе...

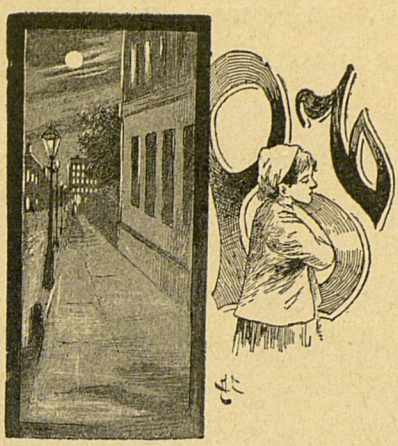
Гортанный голосокъ княжны съ замѣтнымъ кавказскимъ произношеніемъ пріятно ласкалъ меня; ея рука лежала на моей кудрявой головкѣ — и мои слезы понемногу изсякли.

Черезъ минутъ десять мы уже уписывали принесенныя снизу сторожемъ мои лакомства, распаковывали вещи, заботливо уложенныя няней. Я показала княжнѣ мою куклу Лушу. Но она даже едва удостоила взглянуть, говоря, что терпѣть не можетъ куколъ. Я разсказывала ей о Гнѣдкѣ, Милкѣ, о Гапкѣ и махровыхъ розахъ, которыя вырастилъ Ивась. О мамѣ, нянѣ и Васѣ я боялась говорить, они слишкомъ живо рисовались моему воображенію: при воспоминаніи о нихъ слезы набѣгали мнѣ на глаза, а моя новая подруга не любила слезъ.

Нина внимательно слушала меня, перерывая иногда мой разсказъ вопросами.

Незамѣтно пробѣжалъ вечеръ. Въ восемь часовъ звонокъ на молитву прервалъ наши бесѣды.

Мы попарно отправились въ спальню, или „дортуаръ“, какъ она называлась на институтскомъ языкѣ.



ДОРТУАРЪ

БОЛЬШАЯ длинная комната съ четырьмя рядами кроватей—„дортуаръ“ — освѣщалась двумя газовыми рожками. Къ ней примыкала умывальня съ мѣднымъ жолобомъ, надъ которымъ помѣщалась цѣлая дюжина кранов.

— Княжна Джаваха, новенькая ляжетъ подлѣ васъ. Сосѣдняя кровать, вѣдь, свободна? — спросила классная дама.

— Да, m-lle, Федорова больна и переведена въ лазаретъ.

Очевидно, судьба мнѣ благопріятствовала, давая возможность быть неразлучной съ Ниной.

Не теряя ни минуты, Нина показала мнѣ, какъ

стлать кровать на ночь, разложила въ ночномъ столикѣ всѣ мои вещи и, вынувъ изъ своего шкапчика кофточку и чепчикъ, стала расчесывать свои длинныя шелковистыя косы.

Я невольно залюбовалась ею.

— Какіе у тебя великолѣпные волосы, Ниночка!— не утерпѣла я.

— У насъ на Кавказѣ почти у всѣхъ такіе, и у мамы были такіе, и у покойной тети тоже, — съ какой-то гордостью и тихой скорбью проговорила княжна.— А это кто?—быстро прибавила она, вынимая изъ моего чемоданчика портретъ моего отца.

— Это—мой папа, онъ умеръ,—грустно отвѣчала я.

— Ахъ, да, я слышала, что твой папа былъ убитъ на войнѣ съ турками. „Maman“ уже мѣсяцъ тому назадъ разсказывала намъ, что у насъ будетъ подруга — дочь героя. Ахъ, какъ это хорошо! Мой папа тоже военный... и тоже очень, очень храбрый; онъ—въ Дагестанѣ... а мама умерла давно... Она была такая ласковая и печальная... Знаешь, Галочка, моя мама была простая джигитка; папа взялъ ее прямо изъ аула и женился на ней. Мама часто плакала, тоскуя по семьѣ, и потомъ умерла. Я помню ее, какая она была красивая! Мы очень богаты... На Кавказѣ насъ всѣ-всѣ знаютъ... Папа уже давно начальникъ—командиръ полка. У насъ на Кавказѣ большое имѣніе. Тамъ я жила съ бабушкой. Бабушка у меня очень строгая... Она бранила меня за

все, за все... Галочка,—спросила она вдругъ другимъ тономъ,—ты никогда не скакала верхомъ? Нѣтъ! А вотъ меня папа выучилъ... Папа очень любитъ меня, но теперь ему некогда заниматься мною, у него много дѣла. Ахъ, Галочка, какъ хорошо было ѣхать горными ущельями на моемъ „Шаломъ“... Духъ замираетъ... Или скакать по долинѣ рядомъ съ папой... Я очень хорошо ѣзжу верхомъ. А глупыя дѣвочки-институтки смѣялись надо мною, когда я имъ разсказывала про все это.

Нина воодушевилась... Въ ней сказывалась южанка. Глазки ея горѣли, какъ звѣзды.

Я невольно преклонялась передъ этой смѣлой дѣвочкой, я—боявшаяся сѣсть на Гнѣдку.

— Пора спать, дѣти,—прервалъ нашъ разговоръ возгласъ классной дамы, вошедшей изъ сосѣдней съ дортуаромъ комнаты.

М-lle Арно собственноручно уменьшила свѣтъ въ обоихъ рожкахъ и дортуаръ погрузился въ полумракъ.

Дѣвочки съ чепчиками на головахъ, дѣлавшихъ ихъ чрезвычайно смѣшными, уже лежали въ своихъ постеляхъ.

Нина стояла на молитвѣ передъ образкомъ, висѣвшимъ на малиновой ленточкѣ въ изголовьѣ кроватки, и молилась.

Я попробовала послѣдовать ея примѣру и не могла. Мама, Вася, няня—всѣ они, мои дорогіе, стояли, какъ

живые, передо мной. Ясно слышались мнѣ прощальныя напутствія моей мамули, звонкій, ребяческій голосокъ Васи, просившій: „Не уѣзжай, Люда“,—и мнѣ стало такъ тяжело и больно въ этомъ чужомъ мнѣ, мрачномъ дортуарѣ, между чужими для меня дѣвочками, что я зарылась въ подушку головою и беззвучно зарыдала.

Я плакала долго, искренно, тихо повторяя милыя имена, называя ихъ самыми нѣжными названіями. Я не слышала, какъ m-lle Арно, окончивъ свой обходъ, ушла къ себѣ въ комнату, и очнулась только тогда, когда почувствовала, что кто-то дергаетъ мое одѣяло.

— Ты опять плачешь?—тихимъ шопотомъ произнесла княжна, усѣвшись у моихъ ногъ.

Я ничего не отвѣтила и еще судорожнѣе зарыдала.

— Не плачь-же, не плачь... Давай поболтаемъ лучше. Ты свѣсься вотъ такъ въ „переулокъ“ (переулкомъ назывались пространства между постелями).

Я подавила слезы и послѣдовала ея примѣру.

Въ таинственномъ полумракѣ дортуара долго за полночь слышался нашъ шопотъ. Она разспрашивала меня о домѣ, о мамѣ, Васѣ. Я ей разсказывала о томъ, какой былъ неурожай на овесъ, какой у насъ славный въ селѣ священникъ, о томъ, какъ глупая Гапка боится русалокъ, о любимой собакѣ „Милкѣ“, о томъ, какъ „Гнѣдко“ болѣлъ зимою и какъ его лечилъ кучеръ Андрей, и о многомъ, многомъ другомъ. Она слушала меня съ

Княжна Джаваха

любопытствомъ. Все это было такъ ново для маленькой княжны, знавшей только свои горныя тѣснины Кавказа да зеленыя долины Грузіи. Потомъ она стала разсказывать сама, увлекаясь воспоминаніями... Съ особеннымъ увлеченіемъ она разсказывала про своего отца. О, она горячо любила своего отца и ненавидѣла бабушку,

Ты опять плачешь?...

отдавшую ее въ институтъ... Ей было здѣсь очень тоскливо порою...

— Скорѣе-бы прошли эти скучные дни...—шептала Нина:—весною за мной пріѣдетъ папа и увезетъ меня на Кавказъ... Цѣлое лѣто я буду отдыхать, ѣздить верхомъ, гулять по горамъ...—восторженно говорила она, и я видѣла, какъ разгорались въ темнотѣ ея черные глазки, казавшіеся огромными на матово-блѣдномъ лицѣ.

Гос. Публичная Б-ка Пенинграда

Мы уснули поздно, поздно, каждая уносясь мечтами на свою далекую родину...

Не знаю, что грезилось княжнѣ, но мой сонъ былъ полонъ свѣтлыхъ видѣній.

Мнѣ снился хуторъ въ жаркій ясный іюльскій день... Наливныя яблоки на тѣнистыхъ деревьяхъ нашего сада, „Милка“, изнывающая отъ лѣтняго зноя у своей будки... а на крылечкѣ за большими корзинами черной смородины, предназначенной для варенья,—моя милая, кроткая мама. Тутъ-же и няня, расчесывающая по десять разъ въ день кудрявую головенку Васи. „Но гдѣ-же я,—Люда?“—мелькнуло у меня въ мысляхъ. Неужели эта высокая стриженная дѣвочка въ зеленомъ камлотовомъ платьицѣ и бѣломъ передникѣ—это я, Люда, маленькая панночка съ Власовскаго хутора? Да, это—я, тутъ-же со мною блѣдная княжна Джаваха... А кругомъ насъ цвѣты, много, много колокольчиковъ, резеды, левкоя... Колокольчики звенятъ на весь садъ... и звонъ ихъ пронзительно звучитъ въ накаленномъ воздухѣ...

— Вставай-же, соня, пора,—раздался надъ моимъ ухомъ веселый окрикъ знакомаго голоса.

Я открыла глаза.

Звонокъ, будившій институтокъ, заливался неистовымъ звономъ. Туманное, мглистое утро смотрѣло въ окна...

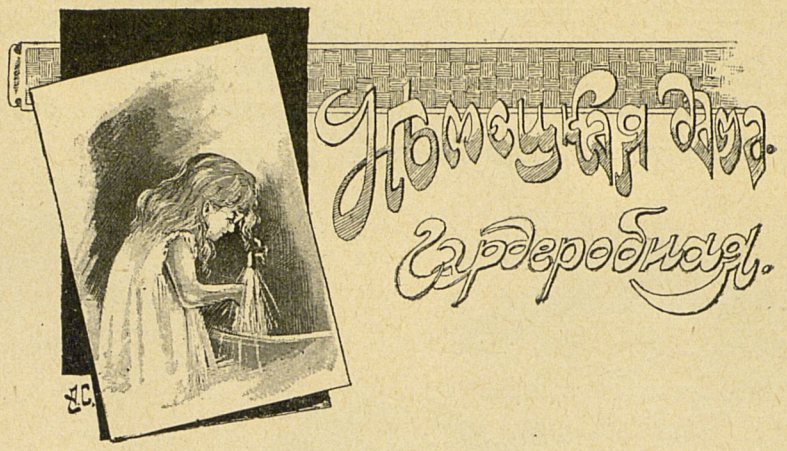
Въ дортуарѣ царило большое оживленіе.

Дѣвочки, перегоняя другъ друга, въ тѣхъ-же смѣш-

ныхъ чепчикахъ и кофточкахъ, бѣжали въ умывальню. Всѣ разговаривали, смѣялись, разсказывали про свои сны, иныя повторяли наизусть заданные уроки. Шумъ стоялъ такой, что ничего нельзя было разобрать.

Институтскій день вступалъ въ свои права.

ГЛАВА V.


Помещая дама.
Гардеробная.

ТОРОПЯСЬ и перегоняя другъ друга, дѣвочки бѣжали умываться къ цѣлому ряду мѣдныхъ крановъ у стѣны, изъ которыхъ струилась вода.

— Я тебѣ заняла кранъ,—крикнула мнѣ Нина, подбирая на-ходу подъ чепчикъ свои длинныя косы.

Въ умывальной былъ невообразимый шумъ. Маня Иванова приставала къ злополучной Реннъ, обдавая её брызгами холодной воды. Реннъ, выйдя на этотъ разъ изъ своей апатіи, сердилась и выходила изъ себя.

„Крошка“ мылась подлѣ меня, и я ее разглядѣла... Дѣйствительно, она не казалась вблизи такой дѣточкой, какою я нашла ее вчера. Блѣдное, худенькое личико, въ массѣ бѣлокурыхъ волосъ, было сердито и сонно;

узкія губы плотно сжаты; глаза, большіе и свѣтлые, поминутно загорались какими-то недобрыми огоньками. Крошка мнѣ не нравилась.

— Медамочки, торопитесь!—кричала Маня Иванова и, хохоча, проводила, зубной щеткой по оголеннымъ спинамъ мывшихся подъ кранами дѣвочекъ. Нельзя сказать, чтобы отъ этого получалось пріятное ощущеніе. Но Нину Джаваха она не тронула.

Вообще, какъ мнѣ показалось, Нина пользовалась исключительнымъ положеніемъ между институтками.

Вбѣжала сонная, заспанная Бѣльская.

— Пусти, Влассовская, ты послѣ вымоешься,—нѣсколько грубо сказала она мнѣ.

Я покорно уступила было мое мѣсто, но Нина, подоспѣвшая во-время, накинулась на Бѣльскую.

— Кранъ занятъ мною для Влассовской, а не для тебя,—строго сказала она той и прибавила, обращаясь ко мнѣ:—нельзя-же быть такой тряпкой, Галочка.

Мнѣ было неловко отъ замѣчанія Нины, сдѣланнаго при всѣхъ, но въ то-же время я была безконечно благодарна милой дѣвочкѣ, взявшей себѣ въ обязанность защищать меня.

Къ 8-ми часамъ мы уже всѣ были готовы и становились въ пары, чтобы идти на молитву, когда въ дортуаръ вошла новая для меня классная дама, фрейлейнъ Генингъ, маленькая, полная нѣмка съ добродушной физіономіей. Она была совершенной противополож-

ностью сухой и чопорной m-lle Арно.

— Ахъ, новенькая!...—воскликнула она, и ея добрые глаза засіяли лаской.—Komm herr, mein Kind (подойди сюдя, дитя мое).

Я подошла, неистово краснѣя и, молча, присѣла передъ фрейлейнъ.

Но каково-же было мое изумленіе, когда классная дама наклонилась ко мнѣ и неожиданно поцѣловала меня... Въ горлѣ моемъ что-то защекотало, глаза увлажились, и я чуть не разрыдалась навзрыдъ отъ этой неожиданной ласки.

— Видишь, какая она у насъ добрая, — шепнула мнѣ Маня Иванова, замѣтя впечатлѣніе, произведенное на меня наставницей.

Мы сошли въ столовую. Послѣ молитвы, длившейся около получаса (сюда-же входило обязательное чтеніе двухъ главъ Евангелія), каждая изъ иновѣрныхъ воспитанницъ прочла молитву на своемъ языкѣ. Когда читала молитву высокая, бѣлокурая, съ водянистыми глазами шведка, я невольно обратила вниманіе на стоявшую подлѣ меня Нину. Княжна вся вспыхнула отъ радости и прошептала:

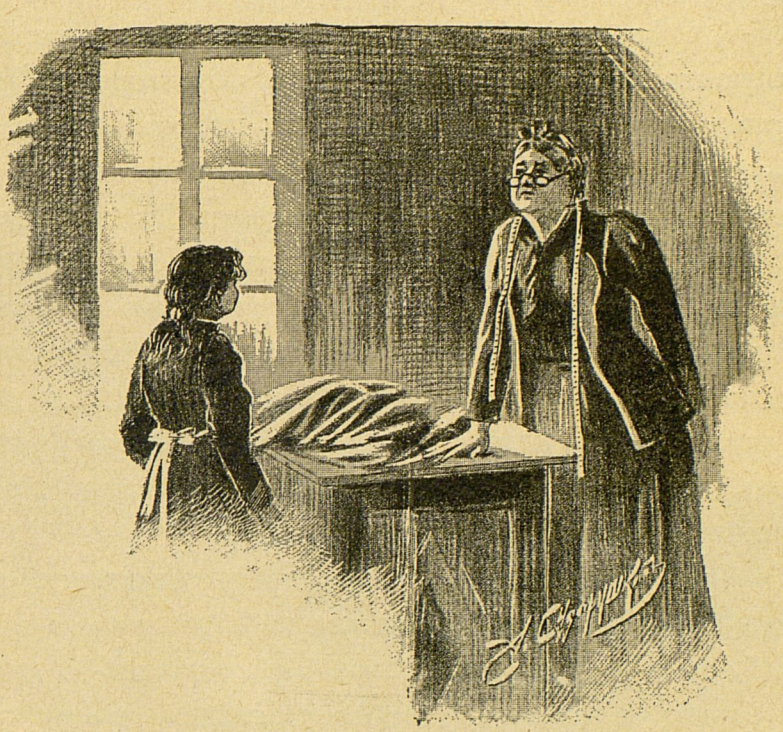
— Она выздоровѣла, ты знаешь?

— Кто выздоровѣлъ?—шопотомъ-же спросила я ее.

— Ирочка... ахъ! да, вѣдь ты ничего не знаешь; я тебѣ разскажу послѣ. Это — моя тайна.

И она стала горячо молиться.

За чаемъ Нина сидѣла, какъ на иголкахъ, то и дѣло, поглядывая на дальніе столы, гдѣ находились старшія воспитанницы и пепиньерки. Она, видимо, волновалась.



— Вы новенькая?...

— Когда-жъ ты мнѣ откроешь свою тайну?—допытывалась я.

— Въ дортуарѣ... Фрейлейнъ уйдетъ, и я тебѣ все разскажу, Галочка.

До начала уроковъ оставалось еще полчаса, и мы, поднявшись въ классъ, занялись диктовкой.

Едва я тщательно вывела обычную нѣмецкую фразу: „Wie schön ist die grüne Wiese“, какъ на порогѣ появилась дѣвушка-служанка, позвавшая меня въ гардеробную.

— Gehe, mein Kind (ступай, дитя мое),—ласково отпустила меня фрейлейнъ, и я въ сопровожденіи дѣвушки спустилась въ нижній этажъ, гдѣ около столовой, въ полутемномъ коридорѣ, помѣщались бѣлевая и гардеробная, сплошь заставленная шкафами. Въ послѣдней работало до десяти дѣвушекъ, одѣтыхъ, какъ и моя спутница, въ холстинковыя полосатыя платья и бѣлые передники. На столахъ были безпорядочно набросаны куски зеленаго камлота, стараго и новаго, а между дѣвушками сновала полная дама, Авдотья Петровна Крынкина, съ сантиметромъ на шеѣ. Это была сама „гардеробша“ — какъ ее называли дѣвушки.

— Вы—новенькая? — недружелюбно поглядывая на меня поверхъ очковъ, задала она мнѣ довольно праздный, по моему мнѣнію, вопросъ, такъ какъ мое „собственное“ коричневое платьице наглядно доказывало, что я была новенькая.

Я присѣла.

Не избалованная вѣжливымъ обращеніемъ старуха смягчилась.

Она еще разъ посмотрѣла на меня пристальнымъ взглядомъ, смѣривъ съ головы до ногъ.

— Я вамъ дамъ платье съ институтки Раевской,

которую выключили весной: новое шить недосугъ,— ворчливымъ голосомъ сказала она мнѣ и велѣла раздѣться.

— Маша,—обратилась она къ пришедшей со мною дѣвушкѣ,—сбѣгай-ка къ кастеляншѣ и спроси у нея бѣлье и платье номеръ 174-й, знаешь—Раевской; имъ оно будетъ впору.

Дѣвушка поспѣшила исполнить порученіе.

Черезъ полчаса я была одѣта съ головы до ногъ во все казенное, а мое „собственное“ платье и бѣлье, тщательно сложенное дѣвушкою-служанкою, поступило на храненіе въ гардеробъ, на полку, за номеромъ 174-мъ.

— Запомните этотъ номеръ,—рѣзко сказала Авдотья Петровна,—теперь это будетъ вашъ номеръ все время, пока вы въ институтѣ.

Едва я успѣла одѣться, какъ и пришелъ парикмахеръ съ невыразимо душистыми руками и остригъ мои изсиня-черныя кудри, такъ горячо любимыя мамой. Когда я подошла къ висѣвшему въ простѣнкѣ гардеробной зеркалу, я не узнала себя.

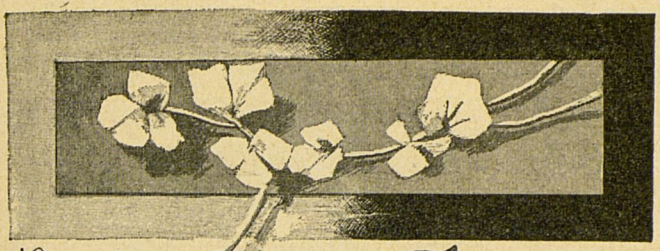
Въ зеленомъ камлотовомъ платьѣ съ бѣлымъ передникомъ, въ такой-же пелеринкѣ и „манжахъ“, съ коротко остриженными кудрями, я совсѣмъ не походила на Люду Власовсскую — маленькую „панночку“ съ далекаго хутора.

„Врядъ-ли мама узнаетъ меня“,—мелькнуло въ моей

стриженной головѣ, и, поднявъ съ пола изсиня-черный локонъ, я бережно завернула его въ бумажку, чтобы послать мамѣ съ первыми-же письмами.

— Совсѣмъ на мальчика стали похожи, — сказала Маша, разглядывая мою потѣшную маленькую фигурку.

Я вздохнула и пошла въ классъ.



Садъ. Тайна Нины.

Ирочка Прахтенбергъ.

Едва я переступила порогъ, какъ въ классѣ поднялся шумъ и гамъ. Дѣвочки, шумя и хохоча, окружили меня, пользуясь перемѣной между двухъ уроковъ.

— Ну, Галочка, ты совсѣмъ мальчишка, — заявила серьезно Нина, — но, знаешь, ты мнѣ такъ больше нравишься, — кудри тебя портили.

— Стрижка-ерыжка! — крикнула Бѣльская.

— Молчи, егоза, — заступилась за меня Маня Иванова, относившаяся ко мнѣ съ большою симпатіей.

Слѣдующіе два урока были рисованіе и нѣмецкій языкъ. Учитель рисованія роздалъ намъ карточки съ изображеніемъ ушей, носовъ, губъ. Нина показала мнѣ

что надо дѣлать, какъ надо срисовывать. Учитель — добродушнѣйшее, сѣденькое существо — послѣ первой-же моей черточки нашелъ меня очень слабой художницей и перемѣнилъ карточку на менѣе сложный рисунокъ.

Въ то время, какъ я, углубившись въ работу, выводила палочки и углы, ко мнѣ на пюпитръ упала бумажка, сложенная вчетверо. Я недоумѣвающе развернула ее и прочла:

„Душка-Влассовская! У тебя есть коржики и смоквы. Подѣлись послѣ завтрака.

Маня Иванова“.

— Отъ кого это? — полюбопытствовала княжна.

— Вотъ — прочти, — и я протянула ей бумажку.

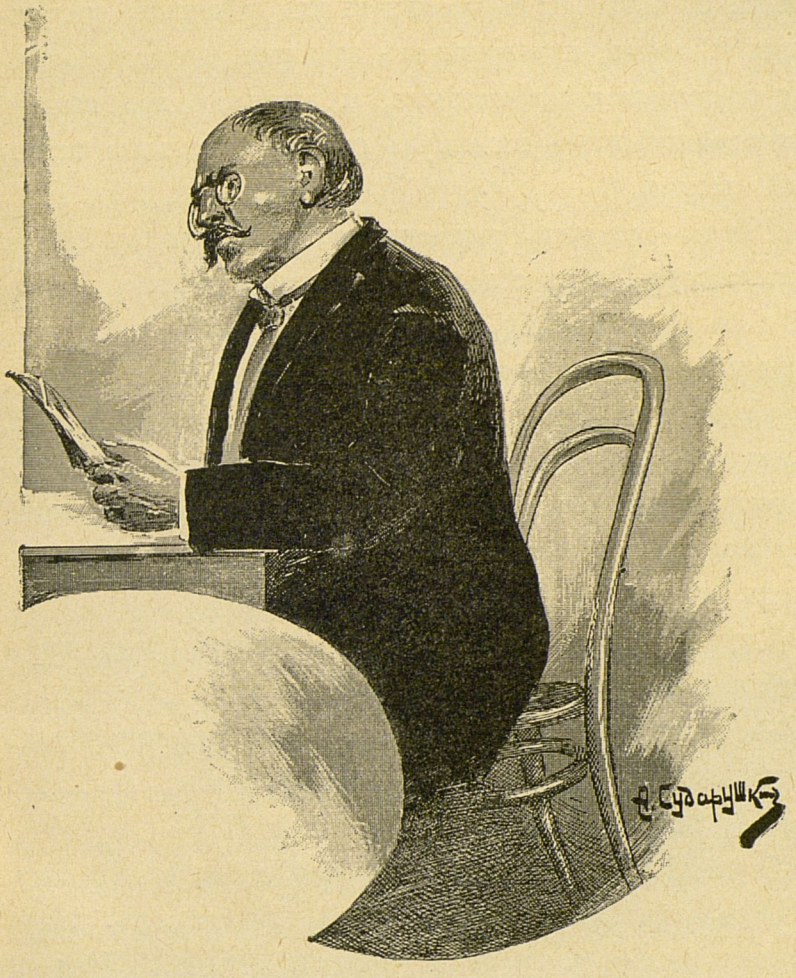
— Иванова ужасная подлиза, хуже Бѣльской, — сердито замѣтила княжна, — она узнала, что у тебя гостинцы и будетъ няньчиться съ тобою. Совѣтую не давать... А то какъ хочешь. Пожалуй, еще прослывешь жадной. Лучше ужь дай.

Я повернула голову и, увидя Иванову, сидѣвшую возлѣ Реннъ на послѣдней скамейкѣ, кивнула ей въ знакъ согласія. Та просіяла и усиленно закивала головой.

Презрительная гримаска тронула строгія губы моей сосѣдки. Гордое безкорыстіе княжны нравилось мнѣ все больше и больше.

— Нина, а твоя тайна?—напомнила я ей.

— Подожди немного, на гуляньѣ, а то здѣсь услышатъ.



Онъ вызывалъ воспитанницъ рѣзкимъ голосомъ...

Я сгорала отъ нетерпѣнія, однако, не настаивала.

Урокъ рисованія смѣнился урокомъ нѣмецкаго языка.

Насколько учитель-французъ былъ „душка“, настолько нѣмецъ „аспидъ“. Классъ дрожалъ на его

урокѣ. Онъ вызывалъ воспитанницъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ, прослушивалъ заданное, поминутно сбивая и прерывая замѣчаніями, и немилосердно сыпалъ единицами. Классъ вздохнулъ свободно, заслыша желанный звонокъ.

Послѣ завтрака, состоявшаго изъ пяти печеныхъ картофелинъ, куска селедки, квадратика масла и кружки кофе съ бутербродами, намъ роздали безобразныя манто коричневаго цвѣта, называемыя клеками, съ лиловыми шарфами, и повели въ садъ. Большой, непривѣтливый, съ массою дорожекъ, онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокой каменной оградой. Посреди площадки, прилегавшей къ внутреннему фасаду института, стояли качели и качалка.

Едва мы сошли со ступеней крыльца, какъ пары разбились и воспитанницы разбрелись по всему саду.

— Фрейлейнъ въ свое дежурство позволяетъ ходить на послѣднюю аллею, — почему-то шопотомъ сообщила Нина, — пойдемъ, Галочка.

Я послѣдовала за нею на самую дальнюю дорожку, гдѣ намъ попадались рѣдкія пары гуляющихъ. Подъ нашими ногами шелестѣли упавшіе листья... Тамъ и сямъ каркали голодныя вороны.

Мы сѣли на влажную отъ дождя скамейку и Нина начала:

— Видишь-ли, Галочка, у насъ ученицы младшихъ классовъ называются „младшими“, а тѣ, которыя въ

послѣднихъ классахъ — это „старшія“. Мы, младшія, „обожаемъ“ старшихъ. Это уже такъ принято у насъ въ институтѣ. Каждая изъ младшихъ выбираетъ себѣ „душку“, подходитъ къ ней здороваться по утрамъ, гуляетъ по праздникамъ съ нею въ залѣ, угощаетъ конфетами и знакомитъ со своими родными, во время пріема, когда допускаютъ родныхъ на свиданіе. Вензель „душки“ вырѣзывается перочиннымъ ножомъ на „тируарѣ“ (пюпитрѣ), а нѣкоторыя выцарапываютъ его булавкой на рукѣ или пишутъ чернилами ея номеръ, потому что каждая изъ насъ въ институтѣ записана подъ извѣстнымъ номеромъ. А иногда имя „душки“ пишется на стѣнахъ и окнахъ... Для „душки“, чтобы быть достойной ходить съ нею, нужно сдѣлать что-нибудь особенное, совершить, напримѣръ, какой-нибудь подвигъ: или сбѣгать ночью на церковную паперть, или съѣсть большой кусокъ мѣла, — да мало-ли чѣмъ можно проявить свою стойкость и смѣлость. Я никого не обожала еще, Галочка, я была слишкомъ горда, но недавно... недавно, — тутъ вдругъ прервала она: — Побожись мнѣ три раза, что ты никому не выдашь мою тайну.

— Изволь, — и я исполнила ея желаніе.

— Видишь-ли, — продолжала Нина оживленно, — незадолго до твоего поступленія къ намъ, я была больна лихорадкой и сильно кашляла. Пока я лежала въ жару, въ мое отдѣленіе привели еще одну больную, старшую,

Ирочку Трахтенбергъ. Она такъ ласково обращалась со мною, ничѣмъ не давая мнѣ понять, что я младшая, „седьмушка“, а она первоклассница. Мы вмѣстѣ поджаривали хлѣбъ въ лазаретной печкѣ, цѣлыя ночи болтали о домѣ. Ирочка — шведка, но ея родители живутъ теперь здѣсь, въ Петербургѣ; она непремѣнно хочетъ познакомить меня съ ними. Ея отецъ, кажется, консулъ или просто членъ посольства — не знаю, только что-то очень важное. Ирочка почему-то молчитъ, когда я ее объ этомъ спрашиваю. У нихъ подъ Стокгольмомъ большой замокъ. Ахъ, Галочка, какая она милочка, дуся! Какіе у нея глаза, синіе, синіе... и волосы, какъ ленъ! Впрочемъ, ты сама сейчасъ увидишь. Только ты никому, никому не говори, Галочка, о моемъ обожаньѣ, а то Бѣльская и Крошка поднимутъ меня на-смѣхъ. А я этого не позволю: княжна Джаваха не должна унижать себя.

Послѣднія слова Нина произнесла съ гордымъ достоинствомъ, дѣлавшимъ особенно милымъ ея красивое личико.

— Теперь ты увидишь „душку“!... — таинственно сообщила она мнѣ.

Въ послѣднюю аллею стали приходить старшія, въ такихъ-же безобразныхъ клекахъ, какъ и наши, но на ихъ тщательно причесанныхъ головкахъ были накинуты вмѣсто полинялыхъ лиловыхъ косынокъ „собственные“ шелковые шарфы разныхъ цвѣтовъ.

Въ концѣ аллеи появились двѣ институтки...

Онѣ разгуливали чинно и важно и разговаривали шопотомъ.

— Смотри, вотъ она, — и Нина до боли сжала мнѣ руку.

Въ концѣ аллеи появились двѣ институтки въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ каждая. Одна изъ нихъ темная и смуглая дѣвушка съ нечистымъ цвѣтомъ лица, другая—свѣтлая льняная блондинка.

— Вотъ она — Ирочка,—волнуясь шептала княжна, указывая на блондинку, — съ нею Анюта Михайлова, ея подруга.

Дѣвушки поравнялись съ нами, и я замѣтила надменно вздернутую верхнюю губку и безцвѣтные, водянистые глаза на прозрачно-хрупкомъ, некрасивомъ личикѣ.

— Это и есть твоя Ирочка? — спросила я.

— Да, — чуть слышно, взволнованнымъ голосомъ, отвѣтила княжна.

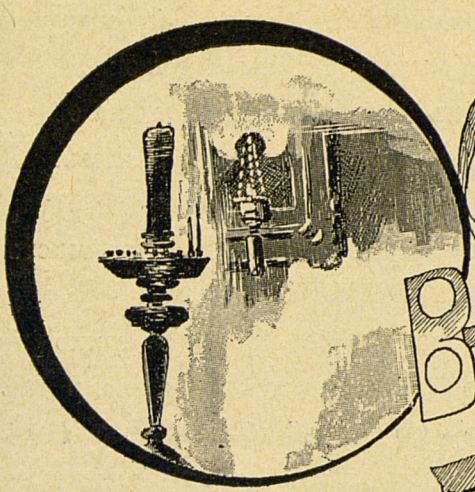
„Душка“ Нины мнѣ не понравилась. Въ ея лицѣ и фигурѣ было что-то отталкивающее. А она, моя милая княжна, вся вспыхнувъ отъ удовольствія, подошла поцѣловать Ирочку, ничуть не стѣсняясь ея подруги, очевидно, посвященной въ тайну... Бѣлокурая шведка совершенно равнодушно отвѣтила на привѣтствіе княжны.

— Ты ее очень любишь? — спросила я Нину, когда молодыя дѣвушки были далеко отъ насъ.

— Ужасно, Галочка! Я ее люблю первой послѣ

папы!... За нее я готова претерпѣть всѣ гоненія „синявокъ“... Я ее буду обожать до самаго выпуска.

Все это было сказано такъ восторженно-пылко, что у меня на душѣ, гдѣ-то далеко-далеко зашевелилось незнакомое мнѣ до сихъ поръ чувство ревности. Я ревновала мою милую, славную подружку къ „бѣлобрысой“ шведкѣ, какъ я уже мысленно окрестила Ирочку Трахтенбергъ.



Суббота. Въ церкви. Письмо.

ПРОШЛО шесть дней съ тѣхъ поръ, какъ стѣны института гостепріимно приняли меня. Наступила суббота, такъ страстно ожидаемая всѣми институтками, большими и маленькими. Съ утра субботы уже пахло предстоявшимъ праздничнымъ днемъ. Субботній обѣдъ былъ изъ ряда вонъ плохъ, что нимало не огорчало институтокъ: въ воображеніи мелькали завтрашнія пирожныя, карамели, пастилки, которыя приносились „въ пріемъ“ добрыми родными. Надежда на пріятное „нѣмецкое“ дежурство въ воскресенье тоже немало способствовала общему оживленью. M-lle Арно,

„Пугачъ“, какъ ее называли институтки, — была дружно презираема ими; за то милая, добрая „Булочка“, или „Кисъ-Кисъ“—фрейлейнъ Генингъ—возбуждала общую симпатію своимъ ласковымъ отношеніемъ къ намъ.

Въ 5½ часовъ насъ отвели наверхъ въ дортуаръ и приказали переодѣться передъ всенощной въ чистые передники.

За послѣдніе шесть дней я не жила, а точно неслась куда-то, подгоняемая все новыми и новыми впечатлѣніями. Моя дружба съ Ниной дѣлалась все тѣснѣе и неразрывнѣе съ каждымъ днемъ. Странная и чудная дѣвочка была эта маленькая княжна! Она ни разу не приласкала меня, ни разу даже не назвала Людой, но въ ея милыхъ глазкахъ, обращенныхъ ко мнѣ, я видѣла такую заботливую ласку, такую теплую привязанность, что моя жизнь въ чужихъ, мрачныхъ институтскихъ стѣнахъ становилась какъ-бы сноснѣе.

Въ тотъ день мы рѣшили послѣ „спуска газа“, т.-е. послѣ того какъ погасятъ огонь, поболтать о „домѣ“. Нина плохо себя чувствовала послѣдніе два дня; ненастная петербургская осень отразилась на хрупкомъ организмѣ южанки. Миндалевидные черные глазки Нины лихорадочно загорались и тухли поминутно, синія жилки бились подъ прозрачно-матовой кожей нѣжнаго виска. Сердитый „Пугачъ“ не разъ заботливо предлагалъ княжнѣ „отдохнуть“ день, другой въ лазаретѣ.

— Ни за что! — говорила она мнѣ своимъ милымъ

гортаннымъ голоскомъ. — Пока ты не привыкнешь, Галочка, я тебя не оставлю.

Мнѣ хотѣлось въ эти минуты броситься на шею моей добровольной покровительницѣ, но Нина не терпѣла „лизанья“, и я сдерживалась.

Суббота улыбалась намъ обѣимъ. Мы еще за три дня рѣшили посвятить время послѣ церкви на писаніе писемъ домой.

Ровно въ шесть часовъ особенный, тихій и звучный продолжительный звонокъ заставилъ насъ быстро выстроиться въ пары и по нашей „парадной“ лѣстницѣ подняться въ четвертый этажъ.

На церковной площадкѣ весь классъ остановился и, какъ одинъ человѣкъ, ровно и дружно опустился на колѣни. Потомъ, подъ предводительствомъ m-lle Арно, всѣ чинно по-парамъ вошли въ церковь и встали впереди, у самаго клироса, съ лѣвой стороны. За нами было мѣсто слѣдующаго шестого класса.

Небольшая, но красивая и богатая институтская церковь сіяла золоченымъ иконостасомъ, большими образами въ золотыхъ ризахъ, украшенныхъ каменьями, съ пеленами, вышитыми воспитанницами. Оба клироса пока еще пустовали. Пѣвчія воспитанницы приходили послѣдними. Я разсматривала и сравнивала эту богатую по убранству церковь съ нашимъ бѣднымъ, незатѣйливымъ деревенскимъ храмомъ, куда каждый праздникъ мы ѣздили съ мамой... Воспоминанія разомъ нахлынули на меня...

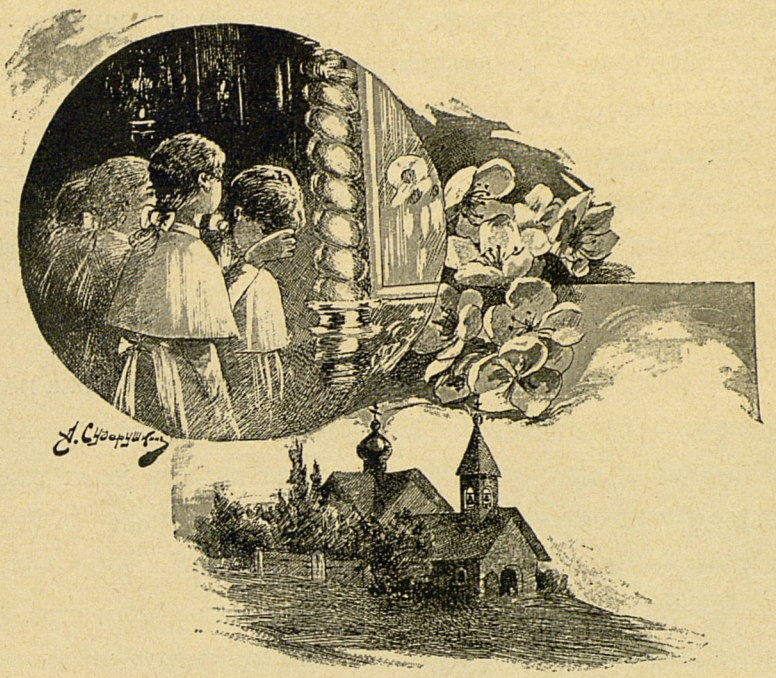
Вотъ славный весенній полдень... Въ нашей церкви служба по случаю праздника Св. Троицы. На коврикѣ съ правой стороны, подлѣ стула склонилась милая головка мамы... Она, въ своемъ сѣренькомъ простомъ оческовомъ „парадѣ“, съ большимъ букетомъ бѣлой сирени въ рукахъ, казалась мнѣ такой нарядной, молодой и красивой. Рядомъ Вася, въ новой красной канаусовой рубашечкѣ и бархатныхъ штанишкахъ на выпускъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ причастія... Я, Люда, въ скромномъ и изящномъ бѣломъ платьицѣ маминой работы, съ тщательно расчесанными кудрями... Невдалекѣ Гапка, обильно напомаженная коровьимъ масломъ, въ яркомъ розовомъ ситцѣ... Сзади насъ старушка-няня, кряхтя и вздыхая, отбиваетъ поклоны... А въ открытыя окна просятся развѣсистыя яблони, словно невѣсты, разукрашенныя бѣлыми цвѣтами... Тонкій и острый ароматъ черемухи наполняетъ церковь...

Нашъ деревенскій старичекъ-священникъ — мой духовникъ и законоучитель — еле внятно произносившій шамкающимъ ртомъ молитвы, и несложный причтъ, состоящій изъ сторожа, дьячка и двухъ семинаристовъ въ лѣтнее время, племянниковъ о. Василія, тянущихъ въ носъ — все это рѣзко отличалось отъ пышной обстановки институтскаго храма.

Здѣсь, въ институтѣ, не то... Пожилой, невысокій священникъ съ кроткимъ и болѣзненнымъ лицомъ — кумиръ цѣлаго института за чисто отеческое отношеніе

къ дѣвочкамъ — служитъ особенно выразительно и торжественно. Сочные молодые голоса „старшихъ“ звучатъ красиво и стройно подъ высокими сводами церкви.

Но странное дѣло... Тамъ, въ убогой деревенской



Я сравнивала эту церковь съ деревенскимъ храмомъ...

церкви, забившись въ темный уголокъ, я молилась горячо, забывая весь окружающій міръ... Здѣсь, въ красивомъ институтскомъ храмѣ, молитва стыла, какъ говорится, на губахъ, и вся я замирала отъ этихъ дивныхъ, какъ казалось мнѣ тогда, голосовъ, этой величавой торжественной службы...

Около меня все та-же неизмѣнная Нина, поднявъ на ближайшій образъ Спаса свои черные глазки, горячо молилась...

Я невольно поддалась ея примѣру, и вдругъ меня самое внезапно охватило то давно мнѣ знакомое религіозное чувство, отъ котораго глаза мои наполнились слезами, а сердце билось усиленнымъ темпомъ.

Я очнулась, когда сосѣдка слѣва, Надя Федорова, толкнула меня подъ локоть.

Мы съ Ниной поднялись съ колѣнъ и посмотрѣли другъ на друга сіяющими сквозь радостныя слезы глазами.

— О чемъ ты молилась, Галочка?—спросила она меня, и просвѣтленное личико ея улыбалось.

— Я, право, не знаю, какъ-то вдругъ меня захватило и понесло,—смущенно отвѣтила я.

— Да, и меня тоже...

И мы тутъ-же неожиданно крѣпко поцѣловались. Это былъ первый поцѣлуй со времени нашего знакомства...

Придя въ классъ, усталыя дѣвочки расположились на своихъ скамейкахъ.

Я вынула бумагу и конвертъ изъ „тируара“ и стала писать мамѣ. Торопливыя, неровныя строки говорили о моей новой жизни, институтѣ, подругахъ, о Нинѣ. Потомъ маленькое сердечко Люды не вытерпѣло, и я вылилась въ этомъ письмѣ на дальнюю родину вся безъ изъятья, такая, какъ я была—порывистая, горячая и

податливая на ласку... Я осыпала мою маму самыми нѣжными названіями, на которыя такъ щедра наша чудная Украина: „серденько мое“, „ясочка“, „гарная мамуся“ писала я и обливала мое письмо слезами умиленія. Испещривъ четыре страницы неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ, я, раньше нежели запечатать письмо, понесла его, какъ это требовалось институтскими уставами, m-lle Арно, торжественно возсѣдавшей на каѳедрѣ. Пока классная дама пробѣгала вооруженными пенснэ глазами мои самимъ сердцемъ диктованныя строки, я замирала отъ ожиданія — увидѣть ее прослезившеюся и растроганною, но каково-же было мое изумленіе, когда „синявка“, окончивъ письмо, бросила его небрежнымъ движеніемъ на середину каѳедры со словами:

— И вы думаете, что вашей maman доставитъ удовольствіе читать эти безграмотныя каракули? Я подчеркну вамъ синимъ карандашомъ ошибки, постарайтесь ихъ запомнить. И потомъ, что за нелѣпыя названія даете вы вашей мамѣ?... Непочтительно и неделикатно. Душа моя, вы напишете другое письмо и принесете мнѣ.

Это была первая глубокая обида, нанесенная дѣтскому сердечному порыву... Я еле сдержалась отъ подступившихъ къ горлу рыданій и пошла на мѣсто.

Нина, слышавшая все происшедшее, вся измѣнилась въ лицѣ.

— Злюка! — коротко и рѣзко бросила она почти вслухъ, указывая взглядомъ на m-lle Арно.

Я замерла отъ страха за свою подругу. Но та, нисколько не смущаясь, продолжала:

— Ты не горюй, Галочка, напиши другое письмо и отдай ей... — и совсѣмъ тихо добавила: — А это мы все-таки пошлемъ завтра... Къ Ирочкѣ придутъ родные и они опустятъ письмо. Я всегда такъ дѣлала. Не говори только нашимъ, а то Крошка наябедничаетъ „Пугачу“.

Я повеселѣла и, приписавъ, по совѣту княжны, на прежнемъ письмѣ о случившемся только-что эпизодѣ, написала новое, почтительное и холодное только, которое было благосклонно принято m-lle Арно.

Пріемъ. Сиротки. Черная монахиня.

УТРО воскресенья было солнечное и ясное. Открывъ заспанные глаза и увидя привѣтливое солнышко, я невольно вспомнила другое такое утро, когда, глубоко потрясенная предстоящей разлукой, я садилась въ деревенскую линейку между мамой и Васей...

Сладко потягиваясь, стала я одѣваться. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ встали „до звонка“, будившаго насъ въ воскресные и праздничные дни на полчаса позже.

Крошка и Маня Иванова — двѣ неразлучныя подруги — чинно прохаживались по „среднему“ переулку, т.-е. по пространству между двумя рядами кроватей, и о чемъ-то шептались.

Обѣ дѣвочки туго заплели волосы на ночь въ мелкія косички и въ чистыхъ передникахъ, тщательно причесанныя, выглядѣли очень празднично. Подлѣ меня, широко раскинувшись на постели, безмятежно спала моя Нина.

— Сегодня у насъ чай съ розанчиками, — неожиданно выкрикнулъ чей-то звонкій голосокъ, разбудившій княжну.

— Влассовская, завяжи мнѣ, душка, „оттажки“, — говорила, подойдя къ моей постели, Таня Петровская, рябая, курносенькая брюнетка, удивительно, до смѣшного похожая на Гапку.

Я завязала ей передникъ красивымъ бантомъ и, полюбовавшись нѣсколько секундъ своимъ произведеніемъ, принялась натягивать на ноги грубые нитяные казенные чулки.

Фрейлейнъ Генингъ, „Булочка“ или „Кисъ-Кисъ“, какъ ее прозвали институтки, вышла изъ своей комнаты, помѣщавшейся на другомъ концѣ коридора, около девяти часовъ и, не дожидаясь звонка, повела насъ уже совсѣмъ готовыхъ на молитву. Дежурная пепиньерка Корсакъ, миніатюрная блондинка — „душка“ Мани Ивановой — особенно затянулась въ свое сѣрое форменное платье и казалась почти воздушной.

— Увидишь, ее выведутъ сегодня изъ церкви, — говорила Нина, съ нескрываемымъ удивленіемъ оглядывая осиную талію Корсакъ, — ее каждый разъ выводятъ.

Слова Нины оправдались. Леночка Корсакъ не достояла и половины службы: ей сдѣлалось дурно. Ее едва успѣла подхватить стоявшая у стула „Кисъ-Кисъ“ и при помощи другой классной дамы вывела изъ церкви.

Обѣдня прошла еще съ большей торжественностью, нежели всенощная.

Въ 12 часовъ мы уже шли завтракать. Воскресный завтракъ состоялъ изъ кулебяки съ рисомъ и грибами. На второе дали чай съ вкусными слоеными булочками.

Тотчасъ послѣ завтрака, когда мы не успѣли еще подняться въ классъ, раздался звонокъ, возвѣщающій о пріемѣ родныхъ.

На лѣстницу уже поднимались желанные посѣтители съ разными тюричками и корзиночками для своихъ любимицъ.

— Знаешь, — оживленно шептала Миля Корбина своей „парѣ“ Дашѣ Муравьевой: — сегодня тетя обѣщала мнѣ принести въ муфтѣ пузырекъ горячаго кофе.

— Смотри, какъ-бы не поймали, — озабоченно шепнула серьезная не по лѣтамъ Даша, или Додо, какъ ее прозвали институтки.

— Дежурныя въ пріемѣ, въ залъ,—раздался голосъ оправившейся послѣ обморока Корсакъ.

Нѣсколько дѣвочекъ и въ томъ числѣ княжна вышли на середину класса. Это были наши „сливки“, т.-е. лучшія по поведенію и ученію институтки.

— М-lle Корсакъ, позвольте мнѣ вамъ сказать по секрету, — робко произнесъ гортанный голосокъ Нины.

— Говори, малютка, — и Корсакъ, любившая покровительствовать маленькимъ, обняла Нину и отошла съ ней къ сторонкѣ.

— Мнѣ хочется уступить мою очередь кому-нибудь,— просящимъ шопотомъ говорила княжна.

При всемъ моемъ желаніи услышать, что говорила Нина, я не могла; только видѣла, какъ глаза ея поблескивали да блѣдныя щечки вспыхивали румянцемъ.

Корсакъ улыбнулась, погладила княжну по головкѣ и перевела глаза на меня.

— Влассовская, — сказала она: — Джаваха передаетъ свою очередь дежурства въ пріемѣ изъ-за васъ. Если-бы вы были назначены съ нею, она не лишила-бы себя этого удовольствія. Вы только-что поступили, но я попрошу фрейлейнъ Генингъ назначить и васъ дежурить въ пріемѣ. Одна ваша дружба съ Ниной говоритъ уже за васъ.

И, поцѣловавъ княжну, симпатичная дѣвушка пошла просить за насъ классную даму.

Кисъ-Кисъ, разумѣется, согласилась и, мы, веселыя, торжествующія, побѣжали въ пріемный залъ.

— Право, она премилая, эта Леночка Корсакъ,—говорила по дорогѣ Нина, — и я жалѣю, что смѣялась надъ нею. Знаешь, Галочка, мнѣ кажется, что она вовсе не затягивается.

— Спасибо, — горячо поблагодарила я мою добрую подружку.

— Э, полно,—отмахнулась она,—намъ съ тобой доставитъ удовольствіе порадовать другихъ... Если-бъ ты знала, Галочка, какъ пріятно прибѣжать въ классъ и вызвать къ роднымъ ту или другую дѣвочку!... Въ такія минуты я всегда такъ живо, живо вспоминаю папу. Что было-бы со мною, если-бы меня вдругъ позвали къ нему!... Но, постой, вотъ идетъ старушка, это мама Нади Федоровой, бѣги назадъ и вызови Надю.

Я помчалась исполнять данное мнѣ Ниной порученіе. Когда я вернулась въ залъ, меня поразило шумливое жужжанье говора, по крайней мѣрѣ, двухъ сотенъ голосовъ. Княжна подвинулась и дала мнѣ мѣсто на скамейкѣ у дверей, между собой и Дашей Муравьевой.

— Ты тоже дежуришь, привыкай,— со своимъ чуть замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ шепнула мнѣ фрейлейнъ Генингъ и углубилась въ вязаніе трехъ-аршиннаго шарфа.

Невдалекѣ отъ насъ сидѣла Маня Иванова со своимъ маленькимъ гимназистикомъ-братомъ. Она раздѣлила принесенное имъ сестренкѣ большое яблоко на двѣ половины и оба, смѣясь и болтая, уплетали его. Еще дальше вялая Реннъ, сидя между матерью и старшей сестрой, упорно молчала, поглядывая на чужія семьи, счастливыя краткимъ свиданьемъ.

— Смотри, это къ Ирочкѣ,—воскликнула, вся вспых-

нувъ, моя сосѣдка, и, прежде чѣмъ я успѣла сказать что-либо, Ниночка присѣдала передъ высокимъ сѣдымъ господиномъ почтеннаго и важнаго вида.

— Мадмуазель Трахтенбергъ сейчасъ выйдетъ, — произнесла она и бросилась звать свою „душку".

Постоянные посѣтители пріема, увидя незнакомую дѣвочку между всегдашними дежурными, спрашивали фрейлейнъ — новенькая-ли я. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они сочувственно-ласково улыбались мнѣ.

Побѣжавъ вызывать кого-то изъ нашихъ, я столкнулась въ дверяхъ 5-го „проходного" класса съ княжной.

— Я отдала Ирочкѣ твое письмо, будь покойна, оно будетъ сегодня же опущено въ почтовый ящикъ...— шепнула она мнѣ, вся сіяющая, счастливая.

Снова бѣжала я въ классъ и снова возвращалась. Пріемъ подходилъ къ концу. Я съ невольной завистью смотрѣла на разгорѣвшіяся отъ радостнаго волненія юныя личики и на не менѣе довольныя лица родныхъ. „Еслибъ сюда да мою маму, мою голубушку", — подумала я и сердце мое замерло. А тутъ еще совсѣмъ близко отъ меня Миля Корбина, нѣжно прильнувъ къ своей мамѣ бѣлокурой головенкой, что-то скоро-скоро и взволнованно ей разсказываетъ. И ея мама, такая добрая и ласковая, въ родѣ моей, внимательно слушаетъ свою дѣвочку, тщательно и любовно приглаживая рукой ея бѣлокурыя косички...

Мнѣ стало больно, больно.

Миля Корбина разсказывала своей мамѣ...

— „Больше полугода безъ тебя, моя дорогая мамуся“, — горько подумала я и сдѣлала усиліе, чтобъ не разрыдаться.

Пріемъ кончился... Тотъ-же звонокъ прекратилъ два быстро промелькнувшіе часа свиданья... Зашумѣли отодвинутыя скамейки. Родители торопливо цѣловали и крестили своихъ дѣвочекъ, и, наконецъ, зала опустѣла.

— Миля, давай мѣняться, апельсинъ за пять карамелекъ! — кричитъ Маня Игнатьева Милѣ Корбиной.

— Хорошо, — киваетъ та.

— Федорова, тебѣ принесли чайной колбасы, дай кусочекъ, душка, — откуда-то изъ-за шкапа раздается голосъ Бѣльской, на что Надя, податливая и тихенькая, соглашается безъ колебаній.

Мы идемъ въ столовую.

Еще въ нижнемъ коридорѣ передается отрадная новость: „Mesdam'очки, на третье сегодня подадутъ кондитерское пирожное“.

Обѣдъ прошелъ съ необычайнымъ оживленіемъ. Тѣ, у которыхъ были родные въ пріемѣ, отдавали сладкое дѣвочкамъ, не посѣщаемымъ родителями или родными.

Послѣ молитвы, сначала прочитанной, а затѣмъ пропѣтой старшими, мы поднялись въ классы, куда швейцаръ Петръ принесъ цѣлый подносъ корзинъ, коробокъ и мѣшечковъ разныхъ величинъ, оставленныхъ внизу посѣтителями. Началось угощенье, раздача сластей подругамъ, даже мѣна. Мы съ Ниной удалились въ уголъ

за черную классную доску, чтобы поболтать на свободѣ. Но дѣвочки отыскали насъ и завалили лакомствами. Общая любимица Нина, гордая и самолюбивая, долго отказывалась, но не желая обидѣть подругъ, приняла ихъ лепту.

Надя Федорова принесла мнѣ большой кусокъ чайной колбасы и, когда я стала отнѣкиваться, пресерьезно замѣтила:

— Ѣшь, ѣшь, или спрячь, вѣдь я же не отказывалась отъ твоихъ коржиковъ.

И я, чтобы не обидѣть ея, ѣла колбасу послѣ пирожныхъ и карамелей.

Наконецъ, съ гостинцами было покончено. Полуопустошенныя корзины и коробки поставили въ шкапъ, который тутъ же заперла на ключъ дежурная; пустыя побросали въ особый ящикъ, пріютившійся между піанино и шкапомъ, и дѣвочки, наполнивъ карманы лакомствами, поспѣшили въ залу, гдѣ уже играли и танцовали другіе классы.

Институтки старшихъ классовъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ маленькими, прохаживались по залѣ.

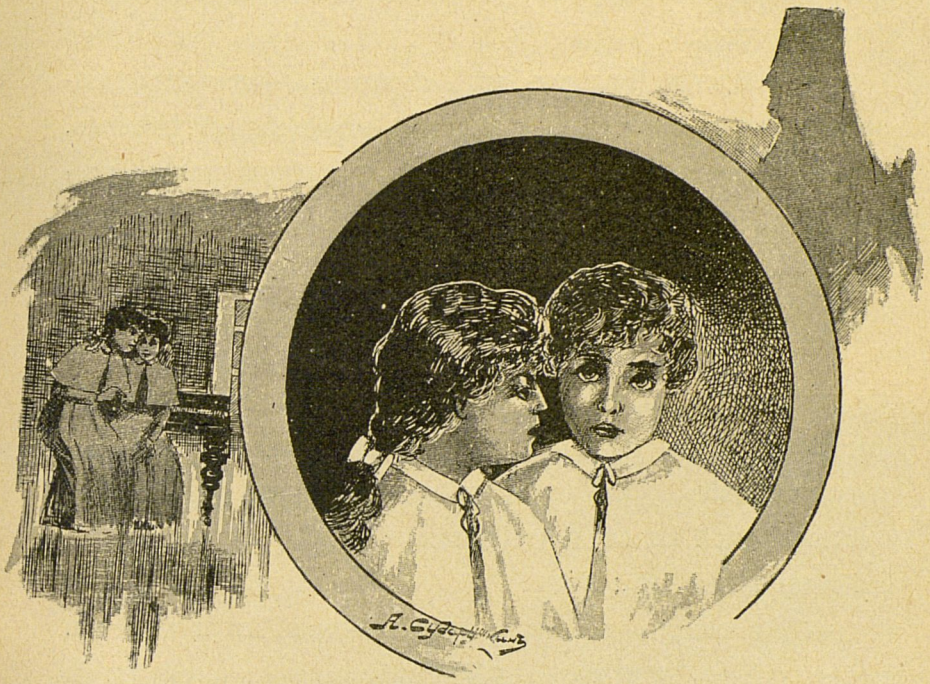
Ирочка Трахтенбергъ, все съ тою же неизмѣнной Михайловой, сидѣли на одной изъ скамеекъ у портрета императора Павла.

— Княжна, пойдите-ка сюда,—крикнула Михайлова Нину.

Но моя гордая подруга сдѣлала видъ, что не слышитъ, и увлекла меня изъ залы на маленькую лѣсенку,

гдѣ были устроены комнатки для музыкальныхъ упражненій, называемыя „силюльками“.

— Если-бъ меня позвала Ирочка, я бы, конечно, пошла, — оправдывалась Нина, когда мы остались однѣ въ



Мы повѣряли другъ другу наши впечатлѣнія...

крохотной комнаткѣ съ роялемъ и табуретомъ, — единственной въ ней мебелью, — но эта противная Михайлова такая насмѣшница!

И снова полилась горячая дружеская бесѣда. Изъ залы доносились звуки рояля, веселый смѣхъ рѣзвив-

шихся институтокъ, но мы были далеки отъ всего этого. Тѣсно усѣвшись на кругломъ табуретѣ, мы повѣряли другъ другу наши дѣтскія похожденія, впечатлѣнія, случаи... Начало темнѣть, звуки постепенно смолкли. Мы заглянули сквозь круглое окошечко въ залъ. Онъ былъ пустъ...

— Пойдемъ, Галочка, мнѣ страшно, — вдругъ шепнула Нина, и ея личико сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ.

— Что съ тобой? — удивилась и вмѣстѣ встревожилась я.

— Потомъ, потомъ, скорѣе отсюда! Разскажу въ дортуарѣ.

И мы опрометью кинулись вонъ изъ „силюлекъ".

Въ тотъ-же вечеръ я услышала отъ Нины, что нашъ институтъ когда-то, давно-давно былъ монастыремъ, доказательствомъ чего служили слѣды могильныхъ плитъ въ послѣдней аллеѣ и силюльки, бывшія, вѣроятно, келейками монахинь.

— Не разъ, — говорила Нина, — прибѣгали дѣвочки изъ силюлекъ всѣ дрожащія и испуганныя и говорили, что слышали какіе-то странные звуки, стоны. Это, какъ говорятъ, плачутъ души монахинь, не успѣвшихъ покаяться передъ смертью. А разъ, это было давно, когда весь институтъ стоялъ на молитвѣ въ залѣ, вдругъ въ силюлькахъ послышался какой-то шумъ, потомъ плачъ и всѣ институтки, какъ одинъ человѣкъ, увидѣли тѣнь высокой, черной монахини, которая прошла мимо круглаго

окна въ коридорчикъ верхнихъ силюлекъ и, спустившись съ лѣстницы, пропала внизу.

— Ай, замолчи, Нина, страшно! — чуть не плача, остановила я княжну. — Неужели ты вѣришь въ это?

— Я? понятно, вѣрю, — и подумавъ немного, она прибавила задумчиво: — Конечно, потому что иногда я сама вижу мою покойную маму...

— Джаваха, дай спать, ты мѣшаешь своимъ шептаньемъ,—нарушила тишину дортуара Бѣльская.

Скоро весь дортуаръ затихъ, погруженный въ сонъ.

Мнѣ было невыразимо жутко. Я натягивала одѣяло на голову, чтобъ ничего не слышать и не видѣть, читала до трехъ разъ „Да воскреснетъ Богъ“, но все-таки не выдержала и улеглась спать на одну постель съ Ниной, гдѣ тотчасъ же, несмотря ни на какіе страхи, уснула, какъ убитая.

ПРОХОДИЛИ дни и недѣли со дня моего поступленія въ институтъ.

Однажды, когда мы собирались спускаться завтракать, въ классъ вошелъ швейцаръ.

Появленіе швейцара всегда особенно волновало сердца дѣвочекъ. Появлялся онъ единственно съ цѣлью вызвать ту или другую воспитанницу въ непріемный часъ къ посѣтившимъ ее родственникамъ. Поэтому одинъ видъ красной, расшитой галунами ливреи заставлялъ замирать ожиданіемъ не одну юную душу.

Но на этотъ разъ онъ никого не вызвалъ, а молча подалъ письмо дежурной дамѣ и исчезъ такъ же бы-

стро, какъ вошелъ. Кисъ-Кисъ вскрыла конвертъ и, едва пробѣжавъ первую страницу мелко-исписаннаго листка, громко позвала меня:

— Влассовская, du hast einen Brief von deiner Mama bekommen (тебѣ письмо отъ твоей мамы).

Вся вспыхнувъ отъ неожиданной радости, я приняла письмо дрожащими руками.

Письмо было дѣйствительно отъ мамы.

„Дѣточка ненаглядная!—писала моя дорогая.—Долго не писала тебѣ, такъ какъ Вася былъ очень боленъ: бѣдняжка схватилъ корь и пролежалъ двѣ недѣли въ постели. Теперь нашъ мальчикъ поправляется. Онъ такъ часто вспоминаетъ свою далекую сестренку. Даже въ бреду онъ поминутно кричалъ: „Люда, Люда, позовите ко мнѣ Люду“.

„Очень рада, дѣточка, что ты начинаешь привыкать къ новой жизни... Поблагодари и крѣпко поцѣлуй отъ меня твою милую маленькую княжну за тѣ заботы, которыми она окружила тебя. Богъ да воздастъ сторицей доброй дѣвочкѣ!

„У насъ стоитъ ясная, сухая, украинская осень. Теперь заготовляемъ къ зимѣ капусту. Пшеницу, увы! продала не всю, и врядъ-ли мнѣ придется увидѣть тебя до лѣта, моя ясочка; ты знаешь, что наши средства такъ скромны.

„Тебя крѣпко, крѣпко цѣлуютъ няня и Вася; онъ проситъ переслать тебѣ вотъ этотъ цвѣтокъ настурціи,

чудомъ уцѣлѣвшій на клумбѣ. Гапка, Ивась, Катря — словомъ всѣ, всѣ шлютъ тебѣ поклоны. Вчера была у отца Василія; онъ заочно благословляетъ тебя и молитъ Господа за твои успѣхи.

„Пусто въ нашемъ хуторѣ съ твоего отъѣзда, моя дѣточка; даже Милка пріуныла и долго искала тебя по саду и двору; теперь она не отходитъ отъ Васи и все время его болѣзни пролежала у кроватки нашего мальчика.

„Ну, прости, моя дорогая дѣвочка, радость, счастье мое. Теперь я буду писать чаще. А пока горячо обнимаю мою стриженую головенку и благодарю за присылку милаго чернаго локона. Христосъ Богъ да поможетъ тебѣ въ твоихъ занятіяхъ. Не грусти, голубка, сердце мое, вѣдь о тебѣ день и ночь думаетъ твоя

„Мама“.

Институтки, длинная столовая съ безконечными столами, давно стынувшая котлетка, — все было забыто...

Слезы капали на дорогія строки, поднявшія во мнѣ цѣлый рой воспоминаній. Она стояла передо мной какъ живая, моя милая, чудная мамуня, и грудь моя разрывалась отъ желанья горячо поцѣловать дорогой призракъ. А между тѣмъ вокругъ меня шумѣлъ и жужжалъ неугомонный рой институтокъ. Онѣ о чемъ-то спорили, кричали, перебивая другъ друга.

— Все это вздоръ, mesdam'очки, однѣ глупыя сказки, — важно произнесла Петровская.

— Въ чемъ дѣло? — спросила я сидѣвшую подлѣ Нину, сразу какъ-бы разбуженная отъ сладкаго сна.

— Видишь-ли, хвастаются, что онѣ ничего не боятся, да вѣдь ложь, — трусишки онѣ всѣ. Вотъ та же Петровская боится выйти въ коридоръ ночью... А Додо утверждаетъ, что видѣла ночью лунатика.

— Что это такое „лунатикъ“? — заинтересовалась я.

— А ты развѣ не знаешь?—закричала черезъ столъ Маруся Запольская, которую прозвали Краснушкою за ея ярко-краснаго цвѣта волосы.

— Нѣтъ.

— Это болѣзнь такая. Человѣкъ, у котораго разстроены нервы, — объясняла съ комическою важностью Иванова, — вдругъ начинаетъ ходить по ночамъ съ закрытыми глазами, взбирается на крыши домовъ съ ловкостью кошки, ходитъ по карнизамъ, но избави Богъ его назвать въ такія минуты по имени: онъ можетъ умереть отъ испуга. Вотъ такихъ больныхъ и называютъ лунатиками.

Дѣвочки, обожавшія все таинственное, слушали съ жаднымъ вниманіемъ свѣдущую подругу.

— А ты кого видѣла, Додо? — набросились онѣ разомъ на Муравьеву.

— Я, mesdam'очки,—таинственно сообщала Даша,— пошла пить воду подъ кранъ вчера ночью и вдругъ вижу—въ концѣ коридора, у паперти, идетъ что-то бѣлое, будто привидѣніе. Ну, я, понятно, убѣжала въ дортуаръ.

— И все ты врешь, душка,—недовѣрчиво оборвала ее Краснушка.—Вѣрно, у кого-нибудь изъ старшихъ зубы болѣли, а ты, на, ужь и рѣшила, что это лунатикъ.

— А-а,— разочарованно протянули дѣвочки, недружелюбно поглядывая на Краснушку, такъ грубо сорвавшую маску таинственности съ интереснаго случая.

— Ну, да, ты ничему не вѣришь, ты и въ черную монахиню не вѣришь и въ играющія на роялѣ въ 17-омъ нумерѣ зеленыя руки не вѣришь,— разсердилась Додо.

— Нѣтъ, въ монахиню вѣрю, и въ руки тоже,— призадумалась Краснушка,— а въ лунатика не вѣрю.. Это чушь.

— Mesdam'очки,— вдругъ раздался гортанный голосокъ до сихъ поръ молчавшей княжны,— хотите, я сегодня-же ночью пойду и узнаю, какой-такой появился лунатикъ?—и глазки предпріимчивой Нины уже засверкали отъ одушевленія.

— Ты, душка, сумасшедшая! Тебя, такую больнушку, и вдругъ пустить на паперть! Да и потомъ ты у насъ вѣдь изъ лучшихъ, изъ „сливокъ", „парфетокъ", а не „мовешка"— тебѣ плохо будетъ, если тебя поймаютъ.

(„Сливками" или „парфетками" назывались лучшія ученицы, записанныя за отличіе на красной доскѣ; „мовешки"—худшія по поведенію.)

— Ну, сотрутъ съ доски— и все!— тряхнула безпечно головкой Нина,—только ты, Крошка, не насплетничай,— крикнула она сидѣвшей на противоположномъ

концѣ стола и внимательно прислушивавшейся къ разговору Крошкѣ.

Та презрительно передернула плечиками.

— Я правду говорю, — не унималась княжна: — откого m-lle Арно узнала, что ее Пугачомъ называютъ, а? Ты передала. А что Вольской рѣпу въ пріемъ принесли, — ты тоже съябедничала, — горячилась княжна. — Нѣтъ, Маркова, ужь ты не оправдывайся лучше — не хорошо.

И Нина отвернулась отъ нея, не желая замѣчать, какъ личико Крошки покрылось пятнами.

— А на паперть караулить лунатика я все-таки пойду, — неожиданно добавила княжна, задорно оглядывая насъ своими черными глазами.

— Ниночка, тебя моя мама цѣлуетъ и благодаритъ,— сказала я, желая отвлечь подругу отъ непріятнаго предпріятія.

— Спасибо, Галочка, — ласково улыбнулась она и крѣпко пожала своей тоненькой, но сильной ручкой мои пальцы.

Весь остальной день Нина вела себя какъ-то странно: то задумается и станетъ вдругъ такая сосредоточенная, а то вдругъ зальется громкимъ, долго несмолкающимъ смѣхомъ. За урокомъ француза Нина особенно ясно и безошибочно перевела небольшой разсказъ изъ хрестоматіи, за что получила одобреніе преподавателя.

За Ниной вызвали Крошку Маркову. Крошка

вспыхнула: она не успѣла повторить урока, увѣренная, что сегодня ея не вызовутъ, и переводила сбивчиво и безтолково.

Monsieur Ротье недоумѣвающе приподнялъ брови. Крошка шла одною изъ лучшихъ ученицъ класса, а сегодняшніе ея отвѣты были изъ рукъ вонъ плохи.

— Qu'avez-vous, petite? Je ne vous reconnais plus (что съ вами? я не узнаю васъ больше)! Вы хорошо училь и зналь вашъ урокъ, et maintenant (а сегодня...) oh, менѣ только остаетъ хорошій ученица маленькая princesse et plus personne (княжна и больше никто).

Monsieur Ротье въ исключительныя минуты жизни всегда объяснялся по-русски, немилосердно коверкая языкъ.

Я видѣла, какъ краска то отливала, то приливала къ щекамъ взбѣшенной и сконфуженной Крошки.

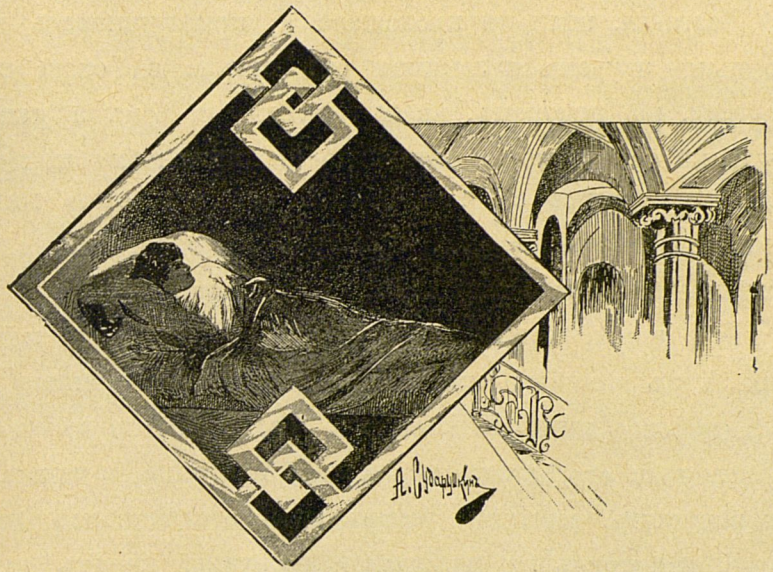
— Ну, Ниночка, — сказала я моей сосѣдкѣ, — этого она тебѣ не проститъ никогда.

Нина только передернула худенькими плечиками и ничего не отвѣтила.

Въ девять часовъ, когда фрейлейнъ, пославъ свое обычное „gute Nacht“ лежащимъ въ постеляхъ дѣвочкамъ, спустила газъ и, побродивъ безшумно по чуть освѣщенному дортуару, скрылась изъ него, меня охватилъ страхъ за Нину, которая еще разъ до спуска газа подтвердила свое рѣшеніе во что-бы то ни стало провѣрить, правду-ли говорятъ о лунатикѣ институтки.

— Ну, не ходи, Нина, милая, если не изъ-за меня, то хоть ради Ирочки, — молила я свою храбрую подружку.

— Нѣтъ, Люда, я пойду, ты не проси лучше... ради нея-то, ради Ирочки, я и пойду. Вѣдь я еще ни-



Я прислушивалась къ ночнымъ звукамъ...

чего особеннаго не сдѣлала, чтобы заслужить ея дружбу, вотъ это и будетъ моимъ подвигомъ. И потомъ я уже объявила всѣмъ, что пойду. А княжна Джаваха не можетъ быть лгуньей.

— Ну, въ такомъ случаѣ позволь мнѣ пойти съ тобою.

— Ни за что! — пылко воскликнула она, — иначе мы поссоримся.

И молча одѣвшись и накинувъ на плечи большой байковый платокъ, Нина осторожно выскользнула изъ дортуара.

Гдѣ-то чуть скрипнула дверь, и снова все стихло.

Долго-ли, нѣтъ-ли пролежала я, прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ и замирая отъ страха за свою подружку, но, наконецъ, не вытерпѣла, и быстро накинувъ на себя грубую холщевую нижнюю юбку и платокъ, прокралась съ величайшей осторожностью мимо спящихъ въ умывальной прислугъ въ коридоръ, едва освѣщенный слабо мерцающими рожками.

Всѣ двери, ведущія въ дортуары остальныхъ классовъ и въ комнаты классныхъ дамъ, расположенныя по обѣ стороны длиннаго коридора, были плотно заперты. Я миновала его, дрожа отъ холода и страха, и подошла къ высокимъ, настежь раскрытымъ стекляннымъ дверямъ, ведущимъ на площадку лѣстницы передъ церковью, называемую папертью, и притаилась въ углу коридора за дверью, гдѣ, не будучи сама замѣчена, могла, хотя не безъ труда, видѣть происходящее на паперти. Она была не освѣщена, и только свѣтъ изъ коридорныхъ рожковъ, слабо боровшійся съ окружающей темнотою, позволилъ мнѣ разглядѣть маленькую бѣлую фигурку, прижавшуюся къ одной изъ скамеекъ.

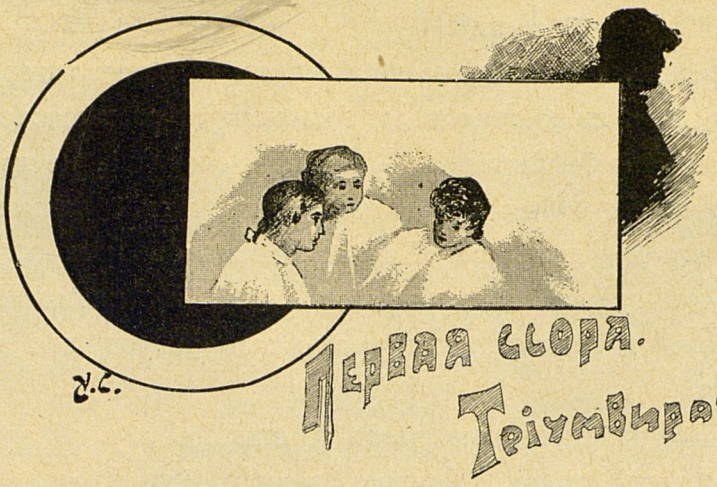
То была она, моя взбалмошная, смѣлая Нина!

Она не двигалась... Я еле дышала, боясь быть открытой въ моей засадѣ.

Прошло, вѣроятно, не менѣе часа. Мои ноги затекли отъ сидѣнья на корточкахъ, и я начала уже раскаиваться, что напрасно безпокоилась, — княжнѣ, очевидно, не грозила никакая опасность,—какъ вдругъ легкій шелестъ привлекъ мое вниманіе. Я приподнялась съ пола и замерла отъ ужаса: прямо противъ меня въ противоположныхъ дверяхъ стояла невысокая фигура вся въ бѣломъ.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Я чуть дышала отъ страха... Княжна, между тѣмъ, встала со своего мѣста и прямо направилась къ бѣлому призраку.

Тутъ я не помню, что произошло со мною. Я, кажется, громко вскрикнула и лишилась чувствъ.



Первая сцена. Триумвиратъ.

ОЧНУЛАСЬ я въ дортуарѣ на моей постели. Около меня склонилось озабоченное знакомое лицо нашей нѣмки.

— Лучше тебѣ, дѣвочка?—спросила она.—Можетъ-быть, не свести-ли тебя въ лазаретъ, или подождемъ до утра?

Въ головѣ моей все путалось... Страшная слабость сковывала члены. Я вся была какъ разбитая.

— Гдѣ Нина?—спросила я классную даму.

— Sie schläft, bleib' ruhig! (она спитъ, будь покойна!)—строже произнесла Кисъ-Кисъ и, видя, что я успокоилась, хотѣла было отойти отъ моей постели, но я не пустила ея, схвативши за платье.

— Фрейлейнъ, что-же это было? что это было, ради Бога скажите? — испуганно вырвалось у меня при внезапномъ воспоминаніи о бѣлой фигурѣ.

— Dumme Kinder! (глупыя дѣти!) — совсѣмъ уже сердито воскликнула рѣдко сердившаяся на насъ нѣмка.— Ишь, что выдумали! Просто запоздавшая прислуга торопилась къ себѣ въ умывальню, а онѣ — крикъ, скандалъ, обморокъ! Schande! (Стыдъ!) Тебѣ простить еще можно, но какъ это княжна выдумала показывать свою храбрость?.. Стыдъ, срамъ, Петрушки этакія! (Петрушки— было самое ругательное слово на языкѣ доброй нѣмки). Еслибъ не я, а кто другой дежурилъ, вѣдь вамъ-бы не простилось, васъ свели-бы къ Maman, единицу за поведеніе поставили-бы! — хорохорилась нѣмка.

— Да мы знали, что вы не выдадите, фрейлейнъ, оттого и рѣшились въ ваше дежурство, — попробовала я оправдываться.

— И не мы, а она! — сердито поправила она меня, мотнувъ головой на княжну, спящую или притворявшуюся спящей. — Это вы мнѣ, значитъ, за мою снисходительность такой-то сюрпризъ устраиваете, danke sehr (очень благодарна)!

— Простите, фрейлейнъ.

— Ты что, ты — курица, а вотъ орленокъ нашъ и думать забылъ о своемъ проступкѣ, — смягчившись, произнесла менѣе ворчливымъ голосомъ фрейлейнъ и вторично взглянула на спавшую княжну.

Лишь-только она скрылась, я приподнялась на локтѣ и шопотомъ спросила:

— Нина, ты спишь?

Отвѣта не было.

— Ты спишь, Ниночка? — немного громче позвала я.

Новое молчаніе.

Я посмотрѣла съ минуту на милое личико, казавшееся блѣднѣе отъ неровнаго матоваго свѣта рожковъ. Потомъ, зарывшись съ головою подъ одѣяло, я заснула крѣпкимъ и тяжелымъ сномъ.

Проснулась я отъ громкаго говора институтокъ. Кто-то кричалъ, ссорился, спорилъ. Открывъ глаза, я увидѣла Нину почти одѣтую, съ блѣднымъ, нахмуреннымъ лицомъ и сердитыми, глядящими исподлобья глазками.

— Никогда и ничѣмъ я не хвасталась, — холодно и рѣзко говорила она „Крошкѣ“, старательно заплетавшей свои бѣлокурыя косички. — Никогда! Оправдываться ни передъ тобой, ни передъ классомъ не буду. Я не струсила и шла на паперть одна. Больше я ничего не скажу и прошу меня оставить въ покоѣ!

— Ниночка, въ чемъ онѣ тебя обвиняютъ? — встревоженно спросила я моего друга.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, меня въ покоѣ. Ты мнѣ только испортила все, все!—съ сердцемъ и горячностью воскликнула она и, круто повернувшись, отошла отъ кровати.

Я видѣла ея ожесточенное выраженіе лица, слышала ея холодный, недружелюбный голосъ, и сердце мое упало. Какъ жестоко и несправедливо было ея обвиненіе!

Я быстро одѣлась, еле сдерживая накипавшія въ груди слезы, и пошла искать Нину. Она стояла у окна въ коридорѣ съ тѣмъ-же сердито-нахмуреннымъ лицомъ.

— Нина! — подошла я къ ней и положила на плечо руку.

— Уйди, не зли меня! Изъ-за тебя, изъ-за твоего глупаго вмѣшательства, онѣ, эта Маркова и Иванова, издѣваются надъ моей трусостью... Уйди!...

— Ниночка, — растерявшись, произнесла я: — сейчасъ-же пойду и скажу имъ, что ты ничего не знала, что я сама прокралась за тобой...

— Этого еще недоставало! — вспыхнула она гнѣвомъ и даже съ силой топнула ножкой, — уйди, пожалуйста, ты ничего умнаго не придумаешь! Ты меня только злишь! Я видѣть тебя не хочу!

И она почти съ ненавистью взглянула на меня и рѣзко повернулась ко мнѣ спиной.

Все было кончено...

Точно что-то перевернулось у меня въ сердцѣ.

Нина, моя милая Нина, мой единственный другъ, разорвалъ со мною тѣсныя узы дружбы!...

Опустивъ голову, молча двинулась я назадъ въ дортуаръ, чувствуя себя безконечно одинокой и жалкой.

„Мамочка! — рыдало что-то внутри меня,—за что, за что? Ты не слышишь, родная, свою дѣвочку, не знаешь, какъ ее обидѣли! И кто-же? самая близкая, самая любимая душа въ этихъ стѣнахъ! Ты-бы не обидѣла, — ты не обидѣла ни разу меня, дорогая, далекая, милая!“

Я точно нарочно растравляла еще сильнѣе этими причитаніями мою глубоко возмущенную дѣтскую душу, стараясь задѣть самыя болѣзненныя, самыя чувствительныя струны ея.

Дойдя до своей постели, я повалилась на нее и, скрывъ лицо въ подушкахъ, зарыдала горько, неутѣшно, стараясь заглушить мои рыданья.

Вдругъ чья-то маленькая ручка коснулась меня.

„Нина! — мелькнуло въ моей головѣ, — Нина, она раскаялась, она пришла!“

И счастливая отъ одной этой мысли, я подняла голову и отшатнулась.

Но это была не Нина.

Бѣлокурая Крошка стояла передо мной и улыбалась привѣтливо и ласково.

Эта улыбка дѣлала чрезвычайно обаятельной ея недоброе, капризное личико.

— Ты поссорилась съ Джавахой?—спросила она меня.

— Нѣтъ, я не ссорилась, я не понимаю за что разсердилась Нина и прогнала меня... Мнѣ это очень больно...

— Больно? — и красивое личико Крошки исказилось гримаской, — ну, такъ пойди, проси у нея прощенія, можетъ-быть, она и проститъ тебя! — насмѣшливо проговорила Крошка.

Эти ея слова точно хлестнули меня по душѣ... Хит-

— Больно? — и личико Крошки исказилось гримаской...

рая дѣвочка поняла, чѣмъ можно поддѣть меня. Во мнѣ заговорило врожденное самолюбіе, гордость.

„Въ самомъ дѣлѣ, что за несчастье, если княжна дуется и капризничаетъ? — подумала я. — Чего я плакала, глупенькая, точно я въ самомъ дѣлѣ виновата? Не хочетъ со мною дружить — такъ и Богъ съ ней!“

И я постаралась [illegible]

— Ну, вотъ и [illegible] — обрадовалась Крошка, — охота была портить [illegible] глаза-то одни, а подругъ много! Да вотъ, чего [illegible] въ долгій ящикъ, хочешь быть со мной подругой?

— Я, право, не знаю, [illegible] стерялась я. — Да ты вѣдь съ Маней Ивановой, кажется, дружна?

— Такъ что-же! Это не помѣшаетъ нисколько; мы будемъ подругами втроемъ, будемъ втроемъ гулять въ перемѣны: я—въ серединѣ, какъ самая маленькая, ты—справа, Маня — слѣва, хорошо? Теперь какъ-то все потрое подруги; это называется въ институтѣ „тріумвиратъ“. Ты увидишь, какъ будетъ весело!

Я не знала, что отвѣтить. Крошка была врагъ Нины, я это отлично знала, но вѣдь Нина первая измѣнила своему слову и прогнала меня отъ себя. А Крошка успокоила, обласкала да еще предлагаетъ свою дружбу!.. Что-жъ тутъ думать, о чемъ?

И, не колеблясь ни минуты, я протянула ей руку.

— Хорошо, я согласна!

Мы обнялись и поцѣловались. Позвали Маню Иванову и съ ней поцѣловались.

„Тріумвиратъ“ былъ заключенъ.

Раздался звонокъ, призывающій къ молитвѣ и чаю. Сейчасъ вслѣдъ за m-lle Арно, вышедшей изъ своей комнаты, вошла Джаваха.

Увидя меня между Ивановой и Марковой, она, оче-

видно, сразу поняла, въ чемъ дѣло. Краска залила ея блѣдныя щеки, глаза загорѣлись ярко, ярко.

— Какая гадость — поступать такъ, — сквозь зубы произнесла она, глядя на меня въ упоръ пронизывающимъ душу взглядомъ.

Я невольно опустила глаза. Сердце какъ-то екнуло... Но минута, другая — и все мое колебаніе исчезло.

Возвращаться назадъ было не зачѣмъ да и неловко передъ моими новыми подругами... Съ прежней дружбой всѣ счеты были кончены...

Началась новая жизнь, новые друзья, новые разговоры, новыя тайны.

Крошка и Маня Иванова, въ особенности же первая, цѣликомъ завладѣли всѣмъ моимъ существомъ.

Я невольно подпадала подъ вліяніе Марковой, умѣвшей, несмотря на ея дѣтскіе годы, подчинять меня своей волѣ. Что была, въ сущности, Крошка, я не могла докопаться никакимъ образомъ. Очень неровная, минутами страшно капризная, настойчивая, любившая властвовать и, очень мѣтко подмѣчая чужіе недостатки, издѣваться надъ ними, — она, однако, считалась одной изъ лучшихъ воспитанницъ. Лишь-только ей приходилось попасть на глаза классной дамы или учителя, капризное личико принимало почтительно-кроткое выраженіе, и вся она казалась маленькимъ ангеломъ. Уходило начальство — и исчезало кроткое ангельское выраженіе съ лица Крошки... Классныя дамы, не постигшія всей

несимпатичной двойственности маленькаго существа, любили Крошку, относя ее къ числу „парфетокъ“, т.-е. лучшихъ ученицъ класса.

За то подруги единодушно ненавидѣли Маркову, называя за глаза „фискалкой“. Что касается послѣдняго недостатка Крошки, то уличить ее въ немъ было невозможно. Ее подозрѣвали въ томъ, что она бѣгаетъ жаловаться своей теткѣ — инспектрисѣ, но доказать этого никто не рѣшался, и потому Крошка благополучно выносила все изъ класса, а классъ ее ненавидѣлъ всѣми силами, хотя отчасти и побаивался втайнѣ. Ея дружба съ Маней Ивановой заключалась въ полномъ подчиненіи послѣдней Крошкѣ. Маня была добрая, славная, нѣсколько лѣнивая дѣвочка, имѣвшая одинъ страшный недостатокъ, по мнѣнію институтокъ: она любила поѣсть. Ѣсть Маня могла во всякое время, не разбирая, что и какъ. Иногда послѣ цѣлой коробки мармеладу, уничтоженной въ одинъ присѣстъ, она тутъ же, не передохнувъ, какъ говорится, принималась за калачъ, намазанный масломъ и густо посыпанный зеленымъ сыромъ. Какъ-то разъ на пари, призомъ котораго былъ назначенъ апельсинъ, Маня Иванова съѣла восемь штукъ большихъ институтскихъ котлетъ. Второю слабостью Мани было „обожаніе“ Крошки, о которой она отзывалась самыми восторженными похвалами.

— Лидочка — прелесть,—говорила она мнѣ, пережевывая кусокъ чего-нибудь и вся сіяя удовольствіемъ,—

онѣ ея не понимаютъ и дуются; да ты вотъ подружишь съ нами подольше и тогда сама узнаешь.

А Лидочка неимовѣрно злоупотребляла дружбой Мани. Она командовала ею, заставляла оказывать ей тысячу мелкихъ услугъ и, къ довершенію всего, подняла на подругу цѣлое гоненіе за то, что Маня „обожала“ Леночку Корсакъ. Несмотря на недостатки Мани, меня тянуло гораздо больше къ ней, нежели къ лукавой, неискренней Крошкѣ.

Крошка замѣчала это и всѣми силами старалась скрѣпить наши недавнія узы дружбы.

Не знаю цѣли, заставлявшей Крошку такъ ухватиться за меня, но думаю, что она руководилась местью къ княжнѣ, которую считала своимъ злѣйшимъ врагомъ. Или просто ей хотѣлось заручиться преданной душой среди недружелюбно относящагося къ ней класса.

Съ первыхъ-же часовъ моей новой дружбы я поняла, что сдѣлала непростительную ошибку.

Холодная и эгоистичная Крошка, ничего не дѣлавшая спроста, и веселая сладкоѣшка Маня не могли мнѣ замѣнить моего потерянаго друга. А ссора съ Ниной вышла не шуточная. Она сидѣла на урокахъ на одной со мной скамейкѣ, ходила въ одной парѣ и спала подлѣ. Но я видѣла, какъ это стѣсняло ее. Всѣми силами Нина старалась выказать мнѣ свое полное негодованіе, почти ненависть. Она отодвигалась отъ меня на самый кончикъ скамейки, за обѣдомъ она передавала тарелки не

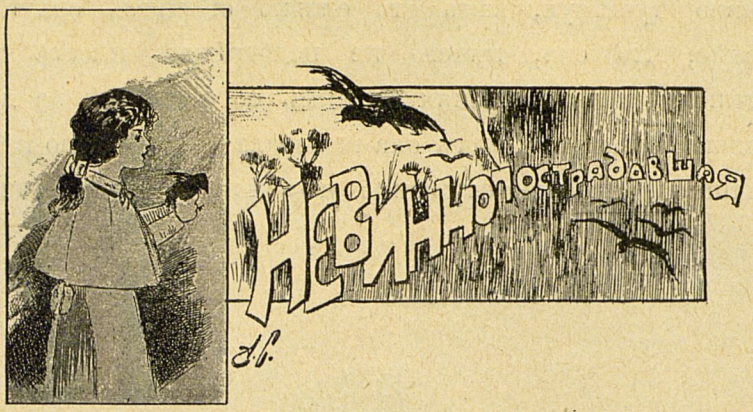
черезъ меня, а за моей спиной; она не ходила со мной подъ руку въ парѣ, какъ это было принято; приходя въ дортуаръ, она ложилась скоро, скоро и засыпала, еще до спуска газа, какъ-бы боясь разговоровъ и объясненій съ моей стороны.

Такъ прошло много времени. Я изнывала и не могла найти исхода. Крошка все ловчѣе и ловчѣе опутывала меня еле уловимыми сѣтями своей дружбы, а я, по свойственному моей натурѣ малодушію и слабости, не могла сбросить съ себя этой власти, всѣмъ сердцемъ продолжая любить мою единственную дорогую Ниночку. Послѣдняя очень измѣнилась со времени нашей ссоры. Всегда сдержанная и сосредоточенная прежде, любившая тихія, долгія бесѣды о Кавказѣ, о домѣ, она вдругъ стала неузнаваемо весела. Цѣлые досуги проводила она въ безцѣльной визгливой бѣготнѣ по залѣ съ „мовешками“, въ рисованьѣ на доскѣ смѣшныхъ фигурокъ или пробиралась на половину старшихъ и прогуливалась тамъ съ Ирочкой и Михайловой, не боясь „накрытія синявокъ“.

Послѣднія не могли не замѣтить перемѣны, происшедшей съ примѣрной воспитанницей, но относили это къ болѣзненнымъ проявленіямъ слабаго организма княжны и смотрѣли сквозь пальцы на выходки Нины.

Къ довершенію всего, Нина подружилась съ Бѣльской — „разбойникомъ“ класса, и была постоянной ея спутницей и соучастницей въ проказахъ.

Мамѣ я ничего не писала о случившемся, инстинктивно чувствуя, какъ это сильно огорчитъ ее, тѣмъ болѣе, что она, ничего не подозрѣвая, писала мнѣ длинныя письма, удѣляя въ нихъ по страницѣ на долю „милой дѣвочки“, какъ она называла мою дорогую взбалмошную, такъ незаслуженно огорчившую меня княжну.



ОДНАЖДЫ, послѣ завтрака, въ большую перемѣну, гуляя по саду въ обществѣ моихъ двухъ новыхъ подругъ, я была удивлена необычайнымъ оживленіемъ, господствовавшимъ на послѣдней аллеѣ. День былъ сырой, промозглый, однимъ словомъ — одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, на которые такъ щедръ петербургскій ноябрь. Мы прибавили шагу, желая поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло.

По серединѣ аллеи неуклюже прыгала, громко, безпомощно каркая, большая черная ворона. Правая лапка и часть крыла были у нея въ крови. За нею бѣжало нѣсколько нашихъ седьмушекъ съ Ниной Джаваха и Бѣльской во главѣ.

— Осторожнѣе, клюнетъ!—кричала Петровская, всячески удерживая княжну.

Но Нина не обратила вниманія на ея слова. Вся красная отъ волненія и тщетныхъ попытокъ поймать птицу, она, наконецъ, изловчилась и безстрашно схватила ворону, забившуюся у ножекъ садовой скамейки.

— Поймала! — сказала она, торжествующе обводя глазами маленькое общество.

— Какая ты храбрая, Ниночка, — замѣтила Надя Федорова, подобострастно глядя на смѣлую подругу.

Ворона билась и каркала въ рукахъ Нины, но дѣвочка ловко закутала ее въ платокъ, надѣтый внизу подъ клекой, и понесла ее въ классъ.

— Сохрани Богъ, синявки узнаютъ,—замирая шептала Федорова.

— Нѣтъ! Куда имъ! Бѣльская, бѣги за бинтомъ въ лазаретъ, скажи, что ссадила колѣнку, фельдшерица дастъ,—командовала Джаваха.

— А вдругъ велитъ показать колѣнку?

— Ну, вотъ еще! А то я сама пойду.

И Ниночка, поручивъ ворону Бѣльской, бѣгомъ помчалась въ лазаретъ.

Къ счастью, ворона притихла и ничѣмъ не обнаруживала своего присутствія. Ее посадили въ корзинку съ крышкой, въ которой мать Тани Петровской въ прошлое воскресенье привезла яблокъ. Мигомъ былъ принесенъ бинтъ изъ лазарета. Дождавшись, когда дежурный въ

этотъ день „Пугачъ“ вышелъ изъ класса, Нина быстро перевязала поломанное крыло вороны, предварительно обмывъ его хорошенько. Потомъ птицу силой накормили оставшейся у кого-то въ карманѣ отъ чая булкой и усадили въ корзину, прикрывъ сверху казеннымъ платкомъ.

Слѣдующій урокъ былъ батюшкинъ. Славный былъ нашъ добрый институтскій батюшка! Чуть-ли не святымъ прослылъ онъ въ нашихъ юныхъ понятіяхъ за теплое, чисто отеческое отношеніе къ дѣвочкамъ.

Разсказываетъ-ли онъ о страданіяхъ Іова или о бѣгствѣ іудеевъ изъ Египта, глаза его ласково и любовно останавливаются на каждой изъ насъ поочереди, а рука его гладитъ склоненную передъ нимъ ту или другую головку...

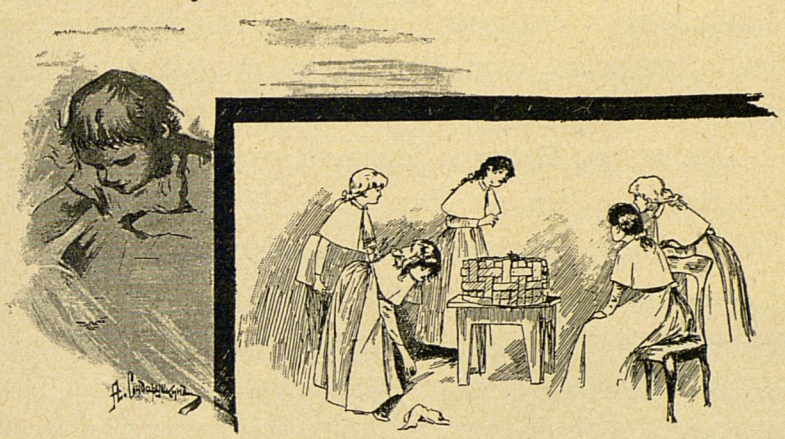
Батюшка никогда не сидѣлъ на каѳедрѣ. Передъ его урокомъ къ первой скамейкѣ средняго ряда придвигался маленькій столикъ, куда клались: учебники, журналъ, и ставилась чернильница съ перомъ для отмѣтокъ. Но батюшка и за столомъ никогда не сидѣлъ, а ходилъ по всему классу, останавливаясь въ промежуткахъ между скамейками. Особенно любилъ онъ Нину и называлъ ее „чужестраночкой“.

— Я, батюшка, русская, — немного обидчиво говорила она.

— Ну, что-жъ, что русская, а изъ какой дали къ намъ прилетѣла!

И широкій рукавъ нарядной шелковой рясы совсѣмъ прикрывалъ блѣдное личико и глянцовитыя косы.

Батюшку мы всѣ буквально боготворили. Мы повѣряли ему наши дѣтскія невзгоды, чистосердечно каялись въ содѣянныхъ шалостяхъ, просили совѣта или заступничества и никогда ни въ чемъ не терпѣли отъ него отказа. Худыхъ балловъ батюшка не ставилъ. Вый-



Ее посадили въ корзину...

детъ лѣнивая, не знающая урока ученица, въ родѣ Реннъ, онъ ее самыми немудреными и легко понятными вопросами наведетъ на отвѣтъ такъ, что урокъ она хотя слабо, а все-таки отвѣтитъ и получитъ 11 въ классномъ журналѣ. За то не знать урока у батюшки считалось преступленіемъ, за которое „нападалъ“ весь классъ безъ исключенія. Да, впрочемъ, такихъ случаевъ, къ нашей чести будь сказано, почти не случалось. Дѣвочки „парфетки“ слѣдили за дѣвочками „мовешками“,

заботясь, чтобы урокъ „Закона Божьяго“ былъ выученъ. Даже Реннъ не имѣла меньше 11 балловъ.

Послѣ класса мы всѣ окружали батюшку, который, благословивъ тѣснившихся вокругъ него дѣвочекъ, садился на приготовленное ему за столикомъ мѣсто, мы же располагались тѣсной толпой у его ногъ на полу и бесѣдовали съ нимъ вплоть до слѣдующаго урока.

Всѣхъ насъ онъ зналъ по именамъ и вызывалъ на урокахъ не иначе, какъ прибавивъ къ фамиліи ласкательное имя дѣвочки:

— А ну-ка, Манюша Иванова, разскажите о явленіи Іеговы праведному Моисею.

И Манюша разсказывала звонко, ясно, толково.

Такъ было и въ этотъ день, но едва Таня Покровская, особенно религіозная и богобоязненная дѣвочка, окончила трогательную повѣсть о слѣпомъ Товіи, какъ вдругъ изъ корзины, плотно прикрытой зеленымъ платкомъ, раздалось продолжительное карканье. Весь классъ замеръ отъ страха. Дежурившая въ этотъ день въ классѣ m-lle Арно вскочила со своего мѣста, какъ ужаленная, не зная, что предпринять, за что схватиться. Батюшка, недоумѣвая, оглядывалъ весь классъ своими добрыми, близорукими глазами...

— „Каръ-каръ“,—зловѣще неслось изъ угла.

— Въ классѣ—ворона,—вдругъ произнесъ, дрожа отъ злости, „Пугачъ“, — это — не шалость, а безобразіе, и виновная будетъ строго наказана!

И, вся зеленая отъ негодованія, она бросилась искать ворону. Но послѣдняя не заставила себя долго ждать: вылѣзши изъ корзины, она стала ковылять по полу съ громкимъ пронзительнымъ карканьемъ.

Классная дама кричала, дѣвочки шикали, чтобы прогнать ворону, суматоха была невообразимая.

Я взглянула на княжну: она была бѣлѣе своей бѣлой пелеринки.

Между тѣмъ, раздался звонокъ, возвѣщающій окончаніе урока, и батюшка, поспѣшно осѣнивъ насъ общимъ крестомъ, вышелъ изъ класса.

Мы притихли.

M-lle Арно приказала дежурной воспитанницѣ позвать коридорную дѣвушку, чтобы убрать „этотъ ужасъ“, какъ она назвала ворону, а сама помчалась доносить инспектрисѣ о случившемся.

Лишь только классная дверь закрылась за нею, какъ Бѣльская вскочила на каѳедру и громко на весь классъ прокричала:

— Медамочки, не выдавать Нину, слышите! Намъ всѣмъ ничего не будетъ, а ее, пожалуй, за эту шалость сотрутъ съ красной доски и выключатъ изъ „парфетокъ“.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же классу страдать изъ-за одной? я непремѣнно сознаюсь, — пробовала запротестовать княжна.

— И думать не смѣй!—зашумѣли дѣвочки со всѣхъ

сторонъ,—мы всѣ хотѣли взять ворону... всѣ... только боялись ея клюва, а ты безстрашная... Всему классу это сойдетъ, а тебѣ нѣтъ.

Между тѣмъ, коридорная дѣвушка ловила виновницу случая — ворону, но никакъ не могла поймать.

— Ну-съ, такъ рѣшено: Нины не выдавать и у батюшки просить всѣмъ классомъ прощенія, что это случилось на его урокѣ,—проповѣдывала Бѣльская.

— Ты, Феня, не выбрасывай ее на дворъ,—просила Джаваха коридорную дѣвушку, одолѣвшую, наконецъ, злополучную ворону,—ворона вѣдь больная.

— А куды-жъ я съ ней дѣнусь? Еще отъ начальства влетитъ, бѣда будетъ. Нѣтъ, барышня, отнесу-ка я ее въ садъ на прежнее мѣсто... И что за птицу вы облагодѣтельствовали! Вѣдь падаль жретъ, — у, глазастая! — и Феня потащила нашу протеже изъ класса, куда въ этотъ мигъ входила инспектриса.

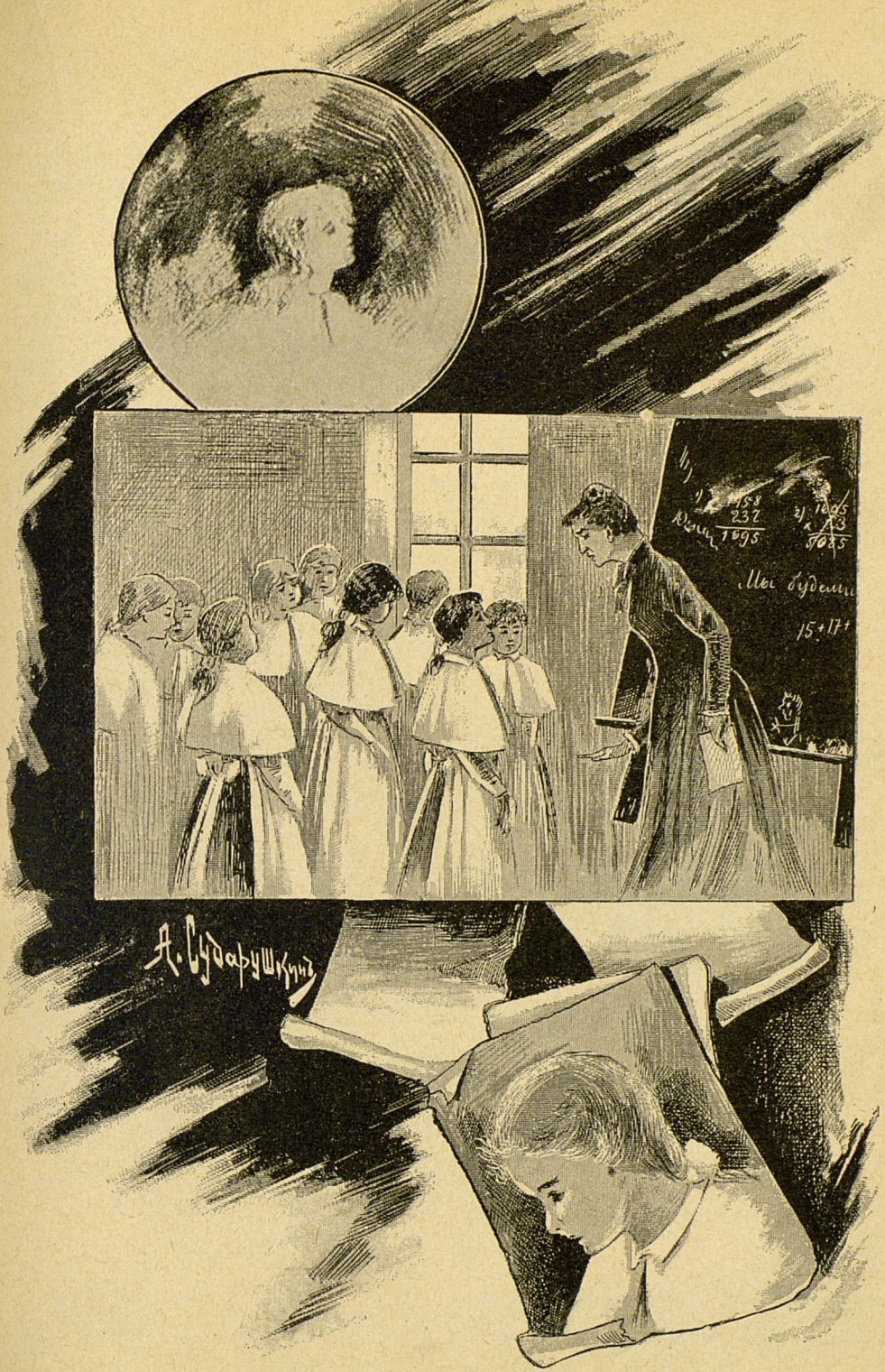
Мы снова присмирѣли, предчувствуя грозу.

Худая, длинная, какъ жердь, инспектриса производила впечатлѣніе старушки, но двигалась она быстро и живо, поспѣвая всюду.

Тонъ ея былъ раздражительный, сухой, придирчивый. Мы ненавидѣли ее за ея брезгливое пиленье.

Худая фигурка въ синемъ шелковомъ платьѣ съ массою медалей у лѣваго плеча грозно предстала поднявшемуся со своихъ скамеекъ классу.

— Кто осмѣлился принести въ классъ ворону?—



— Кто осмѣлился принести въ классъ ворону?—рѣзко прозвучалъ визгливый голосъ...

рѣзко прозвучалъ, среди возстановившейся мигомъ тишины, ея визгливый голосъ.

Молчаніе.

— Кто?—снова повторила инспектриса.

Новое молчаніе было отвѣтомъ.

— Что-же, у васъ языковъ нѣтъ? — еще грознѣе наступала она.—Я требую, чтобы виновная призналась.

— Мы всѣ, всѣ виноваты, — раздались одиночные голоса.

— Всѣ!—хоромъ повторилъ весь классъ.

— Трогательное единодушіе, — проговорила съ недоброй усмѣшкой инспектриса,— но будьте увѣрены, я все узнаю, и виновная будетъ строго наказана.

— Маркова насплетничаетъ, непремѣнно насплетничаетъ, — зашептали дѣвочки, когда инспектриса вышла изъ класса, а мы стали спускаться съ лѣстницы.

Меня охватилъ внезапный страхъ за милую княжну, согласившуюся на защиту и покрывательство класса. Я предвидѣла, что княжнѣ это не пройдетъ даромъ.

„Крошка непремѣнно выдастъ“, — подумала я, — и вдругъ внезапная мысль осѣнила меня. Я слишкомъ еще любила княжну, чтобы колебаться.

И, не откладывая въ долгій ящикъ своего рѣшенія, я незамѣтно выскользнула изъ паръ и бѣгомъ возвратилась обратно, дѣлая видъ, что позабыла что-то въ классѣ.

Тамъ, подождавъ немного, когда, по моему мнѣнію,

„седьмушки“ достигли столовой, я быстро направилась черезъ длинный коридоръ на половину старшихъ, въ такъ-называемый „колбасный переулокъ“, гдѣ жила инспектриса. Почему онъ назывался колбаснымъ — я до сихъ поръ себѣ не уяснила, да и врядъ-ли кто изъ институтокъ могъ-бы это сдѣлать. Тамъ находились комнаты классныхъ дамъ и въ томъ числѣ комната инспектрисы. Я со страхомъ остановилась у двери, трижды торопливо прочла: „Господи, помяни царя Давида и всю кротость его!“ — какъ меня учила няня дѣлать въ трудныя минуты жизни — и постучала въ дверь съ вопросомъ: „Puis-je entrer?“ (Могу войти).

— Entrez! (Войдите)—прозвучало въ отвѣтъ, и я робко вошла.

Комнатка инспектрисы, раздѣленная пополамъ невысокой драпировкой темно-малиноваго цвѣта, поразила меня своей уютностью. Тамъ стояла очень хорошенькая мебель, лежалъ персидскій коверъ, висѣли на стѣнахъ группы институтокъ и портретъ начальницы, сдѣланный поразительно удачно.

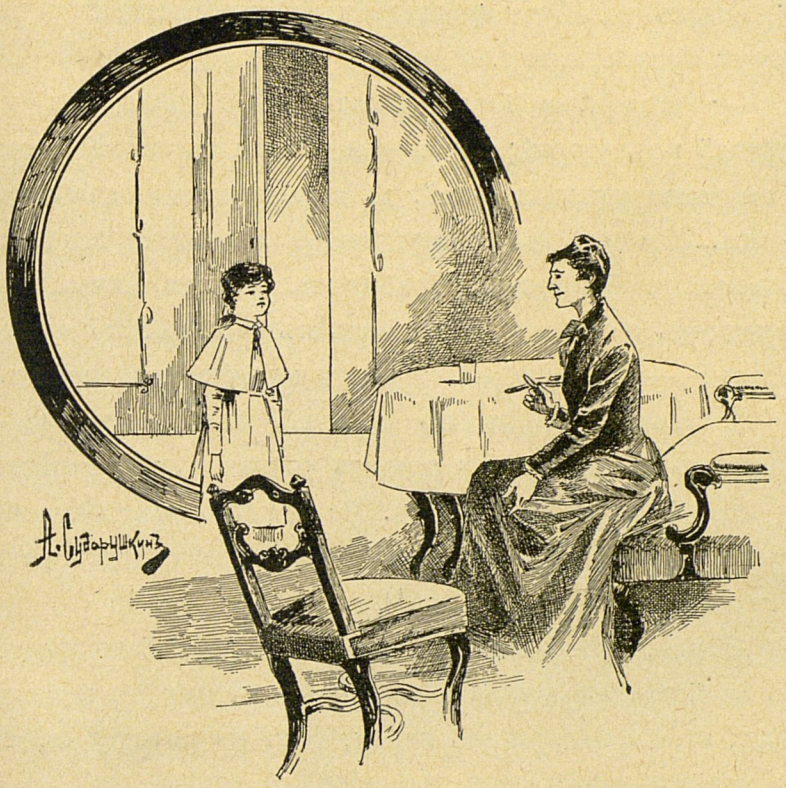
Сама m-lle Еленина — такъ звали инспектрису — сидѣла за маленькимъ ломбернымъ столикомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, и завтракала.

Она подняла на меня свои сердитые, маленькіе глазки съ вопросительнымъ недоумѣніемъ.

— Mademoiselle,—начала я дрожащимъ голосомъ,— я пришла сказать, что... что... ворону принесла я.

— Ты? — и еще большее недоумѣніе отразилось въ ея взорѣ.

— Да, я, — на этотъ разъ уже ясно и твердо отчеканила я.



— Ворону принесла я,—начала я дрожащимъ голосомъ...

— Отчего-же ты не созналась сразу, въ классѣ?

Я молчала, мучительно краснѣя.

— Стыдись! Только-что поступила, и уже совершаешь такія непростительныя шалости. Зачѣмъ ты при-

несла въ классъ птицу? — грозно напустилась она на меня.

— Она была такая исщипанная, въ крови, мнѣ было жалко, и я принесла.

Боязнь за Нину придала мнѣ храбрости, и я говорила безъ запинки.

— Ты должна была сказать m-lle Арно или дежурной пепиньеркѣ; ворону-бы убрали на задній дворъ, а не распоряжаться самой, да еще прятаться за спиной класса... Скверно, достойно уличнаго мальчишки, а не благовоспитанной барышни! Ты будешь наказана. Сними свой передникъ и отправляйся стоять въ столовой во время завтрака,—уже совсѣмъ строго закончила инспектриса.

Я замерла. Стоять въ столовой безъ передника — считалось въ институтѣ самымъ сильнымъ наказаніемъ.

Это было уже слишкомъ. На глазахъ моихъ навернулись слезы. „Попрошу прощенья, можетъ-быть, смягчится“,—подумала я.

„Нѣтъ, нѣтъ,—въ ту-же минуту молніей мелькнуло въ моей головѣ,—вѣдь я терплю за Нину и, можетъ-быть, этимъ поступкомъ верну, если не дружбу ея, то, по крайней мѣрѣ, расположеніе“.

И, стойко удержавшись отъ слезъ, я быстро сняла передникъ, сдѣлала классной дамѣ условный поклонъ и вышла изъ комнаты.

Мое появленіе безъ передника въ столовой произвело переполохъ.

Младшія повскакали съ мѣстъ, старшія поворачивали головы, съ насмѣшкой и сожалѣніемъ поглядывая на меня.

Я храбро подошла къ m-lle Арно и заявила ей, что я наказана инспектрисой. Но за что я наказана — я не объяснила. Затѣмъ я встала на середину столовой. Мнѣ было невыразимо совѣстно и въ то же время сладко. Лицо мое горѣло, какъ въ огнѣ. Я не поднимала глазъ, боясь снова встрѣтить насмѣшливыя улыбки.

„Если-бъ онѣ знали, если-бъ только знали, за что я терплю эту муку!—вся замирая отъ сладкаго трепета, говорила я себѣ.—Милая, милая княжна, чувствуешь-ли ты, какъ страдаетъ твоя маленькая Люда?“

Наши „седьмушки“, видимо, взволновались. Не зная, за что я наказана, онѣ строили тысячу предположеній, догадокъ и, то и дѣло, оборачивались ко мнѣ.

Я подняла голову. Мой взглядъ встрѣтился съ Ниной. Я не знаю, что выражали мои глаза, но въ черныхъ милыхъ глазкахъ Джавахи свѣтилось столько глубокаго сочувствія и нѣжной ласки, что всю меня точно варомъ обдало.

„Ты жалѣешь меня, милая дѣвочка“, — шептала я восторженно, и, стряхнувъ съ себя ложный, какъ мнѣ казалось, стыдъ, я подняла голову и окинула всю столовую долгимъ, торжествующимъ взглядомъ.

Но меня не поняли, да и не могли понять эти безпечныя веселыя дѣвочки.

— Смотрите-ка, mesdames, наказана, да еще и смотритъ побѣдоносно, точно подвигъ совершила, — замѣтилъ кто-то съ ближайшаго стола пятиклассницъ.

Въ отвѣтъ я только равнодушно пожала плечами.

Лицо мое, между тѣмъ, горѣло все больше и больше и стало красное, какъ кумачъ. У меня сдѣлался жаръ— неизмѣнный спутникъ всѣхъ моихъ потрясеній.

М-lle Арно со своего мѣста обратила вниманіе на мои пылающія щеки, на неестественно ярко разгорѣвшіеся глаза и, оставивъ свое мѣсто, подошла ко мнѣ.

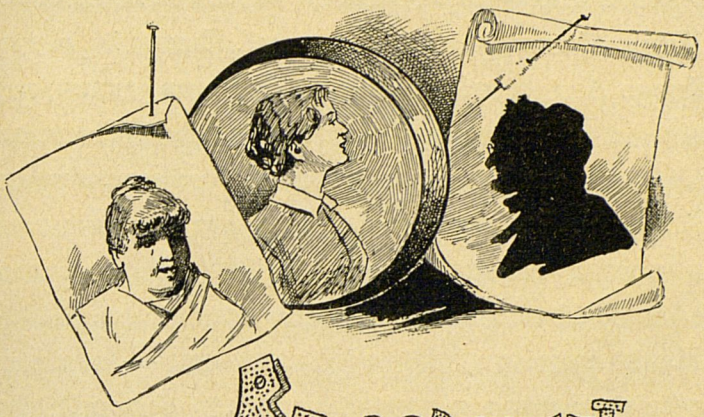
— Тебѣ нехорошо?

Я отрицательно покачала головой, но она, приложивъ руку къ моей пылающей щекѣ, воскликнула:

— Но ты больна, ты вся горишь! — и, подхвативъ меня подъ руку, поспѣшно вывела изъ столовой мимо еще болѣе недоумѣвающихъ институтокъ.

Пытка кончилась.

Меня отвели въ лазаретъ.



Въ лазаретъ

Примиреніе.

ЛАЗАРЕТЪ начинался тотчасъ за квартирой начальницы. Это было большое помѣщеніе съ просторными палатами, полными воздуха и свѣта.

Этотъ свѣтъ исходилъ, казалось, отъ самихъ чисто выбѣленныхъ стѣнъ лазарета. Входъ въ него былъ черезъ темный коридорчикъ, примыкавшій къ нижнему длинному и мрачному коридору. Первая комната называлась „перевязочная“, сюда два раза въ день, по лазаретному звонку, собирались „слабенькія“, т.-е. тѣ, которымъ прописано было принимать желѣзо, мышьякъ,

кефиръ и рыбій жиръ. Завѣдывали перевязочной двѣ фельдшерицы: одна—кругленькая, бѣленькая, молодая дѣвушка, Вѣра Васильевна, прозванная „Пышкой", а другая — Мирра Андреевна, или „Жучка" по прозвищу, раздражительная и взыскательная старая дѣва. Насколько „Пышка" была любима институтками, настолько презираема „Жучка". Въ дежурство „Пышки" дѣвочки пользовались иногда вкусной „шипучкой" (смѣсь соды съ кислотою) или бѣленькими мятными лепешками...

— Меня тошнитъ, Вѣра Васильевна, — говоритъ какая-нибудь шалунья и прижимаетъ для большей вѣрности платокъ къ губамъ.

И „Пышка" открываетъ шкапъ, достаетъ оттуда коробку кислоты и соды, и дѣлаетъ шипучку.

— Мнѣ-бы мятныхъ лепешекъ отъ тошноты, — тянетъ другая.

— А не хотите-ли касторoваго масла? — добродушно напускается Вѣра Васильевна и сама смѣется.

Пропишетъ-ли докторъ кому-либо злополучную касторку въ дежурство Вѣры Васильевны, она даетъ это противное масло въ немного горьковатомъ портвейнѣ и тѣмъ-же виномъ предлагаетъ запить, между тѣмъ какъ въ дежурство „Жучки" касторка давалась въ мятѣ, что составляло страшную непріятность для дѣвочекъ.

Изъ перевязочной шли двѣ двери: одна—въ комнату лазаретной надзирательницы, а другая — въ лазаретную столовую. Въ столовой стоялъ длинный столъ для выздо-

равливающихъ, а по стѣнамъ разставлены были шкапы съ разными медицинскими препаратами и бѣльемъ.

Изъ столовой шли двери въ слѣдующія палаты и маленькую комнату „Жучки“.

Палатъ было, не считая маленькой, предназначенной для больныхъ классныхъ дамъ, еще двѣ большихъ и третья маленькая для труднобольныхъ. Около послѣдней помѣщалась „Пышка“. Затѣмъ шли умывальня съ кранами и ванной и кухня, гдѣ за перегородкой помѣщалась „Матенька“.

Матенька была не совсѣмъ обыкновенное существо нашего лазарета. Старая-старенькая ворчунья, нѣчто въ родѣ сидѣлки и кастеляньши, она, несмотря на свои 78 лѣтъ, бодро управляла своимъ маленькимъ хозяйствомъ.

— Матенька, — кричитъ Вѣра Васильевна, — лихорадочную привели, пожалуйста, дайте липки.

И липка, т.-е. растворъ липоваго цвѣта, поспѣваетъ въ 2—3 минуты по щучьему велѣнью.

— Матенька, помогите забинтовать больную, — и Матенька забинтовываетъ быстро и ловко.

И откуда силы брались у этой славной сѣденькой старушки?!

Ворчлива Матенька была ужасно, но и ворчанье ея было добродушное, безвредное: сейчасъ побранитъ, сейчасъ-же прояснится улыбкой.

— Матенька, — увивается около нея какая-нибудь больная, — поджарьте булочку, родная.

— Ну, вотъ, что выдумала, шалунья, чтобы отъ Марьи Антоновны попало! Не выдумывайте лучше!

А черезъ полчаса, смотришь, на лазаретномъ ночномъ столикѣ, подлѣ кружки съ чаемъ, лежитъ аппетитно подрумяненная въ горячей золѣ булочка. Придется серьезно заболѣть институткѣ, Матенька ночи напролетъ просиживаетъ у постели больной, дни не отходитъ отъ нея, а случится несчастье, смерть, она и глаза закроетъ, и обмоетъ, и псалтырь почитаетъ надъ усопшей.

Такова была обстановка лазарета, мало, впрочемъ, меня интересовавшая.

М-lle Арно дорогой старалась проникнуть въ мою душу — и узнать, почему я наказана, но я упорно молчала. Настаивать же она не рѣшалась, такъ какъ мои пышущія отъ жара щеки и неестественно блестящіе глаза пугали ее.

— Что съ дѣвочкой? — спросила Вѣра Васильевна, когда мы пришли въ перевязочную.

И, не теряя ни минуты, она усадила меня на диванъ и поставила градусникъ для измѣренія температуры.

— М-lle Арно, оставьте ее у насъ, видите, какая горячая,—посовѣтовала фельдшерица.

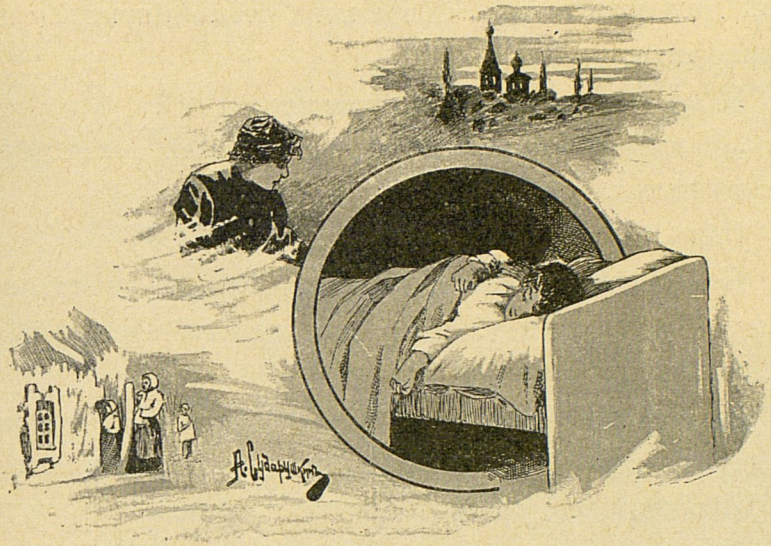
— Ведите себя хорошенько! — холодно бросила мнѣ классная дама и поспѣшила выйти изъ перевязочной.

— Вы простудились, да?—допрашивала меня добрая дѣвушка.

— Да... нѣтъ... да... право не знаю! — путалась я.

Дѣйствительно, можетъ-быть, я простудилась какъ-нибудь. Я не сознавала, что послѣднія непріятности разрыва съ Ниной могли такъ подѣйствовать на меня.

— У васъ повышенная температура, — озабоченно покачала головой „Пышка".



Передо мной замелькали бѣлыя хатки...

— Матенька, — крикнула она, — прикажите постлать постель въ средней палатѣ и приготовьте липки.

Поспѣла постель, поспѣла и липка. Меня раздѣли и уложили. Голова моя и тѣло горѣли. Обрывки мыслей носились въ усталомъ мозгу.

Точно тяжелый камень надавилъ сердце.

Едва я забылась, какъ передо мной замелькали бѣ-

лыя хатки, вишневая роща, церковь съ высоко горящимъ крестомъ и... мама. Я ясно видѣла, что она склоняется надо мною, обнимаетъ и такъ любовно шепчетъ нѣжнымъ, тихимъ, грустнымъ голосомъ: „Людочка, сердце мое, крошка, что съ тобой сдѣлали?“

Я открываю глаза, въ комнатѣ полумракъ. Ноябрьскій день уже погасъ. Около меня кто-то плачетъ судорожно-тихо.

Я приподнимаюсь на подушкахъ.

„Мама?“ — вдругъ мелькаетъ въ моей головѣ бузумная мысль.

Нѣтъ, не мама.

Надо мной склонилось знакомое блѣдное личико, все залитое обильными слезами; глянцовитыя черныя косы упали мнѣ на грудь.

— Княжна! Нина! — какимъ-то дикимъ, не своимъ голосомъ вырвалось изъ моей груди, и, полузадушенная рыданьями, я широко распахнула объятья.

Мы замерли минуты на двѣ, сжимая другъ друга и обливаясь слезами.

— Галочка, моя бѣдная!—шептала между поцѣлуями Нина, — что я съ тобой сдѣлала!

И опять слезы, горячія, дѣтскія слезы, потеряннаго и вновь обрѣтеннаго счастья.

— Ахъ, милая, глупая! Зачѣмъ ты... — лепетала Нина.—За меня вѣдь ты наказана, за меня больна! Какая я злая, скверная! Боже мой! Простишь-ли ты меня, Люда?

— Родная!—могла только выговорить я, потрясенная до глубины души.

— Но какъ-же ты узнала?—спросила я, когда прошли первыя острыя минуты радости.

— Инспектриса пришла въ классъ и сказала, за что ты наказана... Ну...

— Ну?...—невольно дрожащимъ голосомъ проговорила я.

— Я созналась, и меня стерли съ доски и выключили изъ „парфетокъ“, а тобой всѣ восхищаются... Ты стоишь этого, Людочка; ты такая прелесть, ты ангелъ!—шептала княжна.

— Но, Ниночка, вѣдь тебя стерли съ доски,—встревожилась я.

— Такъ что же? А ты что претерпѣла за меня! Я этого никогда не забуду!—и княжна горячо поцѣловала меня.

— Да, теперь мы будемъ подругами на всю жизнь!—торжественно произнесла я.

— А какъ-же „тріумвиратъ“? — лукаво шепнула княжна.

— А какъ-же Бѣльская?—не потерялась я.

И обѣ мы звонко расхохотались.

Княжна прилегла головой ко мнѣ на подушку и, поглаживая мои непокорные стриженные вихры, говорила, какъ тяжело ей было безъ меня послѣднее время.

— Ни ѣсть, ни спать не хотѣлось.

— Какъ-же ты ко мнѣ пробралась?

— А вотъ!—и она торжествующе въ полутьмѣ подняла свою правую ручку, обвязанную чѣмъ-то бѣлымъ.

— Что это?

— Взяла чинить карандашъ, да и обрѣзала палецъ перочиннымъ ножомъ, ну и попала на перевязку,— гордо зазвенѣлъ ея гортанный голосокъ.

— И ты это сдѣлала, чтобы видѣть меня! — съ дрожью воскликнула я.

Въ отвѣтъ она обняла меня и чуть слышно прошептала:

— А что ты за меня вынесла, Люда!

„Люда!“ Какъ восхительно звучало мнѣ мое имя въ милыхъ губкахъ княжны: не Галочка, а Люда.

— Вы что, шалуньи, притаились, — вдругъ прозвучалъ у насъ надъ ухомъ знакомый голосъ Матеньки.— Вы вѣдь, ваше сіятельство (она всегда такъ обращалась къ княжнѣ), подъ кранъ идти изволили ручку смочить, а сами къ подругѣ больной свернули... Не дѣло... Имъ покой нуженъ.

— Матенька, милушка, дайте еще посидѣть,—упрашивала Нина.

— Ни-ни, что вы, матушка! А какъ въ классѣ хватятся? Пойдите, родимая, — отвѣтила старушка.

— Завтра приду, если не выпишешься! — шепнула Нина, цѣлуя меня.

— Выпишусь, — съ увѣренностью произнесла я, — находя себя совсѣмъ здоровой.

Она ушла, а я еще чувствовала ее около себя — милую, добрую, великодушную Нину!

Въ эту ночь я уснула крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, унесшимъ съ собою всю мою болѣзнь.

На другой день къ вечеру я уже выписалась изъ лазарета.

Едва я появилась въ классѣ, дѣвочки устроили мнѣ шумную овацію. Меня обнимали, цѣловали наперерывъ, громко восхваляя за геройскій подвигъ. Потомъ всѣмъ классомъ просили инспектрису простить Нину — и на красной доскѣ снова появилось ея милое имя.

Только двое изъ всего класса не привѣтствовали меня и бросали на насъ съ княжной сердитые взгляды. То были мои двѣ прежнія подруги, такъ не долго господствовавшія надо мной. Имъ обѣимъ — и Крошкѣ и Манѣ — было крайне непріятно распаденіе „тріумвирата“ и мое примиреніе съ ихъ врагомъ — моей милой Ниной.

— MESDAM'ОЧКИ, mesdam'очки, знаете новость, ужасную новость? Сейчасъ я была внизу и видѣла „Maman“; она говорила что-то нашей нѣмкѣ — строго, строго... А Fräulein плакала... Я сама видѣла, какъ она вытирала слезы! Ей-Богу...

Все это протрещала Бѣльская однимъ духомъ, ворвавшись ураганомъ въ классъ послѣ обѣда... Въ одну секунду мы обступили нашего „разбойника“ и еще разъ велѣли передать все ею видѣнное.

— Это „Пугачъ“ что-нибудь наговорилъ на фрейлейнъ начальницѣ, навѣрное, „Пугачъ“, — авторитетно заявила Надя Федорова и сдѣлала злые глаза въ сторону Крошки: „поди, молъ, сплетничай“.

— Да, да, она! я слышала, какъ Maman упрекала фрейлейнъ за снисходительность къ намъ, я даже помню ея

слова: „Вы распустили классъ, онѣ стали кадетами...“ У-у! противная, — подхватила Краснушка.

— А вдругъ фрейлейнъ уйдетъ! Тогда Пугачъ насъ доѣстъ совсѣмъ! Mesdam'очки, что намъ дѣлать? — слышались голоса дѣвочекъ, заранѣе встревоженныхъ событіемъ.

Мы тихонько подвинулись къ каѳедрѣ...

— Нѣтъ, мы не пустимъ нашу дусю, мы на колѣняхъ упросимъ ее всѣмъ классомъ остаться,—кричала Миля Корбина, восторженная, всегда фантазирующая головка.

— Тише! Кисъ-Кисъ идетъ!

Мы разомъ стихли. Въ классъ вошла фрейлейнъ. Дѣйствительно, глаза ея были красны и распухли, а лицо тщетно старалось улыбнуться.

Она сѣла на каѳедру и, взявъ книгу, опустила глаза въ страницу, желая, очевидно, скрыть отъ насъ слѣды недавнихъ слезъ. Мы тихонько подвинулись къ каѳедрѣ и окружили ее.

Додо, наша первая ученица и самая безукоризненная по поведенію изъ всего класса, робко произнесла:

— Fräulein!

— Was wollen sie, Kinder (Что вамъ угодно, дѣти)? — дрожащимъ голосомъ спросила насъ наша любимица.

— Вы плакали?... — какъ нельзя болѣе нѣжно и осторожно освѣдомилась Додо.

— Откуда вы взяли, дѣти?

— Да, да, вы плакали... Дуся наша, кто васъ обидѣлъ? скажите! — приставали мы...

Кисъ-Кисъ смутилась. Добрые голубые глаза ея подернулись слезами... Губы задрожали отъ безхитростныхъ словъ преданныхъ дѣвочекъ.

— Спасибо, милочки. Я всегда была увѣрена въ вашемъ расположеніи ко мнѣ и очень, очень горжусь моими дѣтками,—мягко заговорила она,—но успокойтесь, меня никто не обижалъ...

— А зачѣмъ же вы давеча плакали въ коридорѣ, когда разговаривали съ Maman? Я все видѣла! — смѣло вырвалось у Бѣльской.

— Ахъ, ты, всезнайка! — сквозь слезы улыбнулась фрейлейнъ, — ну, если видѣла, придется сознаться; я,

какъ мнѣ ни грустно, а должна буду разстаться съ вами, дѣти...

— Разстаться? — ахнулъ весь классъ въ одинъ голосъ. — Разстаться навсегда! За что? развѣ мы обидѣли васъ, дуся? За что вы бросаете насъ? — раздавались здѣсь и тамъ печальные возгласы седьмушекъ.

Потерять горячо-любимую фрейлейнъ намъ казалось чудовищнымъ. Многія изъ насъ уже плакали, прижавшись къ плечу подругъ, а болѣе сильныя духомъ осаждали каѳедру.

— Но, Fräulein-дуся, — говорила Нина, вставъ за стуломъ нашей любимицы, — зачѣмъ-же вы уйдете? Развѣ мы огорчили васъ?

Глаза „Булочки“ уже начали разгораться.

— О, нѣтъ! вы были всегда милыя, добрыя дѣтки,— ласково потрепавъ по щечкѣ княжну, произнесла она,— я васъ очень, очень люблю и знаю, что вы не огорчите вашу сердитую Fräulein, но другія находятъ, что я очень слаба съ вами и что вы поэтому много шалите.

— Я знаю, кто это сказалъ... У-у! это противный Пугачъ, это Арно! — пылко воскликнула княжна.

— Wie kannst du so sprechen (Какъ ты позволяешь себѣ такъ говорить)?! — строго остановила ее фрейлейнъ и, сильно нахмурясь, добавила: — вы должны уважать вашихъ классныхъ дамъ.

— Мы васъ уважаемъ и очень любимъ, Fräulein,

дуся! — вырвалось, какъ одинъ голосъ, изъ груди 36 дѣвочекъ.

— Да, да, знаю... я тронута, спасибо вамъ, ich danke sehr für ihre Liebe (благодарю васъ за вашу любовь), но вы не меня одну должны любить, у васъ есть еще другая дама — m-lle Арно...

— Мы ее ненавидимъ! — звонко крикнула Бѣльская и юркнула за спины подругъ.

— Стыдись, Бѣльская, такъ отзываться о m-lle Арно, твоей наставницѣ. Она заботится о васъ не меньше меня. Она строгая — это правда, но добрая и справедливая, — усовѣщивала Кисъ-Кисъ.

— А за что она Запольскую съ доски прошлый мѣсяцъ стерла?—не унимались дѣвочки,—а почему Нюшу въ пріемъ не пустила? Иванову за что въ столовой поставила?...

— Ну, Иванова стоитъ,—серьезно произнесла Нина, недолюбливавшая Иванову.

— Ну, довольно, genug! Что дѣлать, что дѣлать, разстаться намъ съ вами все-таки придется, — покачала головою добрая фрейлейнъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы васъ не пустимъ, мы знаемъ, что на васъ наябедничали, и Maman, вѣрно, что-нибудь вамъ непріятное сказала, а вы и уходите! Да, да, навѣрное!

Бѣдная нѣмка не рада была, что допустила этотъ разговоръ.

Тихая и кроткая, она не любила исторій и теперь раскаивалась въ томъ, что посвятила пылкихъ дѣвочекъ въ тайну своего ухода изъ института.

А дѣвочки волновались, кричали, окружили фрейлейнъ, цѣловали ее поочереди и даже по нѣскольку сразу, такъ что чуть не задушили, однимъ словомъ — всячески старались выразить искреннюю привязанность своихъ горячихъ сердечекъ.

Растроганная и напуганная этими шумными проявленіями любви Кисъ-Кисъ кое-какъ уговорила насъ успокоиться.

Весь остатокъ дня мы всѣми способами старались развлечь нашу любимицу. Мы не отходили отъ нея ни на шагъ, рано выучили всѣ уроки и безошибочно, за нѣкоторымъ развѣ исключеніемъ, отвѣтили ихъ дежурной пепиньеркѣ, и, наконецъ, тѣсно обступивъ каѳедру, старались своими незатѣйливыми дѣтскими разговорами занять и разсмѣшить нашу любимую нѣмочку. Краснушка, самая талантливая въ подражаніи, изобразила въ лицахъ, какъ каждая изъ насъ выходитъ отвѣчать, уроки, и добилась того, что фрейлейнъ смѣялась вмѣстѣ съ нами.

Придя въ дортуаръ, мы поскорѣе улеглись въ постели, чтобы дать отдыхъ нашей любимицѣ. Газъ былъ спущенъ раньше обыкновеннаго, и ничѣмъ ненарушимая тишина воцарилась въ дортуарѣ.

Утромъ держали совѣтъ всѣмъ классомъ и послѣ

долгихъ споровъ рѣшили: 1) изводить всячески Пугача, не боясь наказаній; 2) идти въ случаѣ чего къ начальницѣ и просить не отпускать Fräulein; 3) сдѣлать любимой нѣмочкѣ по подпискѣ подарокъ.

Къ исполненію послѣдняго рѣшенія было приступлено немедленно. Распорядителемъ-казначеемъ по покупкѣ подарка выбрали Краснушку, славившуюся у насъ знаніемъ счета.

Въ слѣдующій-же пріемъ всѣ посѣщаемыя родными седьмушки выпросили у своихъ родныхъ денегъ, кто рубль, кто двадцать-тридцать копѣекъ, каждая сколько могла, и отдали эти деньги Краснушкѣ на храненіе.

Краснушка тщательно пересмотрѣла, пересчитала серебро и уложила въ большой ящикъ отъ печенья, на крышкѣ котораго она старательно вывела самыми красивыми буквами *„Касса“*.

— А какъ-же я дамъ денегъ? Присланные мнѣ мамой десять рублей находятся у Fräulein? — искренно взволновалась я.

— Ты, Людочка, не безпокойся,—ласково проговорила княжна (она уже давно замѣнила данное мнѣ ею-же прозвище ласкательнымъ именемъ).—У меня еще много своихъ денегъ у Пугача. Завтра спрошу себѣ и тебѣ.

— А если она спроситъ, зачѣмъ?

— Тогда я прямо скажу, что мы собираемъ на подарокъ Fräulein.

— Ай да молодецъ, Нина! Ужели такъ и скажешь?— восторгались наши.

— Такъ и скажу, вѣдь я ненавижу Пугача! Воображаю, какъ она озлится, когда узнаетъ, что мы всѣ за нашу нѣмку.

И, дѣйствительно, въ французское дежурство Джаваха смѣло подошла просить изъ своихъ денегъ, отданныхъ на попеченіе Арно, три рубля.

— Зачѣмъ такъ много?—удивилась та.

— Мы хотимъ дѣлать по подпискѣ подарокъ нашей Fräulein. Дайте мнѣ, пожалуйста, m-lle, для меня и на долю Влассовской, она отдастъ, какъ только мы купимъ подарокъ, а то вѣдь ея деньги у Fräulein, и она, навѣрное, не дастъ ей, узнавъ, на что мы беремъ деньги.

— Пустыя выдумки! — процѣдила озлобленно m-lle Арно, однако, отказать не рѣшилась и выдала княжнѣ три рубля. Краснушка торжественно присовокупила ихъ къ суммѣ, лежащей уже въ кассѣ.

Послѣ вторичнаго совѣщанія, рѣшили купить на собранныя деньги альбомъ, въ которомъ всѣ должны написать что-нибудь самымъ лучшимъ почеркомъ на память. „Только изъ своей головы, а не выученное“,—прибавила Додо Муравьева, врагъ зубрежки. Альбомъ было поручено купить матери Федоровой, которая охотно исполнила нашу просьбу. Въ ближайшее-же воскресенье Надя Федорова не безъ труда притащила въ классъ тяжелый, въ пашку увязанный свертокъ. Краснушка влѣзла на каѳедру и, раз-

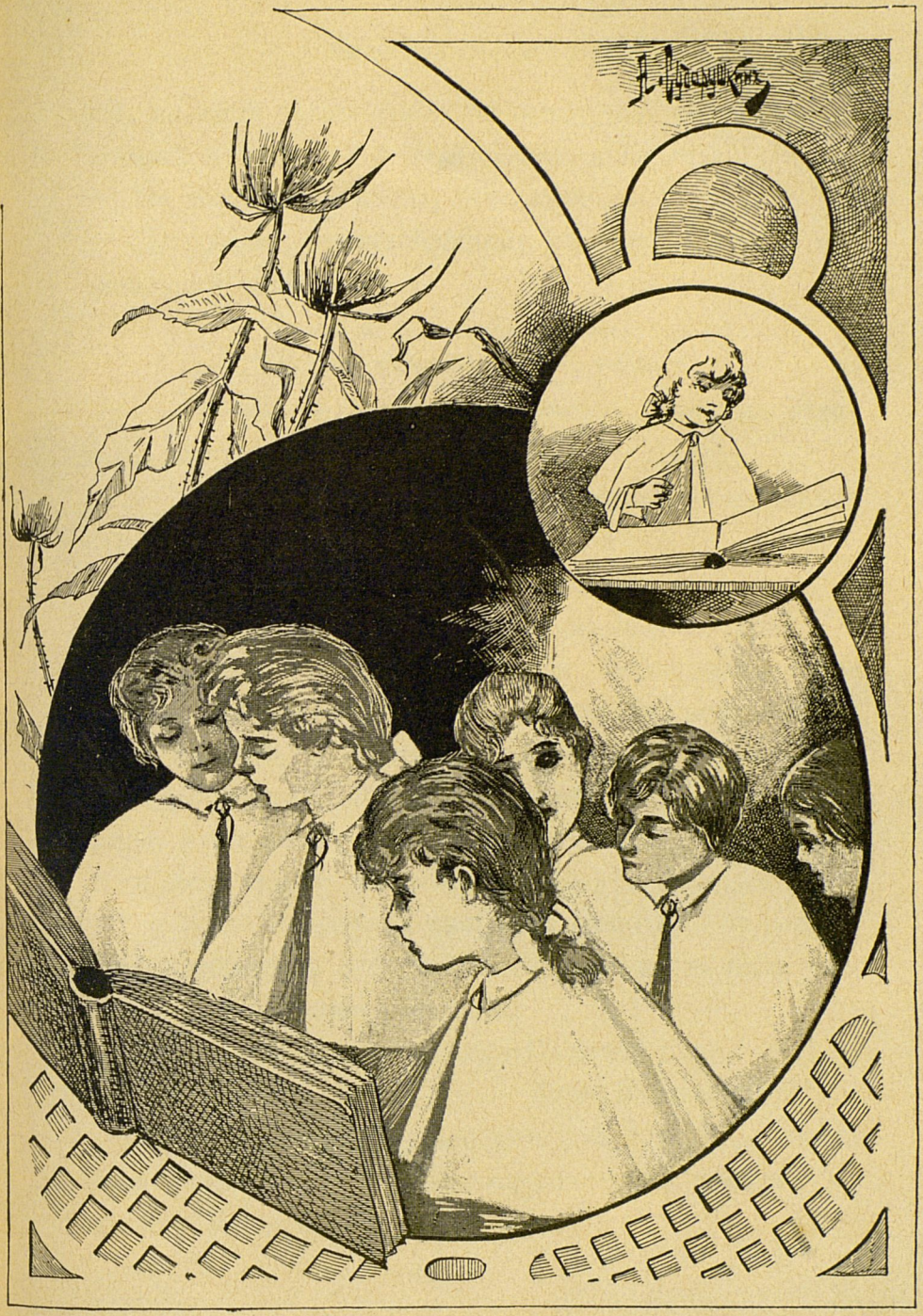
вязавъ бумаги, торжественно извлекла альбомъ изъ папки. Всѣ мы запрыгали отъ радости.

Это оказалась прелестная, крытая голубымъ плюшемъ и съ бронзовыми застежками книга, съ золотыми кантами, съ разноцвѣтными страницами. Въ правомъ углу на бронзовой-же доскѣ было четко награвировано: *„Незабвенной и дорогой нашей заступницѣ и наставницѣ Fräulein Гертрудѣ Геннигъ, отъ горячо ее любящихъ дѣвочекъ“*. Въ серединѣ былъ вензель Кисъ-Кисъ. Каждая изъ насъ должна была оставить слѣдъ на красивыхъ листахъ альбома, и каждая поочереди брала перо и, подумавъ немного, нахмурясь и поджавъ губы или вытянувъ ихъ забавно трубочкой впередъ, писала, тщательно выводя буквы. Краснушка, слѣдившая изъ-за плеча писавшей, только отрывисто изрекала краткія замѣчанія: „Приложи кляксъ-папиръ... тише... не замажь... Не спутай; ѣ, а не е... ахъ, какая!... Ну вотъ, кляксу посадила!“—пришла она въ неистовство, когда Бѣльская, дѣйствительно, сдѣлала кляксу.

— Слижи языкомъ, сейчасъ слижи,—накинулась она на нее.

И Бѣльская, не долго думая, слизала.

Лишь только надписи были готовы, Краснушка на весь классъ прочла ихъ. Тутъ большею частью всѣ надписи носили одинъ характеръ: „Мы васъ любимъ, любите насъ и будьте съ нами до выпуска“,—и при этомъ прибавленіе самыхъ нѣжныхъ и ласковыхъ наименова-



Это оказалась прелестная книга.

ній, на какія только способны замкнутыя въ четырехъ стѣнахъ наивныя, впечатлительныя дѣвочки.

Не обошлось, конечно, безъ стиховъ.

Петровская, къ величайшему удивленію всѣхъ, написала въ альбомъ:

Бьется-ли сердце, ноетъ-ли грудь,
Скушай конфетку и насъ не забудь.

— Ну ужь и стихи! — воскликнула Федорова, заливаясь смѣхомъ.

— А ты, Нина, тоже напишешь стихи въ альбомъ?— спросила Бѣльская.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила княжна.

Я невольно обратила вниманіе на надпись Нины.

„Дорогая Fräulein, — гласили каракульки моего друга,—если когда-нибудь вы будете на моемъ родимомъ Кавказѣ, не забудьте, что въ домѣ князя Джаваха вы будете желанной гостьей и что маленькая Нина, доставившая вамъ столько хлопотъ, будетъ рада вамъ, какъ самому близкому человѣку“.

— Какъ ты хорошо написала, Ниночка!—съ восторгомъ воскликнула я и, не долго думая, взявъ перо, подмахнула подъ словами княжны:

„Да, да, и въ хуторѣ подъ Полтавой тоже.

Люда Власовская“.

Когда всѣ уже написали свое „на память“, рѣшено было торжественно всѣмъ классомъ нести альбомъ въ комнату Кисъ-Кисъ.

— Мы попросимъ ее остаться, а если она не согласится—пойдемъ къ начальницѣ и скажемъ ей, какая чудная, какая милая наша Fräulein, — пылко и возбужденно говорила Федорова.

— Да, да, идемъ, идемъ, — подхватили мы и толпою бросились черезъ коридоръ на лѣстницу, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ Арно.

— Куда? Куда? — спрашивали насъ съ любопытствомъ старшія.

— Седьмушки бунтуютъ!—кричали намъ вдогонку наши сосѣдки — шестыя, ужасно важничавшія передъ нами своимъ старшинствомъ.

Никому ничего не отвѣчая, мы миновали лѣстницу, церковную паперть и остановились перевести дыханіе у комнаты Fräulein.

— Ты, ты говори,—выбрали мы Нину, пользовавшуюся у насъ репутаціей очень умной и краснорѣчивой.

— Kann man herein (Можно войти)? — произнесла княжна, постучавъ въ дверь.

Голосъ ея дрожалъ отъ важности возложенного на нее порученія.

— Herein (войдите)!—раздалось за дверью.

Мы вошли. Fräulein Генингъ, до-нельзя удивленная нашимъ появленіемъ, встала изъ-за стола, у котораго сидѣла за письмомъ. На ней была простая утренняя блуза, а на лбу волосы завиты въ папильотки.

— Was wünscht Ihr, Kinder (Что вы желаете, дѣти)?

— Fräulein, дуся,—начала Нина, робѣя, и выступила впередъ,—мы знаемъ, что васъ обидѣли, и вы хотите уйти и оставить насъ. Но, Fräuleinchen-дуся, мы пришли вамъ сказать, что „всѣмъ классомъ“ пойдемъ къ Maman просить ее не отпускать васъ и даемъ слово „всѣмъ классомъ“ не шалить въ ваше дежурство. А это, Fräulein,—прибавила она подавая альбомъ,—на память о насъ... Мы васъ такъ любимъ!...

Голосъ княжны оборвался, и мы увидѣли то, чего никогда еще не видали: Нина плакала.

Тутъ произошло что-то необычайное. Весь классъ всхлипнулъ и разревѣлся, какъ одинъ человѣкъ.

— Останьтесь!... любимъ!... просимъ!...—лепетали, всхлипывая, дѣвочки.

Fräulein, испуганная, смущенная и растроганная, съ альбомомъ въ рукахъ, не стѣсняясь насъ, плакала навзрыдъ.

— Дѣвочки вы мои... добренькія... дорогія... Liebchen... Herzchen...—шептала она, цѣлуя и прижимая насъ къ своей любящей груди.—Ну, какъ васъ оставить... милыя! А вотъ зачѣмъ деньги тратите на подарки?.. Это напрасно... Не возьму подарка,—вдругъ разсердилась она.

Мы обступили ее со всѣхъ сторонъ, стали цѣловать, просить, даже плакать, съ жаромъ объясняя ей, какъ это дешево стоило, что Нина, самая богатая, и та дала

за себя и за Власовскую только три рубля, а остальныя— совсѣмъ понемножку...

— Нѣтъ, нѣтъ, не возьму,—повторяла Кисъ-Кисъ.

Съ трудомъ, послѣ долгой просьбы, удалось намъ уговорить растроганную Кисъ-Кисъ принять нашъ скромный подарокъ.

Она перецѣловала всѣхъ насъ и, обѣщавъ остаться, отослала скорѣе въ классъ, „чтобы не волновать m-lle Арно“,—прибавила она мягко.

— И чтобы это было въ послѣдній разъ,—замѣтила еще Кисъ-Кисъ,—никакихъ больше подарковъ я не приму.

Этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ въ нашей институтской жизни. Мы могли наглядно доказать нашу горячую привязанность обожаемой наставницѣ, и наши дѣтскія сердца были полны шумнаго ликованія.

Уже позднѣе, черезъ три-четыре года, узнали мы, какую жертву принесла намъ Fräulein Генингъ. Ее, дѣйствительно, не любили другія наставницы за ея слишкомъ мягкое, сердечное отношеніе къ институткамъ и не разъ жаловались начальницѣ на нѣкоторыя ея упущенія изъ правилъ строгой дисциплины, и она уже рѣшила оставить службу въ институтѣ. Братъ ея досталъ ей прекрасное мѣсто компаньонки въ богатый аристократическій домъ, гдѣ она получала-бы вчетверо больше скромнаго институтскаго жалованія и гдѣ занятій у нея было-бы куда меньше... Уходъ ея былъ рѣшенъ ею

безповоротно. Но вотъ появилось ея „маленькое стадо“ (такъ она въ шутку называла насъ), плачущее, молящее остаться, съ доказательствами такой неподкупной дѣтской привязанности, которую не купишь ни за какія деньги, что сердце доброй учительницы дрогнуло, и она осталась съ нами „доводить до выпуска своихъ добренькихъ дѣвочекъ“.

14-ое ноября.

ТЕЗОИМЕНИТСТВО Государыни Императрицы — 14-ое ноября — праздновалось у насъ въ институтѣ съ особенной пышностью. Послѣ обѣдни и молебна, за старшими пріѣзжали кареты отъ Императорскаго двора и везли ихъ въ театръ, а вечеромъ для всѣхъ — старшихъ и младшихъ — былъ балъ.

Съ утра мы поднялись въ самомъ праздничномъ настроеніи. На табуретахъ подлѣ постелей лежали чистые, въ нѣсколько складочекъ праздничные передники, носившіе названіе „батистовыхъ“, такія-же пелеринки съ широкими, жирно-накрахмаленными бантами и сквозные, тоже батистовые рукавчики, или „манжи“.

За утреннимъ чаемъ въ этотъ день никто не дотронулся до казенныхъ булокъ, предвкушая болѣе интерес

ныя блюда. Старшія явились въ столовую тоненькія, стянутыя въ рюмочку, съ взбитыми спереди волосами и пышными прическами.

Ирочка Трахтенбергъ воздвигла на головѣ какую-то необычайную шишку, пронженную красивою золотою пикой, только-что входившую въ моду. Но, къ несчастью, Ирочка попалась на глаза Еленинои, и великолѣпная шишка съ пикой въ минуту замѣнилась скромной прической въ видѣ свернутаго жгута.

— Mesdames, у кого я увижу подобныя прически — пошлю перечесываться,—сердилась инспектриса.

Богослуженіе въ этотъ день было особенно торжественно. Кромѣ институтскаго начальства, были на-лицо почетные опекуны и попечители. Послѣ длиннаго молебна и зычнаго троекратнаго возглашенія діакономъ „многолѣтія“ всему царствующему дому, мы, разрумяненныя душной атмосферой церкви, потянулись прикладываться къ кресту. Проходя мимо Maman и многочисленныхъ попечителей, мы отвѣшивали имъ поясные поклоны (реверансовъ въ церкви не полагалось) и выходили на паперть.

— Ну, что, привыкаешь?—раздался надъ моей почтительно склоненной головой знакомый голосъ начальницы.

— Oui, maman,—смущенно прошептала я.

Княгиня-начальница стояла передо мной величественная, красивая, точно картина, въ своемъ синемъ

шелковомъ платьѣ съ массою орденовъ на груди и брилліантовымъ шифромъ. Она трепала меня по щекѣ и ласково улыбалась.

— C'est la fille de Wlassovsky, héros de Plévna (это—дочь Власовскаго, героя Плевны), — пояснила она толстому, увѣшанному орденами, съ красной лентой черезъ плечо, господину.

— А-а,—протянулъ тотъ и тоже потрепалъ меня по щечкѣ.

Потомъ я узнала, что это былъ министръ народнаго просвѣщенія.

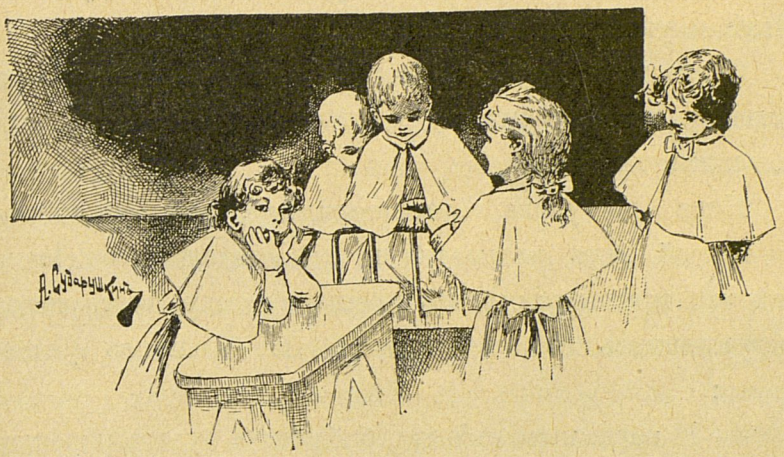
За завтракомъ намъ дали, вмѣсто кофе, по кружкѣ шоколаду съ очень вкусными ванильными сухариками. Старшія наскоро позавтракали и, не обращая вниманія на начальство, заглянувшее въ столовую, побѣжали приготовляться къ выѣзду въ театръ.

— Счастливицы, — кричали мы имъ вслѣдъ, — возьмите насъ съ собою.

Праздничный день тянулся безконечно... Мы сновали по залу и коридорамъ, бѣгали внизъ и вверхъ, раза четыре попадались на глаза злющей Елениной и никакъ не могли дождаться обѣда. Болѣе дѣловитыя играли въ куклы или „картинки" — своеобразную институтскую игру, состоящую въ томъ, чтобы подбросить картинку, замѣняющую институтку, кверху; если картинка упадетъ лицевой стороной — это считалось хорошимъ отвѣтомъ урока, а обратною стороной — ошибка.

За отвѣты ставились баллы въ особую тетрадку и затѣмъ подводились итоги. Игра эта была любимою у маленькихъ институтокъ.

Серьезная Додо извлекла изъ своего стола толстую книгу съ изображеніемъ индѣйцевъ на обложкѣ и погрузилась въ чтеніе.



Кира Дергунова разсказывала съ большимъ увлеченіемъ...

Къ обѣду вернулись старшія. Съ шумомъ и хохотомъ пришли онѣ въ столовую. Ихъ щеки горѣли отъ удовольствія, вынесеннаго ими изъ театра. Онѣ не дотронулись даже до обѣда, хотя обѣдъ съ кулебякой и кондитерскимъ пирожнымъ, съ тетерькою на второе, былъ самый праздничный.

Въ пять часовъ насъ повели въ дортуаръ, чтобы мы успѣли выспаться до предстоящаго въ этотъ вечеръ

обычнаго бала, на которомъ намъ, седьмушкамъ, было позволено остаться до 12-ти часовъ.

На лѣстницѣ насъ обогнала Ирочка Трахтенбергъ съ неизмѣнной Михайловой подъ-руку. Она съ улыбкой сунула въ руки смущенной Нины полученную въ театрѣ коробку конфектъ съ вензелемъ Государыни на крышкѣ.

— Mercі, — могла только пролепетать сконфуженная Нина и ужасно покраснѣла.

Спать легли весьма немногія изъ насъ, остальныя-же, большая половина класса, размѣстились на кроватяхъ небольшими группами.

Кира Дергунова, „второгодница“, т.-е. оставшаяся на второй годъ въ классѣ и, слѣдовательно, видѣвшая всѣ эти приготовленія въ прошломъ году, разсказывала окружившимъ ее институткамъ съ большимъ увлеченіемъ:

— И вотъ, mesdam'очки, библіотека будетъ украшена елками, и тамъ будетъ гостиная для начальства, а въ 4-мъ классѣ будетъ устроенъ буфетъ, но чай будутъ пить только кавалеры. Кромѣ того, для старшихъ будутъ конфекты... фрукты...

— А для насъ? — не утерпѣла Маня Иванова, начинавшая глотать слюнки отъ предстоящаго пиршества.

— А намъ не дадутъ... — отрѣзала Кира, — нѣтъ, т.-е. дадутъ, — поспѣшила она поправиться, — только по яблоку и апельсину да по тюречку конфектъ...

— А-а, — разочарованно протянула Маня.

— Тебѣ скучно? — спросила меня Нина, видя, что я лежу съ открытыми глазами.

— Да, домой тянетъ, — созналась я.

— Ну, Люда, потерпимъ, вѣдь теперь ноябрь уже въ серединѣ, до праздниковъ рукой подать, а второе полугодіе такъ быстро промелькнетъ, что и не увидишь... Тамъ экзамены, Пасха .. и лѣто...

— Ахъ, лѣто! — съ восторженнымъ вздохомъ вырвалось у меня.

— И вотъ, mesdam'очки, войдетъ Maman, оркестръ заиграетъ маршъ... — тѣмъ-же тягучимъ, непріятнымъ голосомъ повѣствовала Дергунова.

Въ 7 часовъ началось необычайное оживленіе; седьмушки бѣжали подъ кранъ мыть шею, лицо и чистить ногти и зубы. Это продѣлывалось съ особеннымъ стараніемъ, хотя седьмушкамъ не приходилось танцовать — танцовали старшія, а намъ разрѣшалось только смотрѣть.

Въ 8 часовъ къ намъ вошла фрейлейнъ, дежурившая въ этотъ день. На ней, поверхъ васильковаго форменнаго платья, была надѣта кружевная пелеринка, а букольки на лбу были завиты тщательнѣе прежняго.

— Какая вы красавица, нарядная! — кричали мы, прыгая вокругъ нея.

И, дѣйствительно, ея добродушное, съ жилочками на щекахъ личико, съ сіявшей на немъ доброй улыбкой, казалось очень милымъ.

— Ну, ну, Dummheiten (глупости)! — отмахнулась она и повела насъ внизъ, гдѣ выстроились уже шпалерами по коридору остальные классы.

Внизу было усиленное освѣщеніе, пахло какимъ-то сильнымъ, въ носъ ударяющимъ куреньемъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ въ концѣ коридора показалась Maman, въ цѣломъ обществѣ опекуновъ и попечителей, при лентахъ, орденахъ и звѣздахъ.

— Nous avons l'honneur de vous saluer (имѣемъ честь васъ привѣтствовать)! — дружно присѣдая классами, восклицали хоромъ институтки.

За начальствомъ прошли кавалеры: ученики лучшихъ учебныхъ заведеній столицы, пріѣзжавшіе къ намъ по „наряду". Исключеніе составляли братья и кузены старшихъ, которые попадали на наши балы по особому приглашенію начальницы или какой-нибудь классной дамы.

Подъ звуки марша, мы всѣ вошли въ залъ и прошлись полонезомъ, предводительствуемыя нашимъ танцмейстеромъ Троцкимъ, высокимъ, стройнымъ и граціознымъ старикомъ, съ тщательно расчесанными бакенбардами. Maman шла впереди, сіяя улыбкой, въ обществѣ инспектора— маленькаго, толстенькаго человѣчка въ лентѣ и звѣздѣ.

Наконецъ, начальство подошло къ небольшому кругу мягкой мебели, подобно оазису уютно расположенному въ почти пустой залѣ, и заняло мѣсто среди попечителей и гостей.

Проходя мимо начальства, мы останавливались парами и отвѣшивали низкій почтительный реверансъ, и потомъ уже занимали предназначенныя намъ мѣста.

Полонезъ смѣнился нѣжными, замирающими звуками ласкающаго вальса. Кавалеры торопливо натягивали перчатки и спѣшили пригласить „дамъ“ — изъ

Всѣ закружились въ вальсѣ...

числа старшихъ институтокъ. Минута — и десятки паръ граціозно закружились въ вальсѣ. Вонъ бѣлокурая Ирочка несется, тонкая и стройная, согнувъ немного талію, съ длиннымъ, угреватымъ лицеистомъ, а вонъ Михайлова кружится, какъ волчокъ, съ какимъ-то розовымъ бѣлобрысымъ пажомъ.

По окончаніи условныхъ двухъ туровъ (больше двухъ съ однимъ и тѣмъ-же кавалеромъ дѣлать не позволя-

лось), институтки присѣдали, опустивъ глазки, съ тихимъ, еле уловимымъ „Merci, monsieur“. Отводить на мѣсто подъ-руку строго воспрещалось, а еще строже — разговаривать съ кавалеромъ, чему плохо, однако, подчинялись старшія.

Я съ Ниной и еще нѣсколькими седьмушками усѣлись подъ портретомъ императора Павла, основателя нашего института, и смотрѣли на танцы, какъ вдругъ передо мной, какъ изъ-подъ земли, выросъ длинный и худой, какъ палка, лицеистъ.

— Mademoiselle,—произнесъ онъ шепелявя,—puis-je vous engager pour un tour de valse (Могу я васъ пригласить на туръ вальса)?

Я обомлѣла и крѣпко стиснула руку Нины, какъ бы ища защиты.

— Merci, monsieur, — вся красная отъ смущенія пролепетала я, — je ne danse pas (я не танцую), — и, вставъ, отвѣсила ему почтительный поклонъ.

Но было уже поздно. Длинный лицеистъ не понялъ меня и, быстро обнявъ мою талію, понесся со мною въ вихрѣ вальса.

Лицеистъ кружился ужасно скоро. Мои ноги не касались пола, и я въ воздухѣ выдѣлывала съ изумительною точностью всѣ тѣ па, которымъ училъ насъ Троцкій на своихъ танцклассахъ.

Къ счастью моему, музыка прекратилась, и длинный лицеистъ почти безчувственную усадилъ меня на мѣсто,

съ изысканной любезностью прошепелявивъ: „Mercі, mademoiselle“.

— Счастливица! счастливица! танцовала съ большимъ кавалеромъ,—со всѣхъ сторонъ слышала я завистливыя восклицанія.

Залъ стали провѣтривать и весь институтъ разбѣжался по коридорамъ и классамъ, превращеннымъ въ гостиныя.

— Пойдемъ пить! хочешь? — шепнула Нина, и мы побѣжали къ двумъ красиво задрапированнымъ боченкамъ, одинъ съ морсомъ, другой съ оршадомъ, изъ которыхъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ институтскій вахтеръ Самойлычъ черпалъ стаканомъ живительную влагу.

Несмотря на упрощенный способъ нашего водочерпія, несмотря на большой палецъ вахтера, перевязанный тряпкой, пропитанной клюквеннымъ морсомъ, я жадно выпила поданный мнѣ стаканъ.

— Ай, ай, пойдемъ скорѣе, сюда идетъ опять этотъ длинный лицеистъ!—невольно вскрикнула я, увидя опять знакомаго уже мнѣ лицеиста, и потащила Нину въ сторону.

— Постой, погоди, вонъ пришелъ батюшка!

Дѣйствительно, въ коридорѣ, окруженный младшими классами, сверкая золотымъ наперснымъ крестомъ на новой лиловой рясѣ, намъ улыбался отецъ Филимонъ, пришедшій полюбоваться весельемъ своихъ „дѣточекъ“.

Мы съ Ниной бросились къ нему.

— Что, веселишься, чужестраночка?—ласково улыбнулся и кивнулъ онъ своей любимицѣ Нинѣ.

Между тѣмъ изъ зала раздавались звуки контрданса.

— Mesdam'очки, идите гостинцы получать! — кричала Маня Иванова, запихивая въ ротъ цѣлую треть апельсина, даннаго ей по дорогѣ инспекторомъ.

Мы получили по тюречку кондитерскихъ конфектъ, по яблоку и апельсину.

— Что-же, пойдемъ въ залъ? — спросила меня Нина.

— Ай, нѣтъ! Ни за что! — въ ужасѣ произнесла я, невольно вспоминая лицеиста.

А между тѣмъ тамъ царило веселье, насколько можно было назвать весельемъ это благонравное кружение по залѣ подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ бдительнаго начальства.

Мы стояли въ дверяхъ и смотрѣли, какъ ловкій, оживленный Троцкій составилъ маленькую кадриль исключительно изъ младшихъ институтокъ и подходящихъ ихъ возрасту кадетъ и дирижировалъ ими. Въ большой кадрили тоже царило оживленіе, но не такое, какъ у младшихъ. Седьмушки путали фигуры, бѣгали, хохотали, суетились, словомъ — веселились отъ души. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ учителей, желавшіе повеселить дѣвочекъ.

Въ 12 часовъ насъ, седьмушекъ, повели спать, накормивъ предварительно бульономъ съ пирожками.

Издали доносились до насъ глухимъ гуломъ звуки оркестра и выкрики дирижера.

Я скоро уснула, рѣшивъ написать мамѣ все подробно объ институтскомъ балѣ.

Мнѣ снилась большая зала, кружащіяся въ неистовомъ вальсѣ пары и длинный лицеистъ, шепелявившій мнѣ въ ухо: „Puis-je vous engager, mademoiselle?“

ПРОШЛО два дня, и институтская жизнь снова вошла въ прежнюю колею.

Потянулись дни и недѣли, однообразные до-нельзя. Наступало сегодня, похожее, какъ двѣ капли воды, на вчера.

Занятія шли прежнимъ чередомъ. Крикливый голосъ инспектрисы и несмолкаемое „пиленье“ Пугача— наводили ужасную тоску.

Я взялась за книги съ жаромъ, граничившимъ съ болѣзненностью. Дѣло въ томъ, что первое полугодіе приходило къ концу, и наступало время считать ученицъ по полугодовымъ отмѣткамъ. За поведеніе я уже получала 12, что и поставило меня въ число „парфе-

токъ". Моя фамилія красовалась на классной доскѣ. По воскресеньямъ голова моя украшалась бѣлымъ и синимъ шнурками. Эти шнурки давались намъ въ институтѣ, какъ знакъ отличія за хорошее поведеніе и успѣхи. За дурное же поведеніе шнурки отнимались, иногда на недѣлю, а другой разъ и навсегда.

Наступало Рождество — первый и самый большой отдыхъ институтокъ въ продолженіе цѣлаго года. Седьмушки подсчитывали свои баллы, стараясь высчитать собственноручно, кто стоитъ выше по успѣхамъ, кто ниже. Слышались пререканія, основанныя на соревнованіи.

Нина еще больше поблѣднѣла отъ чрезвычайнаго переутомленія. Она во что бы то ни стало хотѣла стоять во главѣ класса, чтобы поддержать, какъ она не безъ гордости говорила, „славное имя Джаваха".

Ровно за недѣлю до праздниковъ всѣ баллы были вычислены и выставлены, а воспитанницы занумерованы по успѣхамъ.

Нина была первою ученицею. Цѣлый день княжна ходила какая-то особенная, счастливая и сіяющая, стараясь скрыть свое волненіе отъ подругъ. Она смотрѣла вдаль и улыбалась счастливо и задумчиво.

— Ахъ, Люда, — вырвалось у нея, — какъ-бы мнѣ хотѣлось видѣть отца, показать ему мои баллы!

Я вполнѣ понимала мою милую подружку, потому что сама горѣла желаніемъ подѣлиться радостью съ мамой и домашними. Мои баллы были немногимъ хуже

княжны. Но все же я старалась изо всѣхъ силъ быть не ниже перваго десятка и успѣла въ своемъ стараніи: я была пятою ученицей класса.

— Вѣдь пріятное сознаніе, неправда-ли, когда знаешь, что ты въ числѣ первыхъ? — допрашивала, сіяя улыбкой, Нина.

Мы написали по письму домой.

Съ утра 22-го декабря сильное оживленіе царило въ младшихъ классахъ. Младшія разъѣзжались на Рождественскіе каникулы... Дѣвочки укладывали въ дортуарѣ въ маленькіе сундучки и шкатулочки свой немногочисленный багажъ.

— Прощай, Люда, за мной пріѣхали! — кричала мнѣ Надя Федорова, взбѣгая по лѣстницѣ въ „собственномъ“ платьѣ.

Я едва узнала ее. Дѣйствительно, длинная институтская „форма“ безобразила воспитанницъ. Маленькая, бѣлокуренькая Надя показалась мнѣ совсѣмъ иною въ своемъ синемъ матросскомъ костюмчикѣ и длинныхъ черныхъ чулкахъ.

— Крошка и Реннъ одѣваются въ бѣльевой,—добавила она и, не стѣсненная болѣе институтскою формою, бѣгомъ побѣжала въ классъ прощаться.

Переодѣвались дѣвочки въ бѣльевой. Тамъ было шумно и людно. Матери, тетки, сестры, знакомыя, няни и прислуга — все это толкалось въ небольшой комнатѣ съ безчисленными шкапами.

— Лишнія, уйдите!— поминутно кричала кастеляншa.

Это была строгая дама, своей длинной сухой фигурой и рыжеватыми буклями напоминавшая чопорную англичанку.

— M-lle Иванова, пожалуйте въ бѣльевую, — торжественно возглашалъ швейцаръ, при чемъ вызванная дѣвочка вскрикивала и въ карьеръ бѣжала переодѣваться.

— M-lle Запольская, Смирнова, Муравьева, — снова возглашалъ желанный вѣстникъ, — и вновь позванныя мчались въ бѣльевую.

Мало-по-малу классъ пустѣлъ. Дѣвочки разъѣзжались.

Осталась всего небольшая группа.

— Душка, вспомни меня на порогѣ,—кричала Бѣльская торопившейся прощаться Додо. — Какъ выйдешь изъ швейцарской, скажи „Бѣльская“. Это очень помогаетъ, — добавила она совершенно серьезно.

— А я ужь въ трубу кричала, да не помогаетъ, папа опоздалъ вѣрно на поѣздъ, — печально покачала головкой Миля Корбина, отецъ которой зиму и лѣто жилъ въ Ораніенбаумѣ.

— А ты еще покричи, — посовѣтовала Бѣльская.

Кричать въ трубу — значило призывать тѣхъ, кого хотѣлось видѣть. Въ пріемные дни это явленіе чаще другихъ наблюдалось въ классѣ. Влѣзетъ та или другая дѣвочка на табуретку и кричитъ въ открытую вьюшку свое обращеніе къ роднымъ.

Но на этотъ разъ Милѣ не пришлось кричать.

— М-lle Корбина, папаша пріѣхали, — провозгласилъ внезапно появившійся швейцаръ, особенно благоволившій къ Корбиной за тѣ рубли и полтинники, которыми щедро сыпалъ ея отецъ.

Къ вечеру классы совсѣмъ опустѣли. Осталось насъ на Рождество въ институтѣ всего пять воспитанницъ. Кира Дергунова, Варя Чекунина, Валя Леръ и мы съ Ниной.

Кира Дергунова, ужасная лѣнтяйка и въ поведеніи не уступающая Бѣльской, была самой отъявленной мовешкой. На лицѣ ея напечатаны были всѣ ея проказы, но въ сущности это была предобрая дѣвочка, готовая подѣлиться послѣднимъ. Да и шалости ея не носили того злого характера, какъ шалости Бѣльской. На Рождество она осталась въ наказаніе, но нисколько не унывала, такъ какъ дома ее держали гораздо строже, чѣмъ въ институтѣ, въ чемъ она сама откровенно сознавалась.

Варя Чекунина, серьезная, не по лѣтамъ развитая брюнетка, съ умными, всегда грустными глазами, была лишена способностей и потому, несмотря на черезмѣрныя старанія, она не выходила изъ двухъ послѣднихъ десятковъ по успѣхамъ. Классъ ее любилъ за молчаливую кротость и милый, чрезвычайно симпатичный голосокъ. Варя мило пѣла, за что въ классѣ ее прозвали „Соловушкой“. Не взяли ее родные потому, что жили гдѣ-то въ далекомъ финляндскомъ городишкѣ, да и

средства ихъ были очень скромныя. Варя это знала и тихо грустила.

Наконецъ, послѣдняя, Валя Леръ, была живая, ма-

Насъ осталось всего пять воспитанницъ...

ленькая дѣвочка, немного выше Крошки, съ прелестнымъ личикомъ саксонской куколки и удивительно мѣткимъ язычкомъ, котораго побаивались въ классѣ.

Домой Валя Леръ не поѣхала, потому что не пожелала. Валя была сирота и терпѣть не могла своего опекуна. Съ Кирой Дергуновой онѣ были подругами.

Вотъ и все маленькое общество, обреченное проводить время въ скучныхъ стѣнахъ института.

Мы расползлись по коридорамъ и опустѣвшимъ классамъ, невольно подчиняясь господствовавшему кругомъ насъ унылому покою.

— Тебѣ взгрустнулось, милочка, — сказала Нина, и крѣпко обнявъ меня, повела въ залу.

Мы долго ходили тамъ изъ угла въ уголъ, оторванныя, какъ намъ казалось, отъ всего міра.

— Люда! Люда! — кричала вбѣжавшая въ залъ Кира. — Скорѣе, скорѣе въ классъ, тебѣ посылка! тебя всюду ищутъ!

Мы съ Ниной, не разнимая объятій, бросились бѣгомъ въ классъ.

На каѳедрѣ стояла громадная корзина, зашитая въ деревенскій холстъ, на крышкѣ которой была сдѣлана надпись рукою мамы: „Петербургъ, N-ая улица, N-ій институтъ, 7-ой классъ, институткѣ Власовской". Мы всѣ пятеро не безъ труда стащили корзину на первую скамейку и стали при помощи перочинныхъ ножей освобождать ее отъ холста. Едва мы тронули крышку, какъ изъ корзины потянулся запахъ жареной дичи и сдобнаго тѣста. Въ корзинѣ была цѣлая индѣйка, пулярка, пирогъ съ макомъ, сдобные коржики, домашнія

булочки, цѣлый пакетъ смоквъ и мѣшокъ вкусныхъ домашнихъ тянучекъ собственнаго изготовленія мамы.

— Ахъ! какъ вкусно! — вскрикивали дѣвочки, замирая отъ удовольствія.

— А вотъ и письмо! — обрадованно воскликнула Нина, видѣвшая, что я чего-то ищу и пріучившаяся понимать мои взгляды.

Я молча, благодарно взглянула на нее и принялась читать письмо, извлеченное изъ коробки сушеныхъ кіевскихъ вареній.

„Сердце мое Люда! — писала мама, — посылаю тебѣ съ оказіей (племянникъ отца Василія ѣдетъ въ ваши края) домашнихъ лакомствъ и живности, чтобы развлечь тебя, дорогая моя дѣвочка. Не грусти. Я знаю, что тебѣ тяжело видѣть, какъ разъѣзжаются твои подруги въ разныя стороны, но что дѣлать, моя крошка. Надо потерпѣть. Подумай только: впереди у насъ цѣлое лѣто, которое мы проведемъ неразлучно. Это-ли не радость, голубка моя?

„Всѣ домашніе тебѣ шлютъ поклонъ. Ивась сдѣлалъ нашему малюткѣ гору и Вася ежедневно цѣлое утро посвящаетъ на катанье съ нея. Онъ очень жалѣетъ, что тебя нѣтъ съ нами. Я въ этомъ году хотѣла дѣлать, по обыкновенію, скромную елочку, но Вася не хочетъ. „Когда Люда пріѣдетъ на лѣто, тогда сдѣлаешь“. Видишь, какъ горячо любитъ тебя твой братецъ! Я подарила Гапкѣ твое старое сѣренькое платье, изъ кото-

раго ты уже выросла. Еслибъ ты знала, какъ она обрадовалась подарку! Чуть не плачетъ отъ радости. Пиши мнѣ, какъ ты проведешь праздники, моя дорогая крошка, и кто остался въ институтѣ изъ вашего класса. Передай милой княжнѣ мой поцѣлуй. Я ее полюбила, какъ родную. Прости, моя крошка, — пришли рабочіе, надо отпустить. Пиши своей горячо тебя любящей

„Мамѣ".

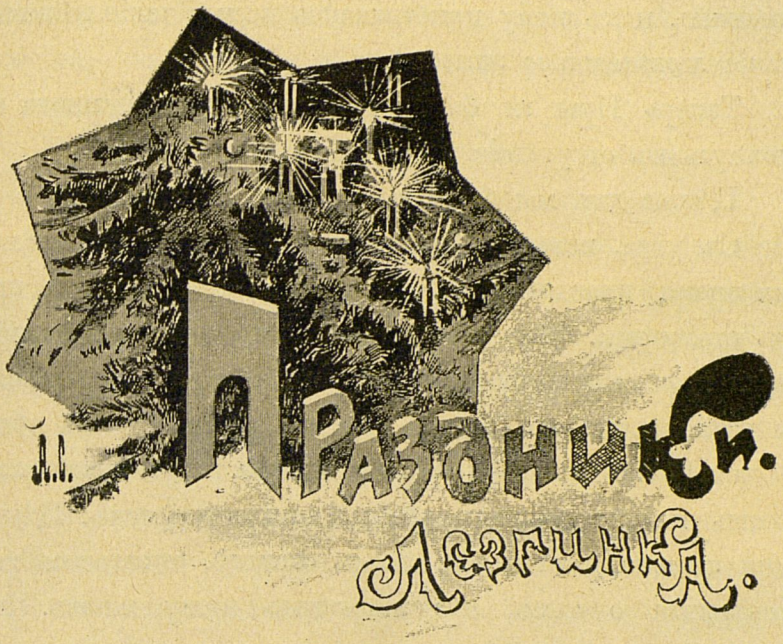
А подъ подписью мамы стояли кривыя каракульки „Вася". Я съ трудомъ ихъ разобрала. Это мама, желая сдѣлать пріятное своей дочуркѣ, водила рукою брата.

— Ну, что? — спросила Нина.

— На, прочти! — протянула я ей письмо, такъ какъ давно уже давала ей читать мою корреспонденцію съ мамой.

— Ну, и пиръ-же мы зададимъ теперь! — крикнула я повеселѣвшимъ вокругъ меня дѣвочкамъ.

Черезъ пять минутъ мы уже усердно занялись искусной стряпней заботливой Катри.



НАСТУПИЛИ праздники еще болѣе однообразные и тягучіе, нежели будни. Мы слонялись по коридорамъ и дортуарамъ. Даже старшія уѣхали на три дня и должны были пріѣхать въ четвергъ вечеромъ. Ирочки не было и княжна хандрила. Я не понимаю, какъ могла посредственная, весьма обыкновенная натура шведки нравиться моей смѣлой, недюжинной и своеобразной княжнѣ. А она очевидно любила Иру, что приводило меня въ крайнее негодо-

ваніе и раздраженіе. Ея имя было часто, часто на языкѣ княжны, и къ нему прибавлялись всегда такіе нѣжные, такіе ласкательные эпитеты.

Теперь Иры не было, и я могла хоть немного отдохнуть въ отсутствіе моего врага.

Цѣлые дни мы были неразлучны съ княжной.

Съ утра, вставъ безъ звонка (звонки упразднялись на время праздниковъ), мы лѣниво одѣвались и шли въ столовую... Такъ-же лѣниво, словно нехотя, выпивали кофе, замѣнявшій намъ въ большіе праздники чай, и расползались по своимъ норамъ. Мы съ Ниной облюбовали окно въ верхнемъ коридорѣ, гдѣ помѣщался нашъ и еще два дортуара младшихъ классовъ. Цѣлые дни просиживали мы на этомъ окошкѣ, вполголоса разговаривая о томъ, что наполняло нашу жизнь. Мы строили планы о будущемъ — очень праздничномъ и свѣтломъ въ нашемъ воображеніи. Мы рѣшили, что будемъ неразлучны, что Нина будетъ проводить зиму на Кавказѣ, а лѣто у насъ, въ хуторѣ, что я съ своей стороны буду гостить у нихъ цѣлый зимній мѣсяцъ въ году.

— Мы устроимъ прогулки, я познакомлю тебя съ нашими горами, аулами, научу ѣздить верхомъ,—восторженно говорила милая княжна, — потомъ непремѣнно взберемся на самую высокую вершину и тамъ дадимъ торжественный обѣтъ вѣчной дружбы... Да, Люда?

Я видѣла, какъ поблескивали ея черные глазки и разгорались щечки жаркимъ румянцемъ.

— Ахъ, скорѣе-бы, скорѣе наступило это время!— тоскливо шептала она. — Знаешь, Люда, мнѣ иногда кажется, что будущее такъ свѣтло и хорошо, что я не доживу до этого счастья!

— Что ты, Ниночка! — въ ужасѣ восклицала я, и, чуть не плача, зажимала ей ротъ поцѣлуями.

По вечерамъ мы усаживались на чью-либо постель и, тѣсно прижавшись одна къ другой, всѣ пять дѣвочекъ, запугивали себя страшными разсказами. Потомъ, наслушавшись разныхъ ужасовъ, мы тряслись всю ночь, какъ въ лихорадкѣ, пугаясь крытыхъ бѣлыми пикейными одѣялами постелей нашихъ уѣхавшихъ подругъ, и только подъ утро засыпали здоровымъ молодымъ сномъ.

Въ пятницу утромъ (вечеромъ у насъ была назначена елка) насъ повели гулять по люднымъ петербургскимъ улицамъ. Дѣлалось это для того, чтобы съѣхавшимся наканунѣ старшимъ можно было тайкомъ отъ насъ, маленькихъ, украсить елку. Для прогулки намъ были выданы темнозеленыя пальто воспитанницъ-католичекъ и лютеранокъ, ѣздившихъ въ нихъ въ церковь по праздникамъ. На головы надѣли вязаные капоры съ красными бантиками на макушкѣ.

Впереди шла чинно Арно, сзади-же швейцаръ въ ливреѣ.

Шли мы попарно: Валя Леръ впереди съ Пугачемъ, какъ самая маленькая, за ними Кира и Чекунина, и, наконецъ, шествіе заключали мы съ Ниной.

— Что это? пріютскихъ дѣвочекъ ведутъ? — недоумѣвая остановилась передъ нами какая-то старушка.

— Parlez français! — коротко приказала Арно, обиженная тѣмъ, что ввѣренныхъ ей воспитанницъ принимаютъ за пріютскихъ.

— Ахъ, милашки!—воскликнула, проходя подъ руку съ господиномъ, какая-то сердобольная барынька.— Смотри, какія худенькія!— жалостливо протянула она, обращаясь къ мужу.

— Отъ институтскихъ обѣдовъ не растолстѣешь, да и заучиваютъ ихъ тамъ, этихъ институтокъ, — сердито молвилъ тотъ.

Мы чуть не фыркнули. Отъ этой встрѣчи намъ стало вдругъ весело.

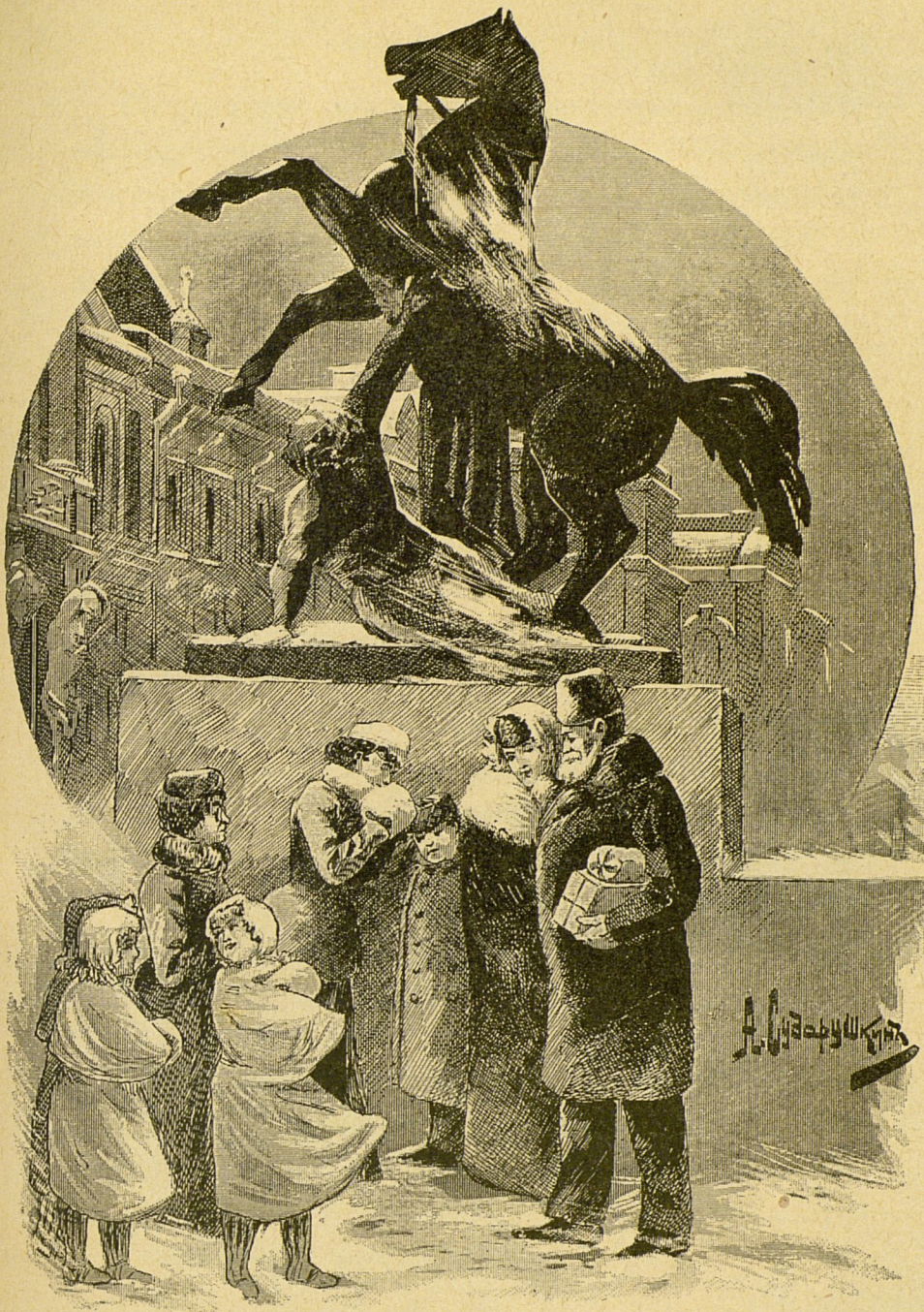
Кира, знавшая Петербургъ очень сносно, пояснила намъ, по какой улицѣ мы проходили.

Великолѣпные магазины, красивыя постройки и пестрая, нарядная толпа приковывали мой взоръ и я молча шла рядомъ съ Ниной, лишь изрѣдка дѣлясь съ нею моими впечатлѣніями.

На обратномъ пути мы зашли въ кондитерскую за пирожными. Тамъ всѣ удивленно и сочувственно смотрѣли на насъ.

Оживленныя и порозовѣвшія отъ мороза, мы вошли снова подъ тяжелые своды нашего институтскаго зданія.

Въ семь часовъ вечера насъ повели въ залъ, двери котораго цѣлый день были таинственно закрыты.



Ахъ, милашки!—воскликнула проходившая барыня...

Въ это время изъ залы донеслись звуки рояля, двери безшумно распахнулись и мы ахнули... Посреди залы, вся сіяя безчисленными огнями свѣчей и дорогими, блестящими украшеніями, стояла большая, доходящая до потолка елка. Золоченыя цѣпи и звѣзда на самой вершинѣ ея горѣли и переливались не хуже свѣчей. На темномъ бархатномъ фонѣ зелени красиво выдѣлялись повѣшенные бонбоньерки, мандарины, яблоки и цвѣты, сработанные старшими. Подъ елкой лежали груды ваты, изображающія снѣжный сугробъ.

Мнѣ пришло въ голову невольное сравненіе этой нарядной красавицы-елки съ тѣмъ маленькимъ деревцомъ, едва прикрытымъ дешевыми лакомствами, съ тою деревенскою рождественскою елочкою, которою мама баловала насъ съ братомъ. Милая, на все способная мама сама клеила и раскрашивала незатѣйливые картонажи, золотила орѣхи и шила мѣшечки для орѣховъ и леденцовъ. И все это съ величайшей осторожностью, тайкомъ, чтобы никто не догадывался о сюрпризѣ. Та елка, скромная, деревенская, которую дѣлала намъ мама, была мнѣ въ десять разъ пріятнѣе и дороже...

Я невольно вздохнула.

Какъ-разъ въ это время къ намъ подошла Maman, сіяя своей неизмѣнной, довольной улыбкой. Она была окружена учителями и ихъ семействами, пришедшими, по ея приглашенію, взглянуть на институтскую елку и дать повеселиться своимъ дѣтямъ.

— Васъ ожидаетъ сюрпризъ, — произнесла Maman, обращаясь къ намъ и другимъ младшимъ классамъ, живо заинтересовавшимся этой вѣстью.

— Какой? — повернулась я было въ сторону Нины, и смолкла; княжны подлѣ меня не было.

— Ты не знаешь, гдѣ Нина?—тревожно обратилась я къ Кирѣ, стоявшей подлѣ меня.

— Она только-что говорила съ инспектрисой и куда-то побѣжала,—отвѣтила мнѣ та, не отрывая глазъ отъ елки.

Въ ожиданіи моего друга я подошла вмѣстѣ съ другими нашими къ маленькимъ дѣтямъ нашихъ преподавателей.

Особенно понравился мнѣ пятилѣтній сынъ француза Ротье, Жанъ, прелестный голубоглазый ребенокъ съ длинными локонами и не дѣтской развязностью.

— Ты любишь институтокъ? — спросила его Кира.

Онъ вскинулъ глазами на говорившую и пресерьезно отвѣтилъ, дожевывая яблоко, по-французски:

— Институтки ужасныя лѣнтяйки; когда я вырасту и буду учить, какъ папа, я имъ всѣмъ наставлю единицъ.

Мы громко расхохотались.

Трогательно прелестна была парочка близнецовъ-дѣтей русскаго учителя. Они, мальчикъ и дѣвочка по 8-му году, держались за руки и въ молчаливомъ восхищеніи разсматривали елку.

Въ эту минуту дверь снова распахнулась и въ залъ

Въ залъ вошла цѣлая толпа ряженыхъ..

вошла цѣлая толпа ряженыхъ. Впереди была хорошенькая пестрая бабочка, эфирная и воздушная, подъ руку съ цвѣткомъ мака, въ которыхъ я не безъ труда узнала Иру и Михайлову. За ними неслась Коломбина. Дальше—полевыя розы, потомъ китаянка, цвѣточница, рыбачка и добрый геній въ бѣлой туникѣ и съ крыльями — Леночка Корсакъ, вся утонувшая въ своихъ бѣлокурыхъ косахъ. Но кто-же это тамъ между ними этотъ маленькій красавецъ-джигитъ въ національномъ нарядѣ изъ малиноваго шелка? Его бѣлая папаха низко сдвинута на глаза, а черные усики ловко скрываютъ нижнюю часть лица.

— Откуда этотъ красивый мальчикъ съ искусно наведенными усиками?—терялась я въ догадкахъ,—и какъ его пустили ряженымъ въ нашъ залъ?

Старикъ Ротье шутливо поймалъ джигита за руку; тотъ, выхвативъ кинжалъ изъ-за пояса, погрозилъ французу.

Теперь по знаку Maman заиграли вальсъ и все закружилось въ моихъ глазахъ.

— Puis-je vous engager, mademoiselle? — шепелявя и подражая лицеисту, проговорилъ подлетѣвшій ко мнѣ мальчикъ-джигитъ.

— Ахъ!

И я громко разсмѣялась, узнавъ по голосу Нину

— Вотъ провела-то! — хохотала я.

— Что, не похожа? — радовалась княжна.

— Совсѣмъ, совсѣмъ не узнали, — весело подхватили наши.

— Какъ это тебѣ позволили одѣться мальчикомъ?

— Мнѣ Маman велѣла черезъ Еленину,—шопотомъ докладывала Нина, — она знала, что я костюмъ привезла съ Кавказа и знаю лезгинку и велѣла мнѣ танцовать.

— И ты будешь танцовать?

— Конечно! Вотъ уже заиграли. Слышишь? надо начинать! — и хорошенькій джигитъ при первыхъ звукахъ начатой таперомъ лезгинки ловко выбѣжалъ на середину зала и всталъ въ позу. Начался танецъ, полный огня, пластичности, ловкости и той неподражаемой живости, которая можетъ только быть у южнаго народа.

Хорошо танцовала Нина, змѣйкой скользя по паркету, все ускоряя и ускоряя темпъ пляски. Ея глаза горѣли одушевленіемъ. Еще до начала пляски она стерла свои нелѣпые усы и теперь неслась передъ нами съ горѣвшими, какъ звѣзды, глазами и выпавшими длинными косами изъ-подъ сбившейся на бокъ папахи. Разгорѣвшаяся въ своемъ оживленіи она казалась красавицей.

Но вотъ она кончила. Ей неистово апплодировала вся зала. Просили повторенія, но Нина устала; тяжело дыша, подошла она на зовъ Маman, которая съ нѣжной лаской поцѣловала общую любимицу и, вытерѣвъ заботливо со лба Нины крупныя капли пота, отпустила

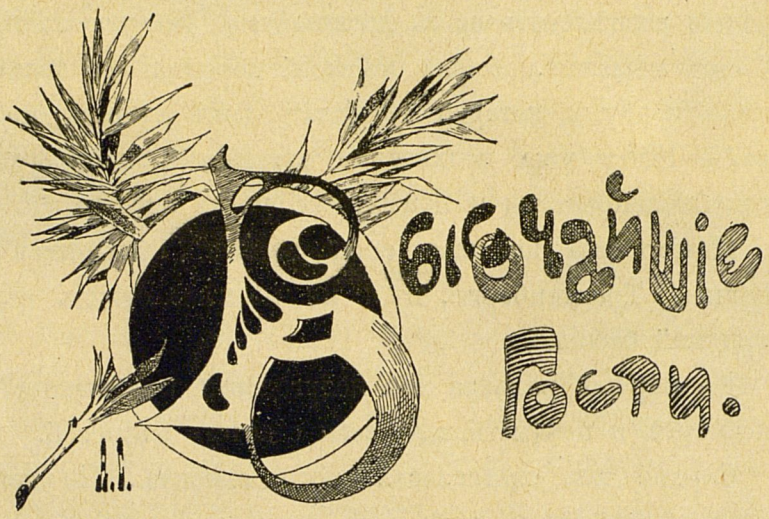
ее веселиться. Я хотѣла было подбѣжать къ Нинѣ и крѣпко расцѣловать ее за доставленное ею удовольствіе. Я такъ пылала любовью къ моей хорошенькой талантливой подругѣ, которой гордилась, какъ никогда, но — увы! — Нину уже подхватили старшія и, наперерывъ угощая конфектами и поцѣлуями, увели куда-то.

Потомъ она появилась снова въ залѣ, обнявшись съ Ирочкой Трахтенбергъ, и я не посмѣла отнять ее у нарядной бабочки.

Въ первый разъ за мое полугодовое пребываніе въ институтѣ я почувствовала себя совсѣмъ одинокой.

Сердце мое сжималось... грудь сдавило... Но когда Нина прибѣжала ко мнѣ, все мое горе исчезло...

Между тѣмъ праздники подходили къ концу. Въ воскресенье стали съѣзжаться дѣвочки. Каникулы кончились и институтская повседневная жизнь снова вступила въ свои права.



ОДНАЖДЫ, дней черезъ десять по съѣздѣ институтокъ, когда мы чинно и внимательно слушали нѣмецкаго учителя, толковавшаго намъ о томъ, сколько видовъ дѣепричастій въ нѣмецкомъ языкѣ, раздался громко и неожиданно густой и гулкій ударъ колокола.

„Пожаръ!“—вихремъ пронеслось въ нашихъ мысляхъ. Нѣкоторымъ сдѣлалось дурно. Надю Федорову безчувственную на рукахъ вынесли изъ класса. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, не зная, куда бѣжать и на что рѣшиться.

Классная дама и учитель переглянулись и первая торжественно произнесла:

— Bleibt ruhig, das ist die Kaiserin! (Успокойтесь, это государыня).

— Государыня пріѣхала! — ахнули мы и сердца наши замерли въ невольномъ трепетѣ ожиданія.

Государыня! Какъ-же это сразу не пришло въ голову, когда вотъ уже цѣлую недѣлю насъ старательно готовили къ пріему Высочайшей Посѣтительницы. Каждое утро до классовъ мы заучивали всевозможныя фразы и обращенія, могущія встрѣтиться въ разговорѣ съ императрицей. Мы знали, что пріѣзду лицъ царской фамиліи всегда предшествуетъ глухой и громкій ударъ колокола, висѣвшаго у подъѣзда, и все-таки въ послѣднюю минуту, ошеломленныя и взволнованныя, мы страшно растерялись.

M-lle Арно кое-какъ успокоила насъ, усадила на мѣста и прерванный урокъ возобновился. Мы видѣли, какъ мѣнялась поминутно въ лицѣ наша классная дама, старавшаяся во что-бы то ни стало сохранить присутствіе духа; видѣли, какъ дрожала въ рукахъ учителя книга грамматики, и ихъ волненіе невольно заражало насъ.

— „Вотъ, вотъ, Она войдетъ, давно ожидаемая, желанная Гостья, войдетъ и сядетъ на приготовленное ей на скорую руку кресло...“—выстукивало мое неугомонное сердце.

Ждать пришлось недолго. Спустя нѣсколько минутъ, дверь широко распахнулась и въ классъ вошла небольшого роста тоненькая дама, съ большими выразительными карими глазами, ласково глядѣвшими изъ-подъ низко надвинутой на лобъ мѣховой шапочки, съ длиннымъ дорогимъ боа на шеѣ поверхъ темнаго, чрезвычайно простого коричневаго платья.

Съ нею была Maman и очень высокій широкоплечій плотный офицеръ, съ открытымъ, чрезвычайно симпатичнымъ, чисто-русскимъ лицомъ.

— Гдѣ-же Государыня?—хотѣла я спросить Нину, вполнѣ увѣренная, что вижу свиту Монархини, но въ ту-же минуту почтительно выстроившіяся между скамей наши дѣвочки, низко присѣдая, чуть не до самаго пола, проговорили громко и отчетливо, отчеканивая каждый слогъ:

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!

И тотчасъ-же за первой фразой слѣдовала вторая на французскомъ языкѣ:

— Nous avons l'honneur de saluer Votre Majesté Impérial!

Сомнѣній не было. Передо мною были Государь и Государыня.

„Такъ вотъ они!“—мысленно произнесла я, сладко замирая отъ какого-то новаго, непонятнаго мнѣ еще чувства.

Въ моемъ впечатлительномъ и нѣсколько мечтательномъ воображеніи мнѣ представлялась совсѣмъ иная Царская Чета. Мысль рисовала мнѣ торжественное появленіе Монарховъ среди цѣлой толпы нарядныхъ царедворцевъ въ богатыхъ, золотомъ шитыхъ, чуть-ли ни парчевыхъ костюмахъ, залитыми съ головы до ногъ драгоцѣнными камнями...

А между тѣмъ передо мною простое коричневое платье и военный сюртукъ одного изъ гвардейскихъ полковъ столицы. Вмѣсто величія и пышности, простая, ободряющая и милая улыбка.

— Здравствуйте, дѣти!—прозвучалъ густой и пріятный басъ Государя.—Чѣмъ занимались?

Maman поспѣшила объяснить, что у насъ урокъ нѣмецкаго языка и представила Царской Четѣ m-lle Арно и учителя. Государь и Государыня милостиво протянули имъ руки.

— А ну-ка, я провѣрю, какъ вы уроки учите,— шутливо кивнулъ намъ головою Государь и, обведя классъ глазами, поманилъ сидѣвшую на первой скамейкѣ Киру Дергунову.

У меня замерло сердце, такъ какъ Кира, славившаяся своею лѣнью, не выучила урока — я была въ этомъ увѣрена. Но Кира и глазомъ не моргнула. Вѣроятно, ея отважная бѣлокурая головка съ вздернутымъ носикомъ и бойкими глазенками произвела пріятное впечатлѣніе на Царскую Чету, потому что Кира получила

милостивый кивокъ и улыбку, придавшіе ей еще больше храбрости. Глаза Киры съ полнымъ отчаяньемъ устремились на учителя. Они поняли другъ друга. Онъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ изъ прошлаго урока, на которые Кира отвѣчала бойко и умѣло.

— Хорошо!—одобрилъ еще разъ Государь и отпустилъ дѣвочку на мѣсто.

Потомъ его взглядъ еще разъ обѣжалъ весь классъ и глаза его остановились на мигъ какъ-разъ на мнѣ. Смутный, необъяснимый трепетъ охватилъ меня отъ этого проницательнаго и въ то-же время ласково-ободряющаго взгляда. Мое сердце стучало такъ, что мнѣ казалось — я слышала его біеніе... Что-то широкой волной прилило къ горлу, сдавило его, наполняя глаза теплыми и сладкими слезами умиленія. Близость Монарха, Его простое, доброе, отеческое отношеніе, Его— великаго и могучаго, держащаго судьбу государства и милліоновъ людей въ этихъ мощныхъ и крупныхъ рукахъ,—все это заставило содрогнуться отъ новаго ощущенія впечатлительную душу маленькой дѣвочки. Казалось, и Государь понялъ, что во мнѣ происходило въ эту минуту, потому что глаза его засіяли еще большею лаской, а полныя губы мягко проговорили:

— Пойди сюда, дѣвочка.

Взволнованная и счастливая, я вышла на середину класса, по примѣру Киры, и отвѣсила низкій-низкій реверансъ.

— Какіе-нибудь стихи знаешь?—снова услышала я ласкающія густыя низкія ноты.

— Знаю стихотвореніе „Erlkönig“,—тихо-тихо отвѣтила я.

— Ihre Kaiserliche Majestät прибавляйте всегда, когда Ихъ Величества спрашиваютъ,—шопотомъ подсказалъ мнѣ учитель.

Но я только недоумѣвающе вскинула на него глазами и тотчасъ-же отвела ихъ, вперивъ пристальный не мигающій взглядъ въ богатырски сложенную фигуру обожаемаго Россіей Монарха.

„Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?“...—начала я робкимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но чѣмъ дальше читала я стихотвореніе, выученное мною добросовѣстно къ предыдущему уроку, тѣмъ спокойнѣе и громче звучалъ мой голосъ, и кончила я чтеніе очень и очень порядочно.

— Прекрасно, малютка!—произнесъ милый басъ Государя.—Какъ твоя фамилія?

Его рука, немного тяжелая и большая, настоящая державная рука, легла на мои стриженные кудри.

— Власовская Людмила, Ваше Императорское Величество,—догадалась я отвѣтить.

— Власовская? дочь казака Власовскаго?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество,—поспѣшила вмѣшаться Maman.

— Дочь героя, славно послужившаго родинѣ!—тихо

и раздумчиво повторилъ Государь, такъ тихо, что могли только услышать Государыня и начальница, сидѣвшія рядомъ. Но мое чуткое ухо уловило эти слова добраго Монарха.

— Approche, mon enfant! (Подойди, мое дитя),—прозвучалъ пріятный и нѣжный голосокъ Императрицы,— и едва я успѣла приблизиться къ ней, какъ ея рука въ желтой перчаткѣ легла мнѣ на шею, а глубокіе, прелестные глаза смотрѣли совсѣмъ близко около моего лица.

Я инстинктивно нагнулась и губы Государыни коснулись моей пылавшей щеки.

Счастливая, не помня себя отъ восторга, пошла я на мѣсто, не замѣчая слезъ, текшихъ по моимъ щекамъ, не слыша ногъ подъ собою...

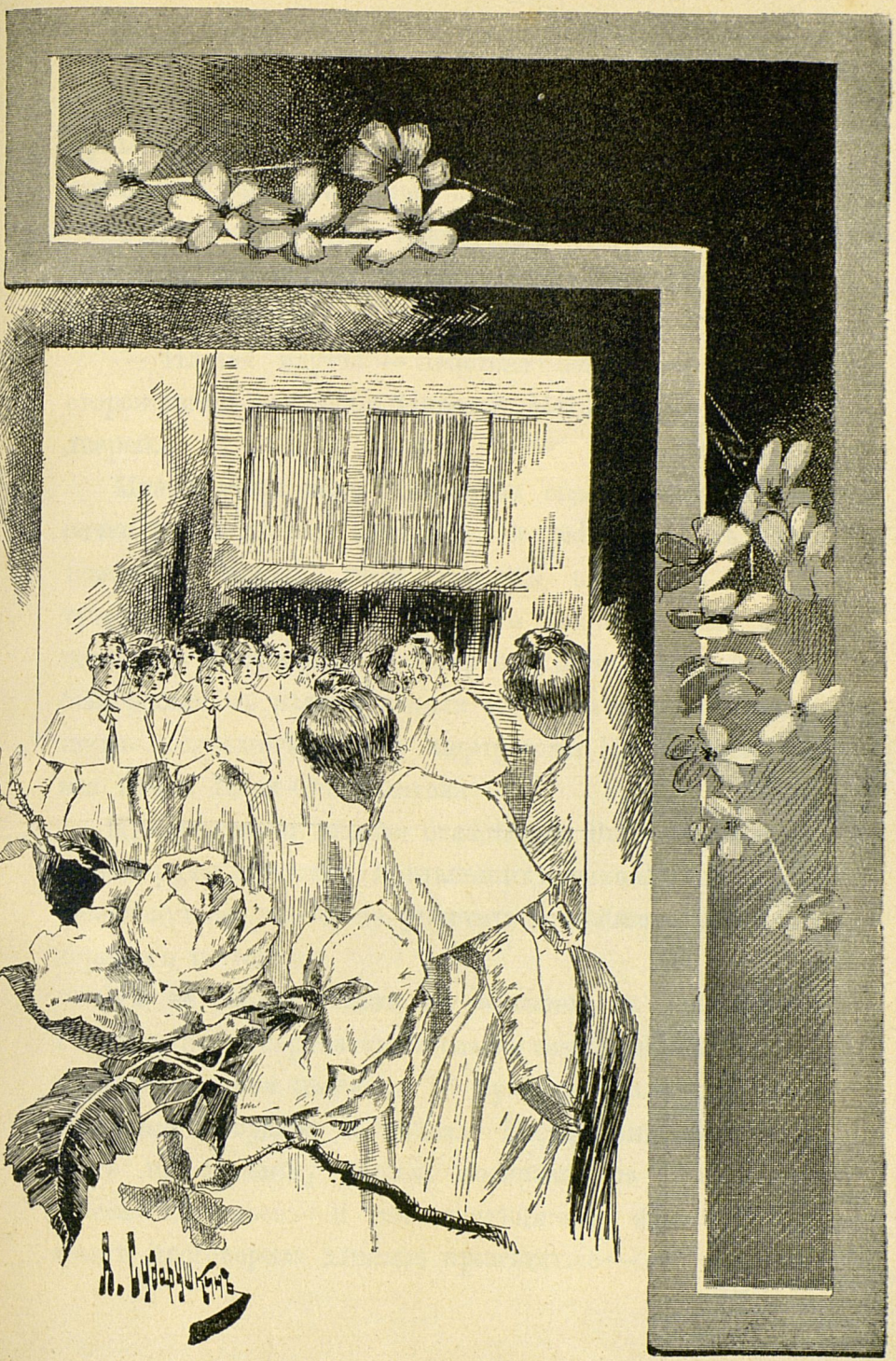
Царская Чета встала и, милостиво кивнувъ намъ, пошла къ двери. Но тутъ Государь задержался немного и крикнулъ намъ весело, по-военному:

— Молодцы ребята, старайтесь!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!—звонко и весело, не уступая въ искусствѣ солдатамъ, дружно крикнули мы.

Какъ только Государь съ Государыней и начальницей вышли въ коридоръ, направляясь въ старшіе классы, насъ быстро собрали въ пары и повели въ залъ.

Наскоро, суетясь и мѣшая другъ другу, наши маленькія музыкантши усѣлись за рояли, чтобы въ 16



Идутъ, идутъ! —закричали дѣвочки...

рукъ играть тщательно разученный маршъ-полонезъ, спеціально приготовленный къ царскому пріѣзду.

Сзади нихъ стояла толстенькая старшая музыкальная дама, вся взволнованная, съ яркими пятнами румянца на щекахъ.

— Идутъ! идутъ! — неистово закричали дѣвочки, сторожившія появленіе Царской Четы у коридорныхъ дверей.

Музыкальная дама взмахнула своей палочкой, дѣвочки взяли первые аккорды... Высокіе Гости въ сопровожденіи Maman, подоспѣвшихъ опекуновъ, институтскаго начальства и старшихъ воспитанницъ, окружившихъ Государя и Государыню безпорядочной гурьбой, вошли въ залъ и заняли мѣста въ креслахъ, стоявшихъ посерединѣ между портретами Императора Павла I-го и Царя-Освободителя.

Привѣтливо и ласково оглядывали Высочайшіе посѣтители ряды дѣвочекъ, притаившихъ дыханіе, боявшихся шевельнуться, чтобы не упустить малѣйшаго движенія дорогихъ гостей.

Мы не сводили глазъ съ обожаемыхъ Государя и Государыни и сердца наши сладко замирали отъ счастья.

Музыкальная пьеса въ 16 рукъ окончилась, вызвавъ одобреніе Государя и похвалу Государыни. Вслѣдъ за тѣмъ на середину вышла воспитанница выпускного класса Иртеньева и на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ проговорила длинное привѣтствіе—сочиненіе на-

шего Ротье — съ замысловатымъ вычурнымъ слогомъ и витіеватыми выраженіями. Государыня милостиво протянула ей для поцѣлуя руку, освобожденную отъ перчатки, — бѣлую маленькую руку, унизанную драгоцѣнными кольцами.

Затѣмъ вышла воспитанница 2-го класса, добродушная, всѣми любимая толстушка Баркова, и послѣ низкаго-низкаго реверанса прочла русскіе стихи собственнаго сочиненія, въ которыхъ просто и задушевно выражалось горячее чувство любящихъ дѣтей къ ихъ незабвеннымъ Отцу и Матери.

Государь былъ видимо растроганъ. Государыня съ влажными и сіяющими глазами обняла обезумѣвшую отъ восторга юную поэтессу.

Потомъ всѣ наши окружили рояль съ сѣвшею за него воспитанницею и своды зала огласились звуками красивой баркароллы. Молодые, сочные голоса слились въ дружномъ мотивѣ баркароллы съ массою мелодій и переливовъ, искусными трелями и звонкими хорами. Во время пѣнія Высочайшіе Гости покинули свои мѣста и стали обходить колонны институтокъ. Они милостиво разспрашивали ту или другую дѣвочку о ея родителяхъ, успѣхахъ или здоровьѣ. Увидя два, три болѣзненныя личика, Государь останавливался передъ ними и заботливо освѣдомлялся о причинѣ ихъ блѣдности. Затѣмъ обращался съ просьбою къ слѣдовавшей за ними Maman обратить вниманіе на болѣзненный видъ вос-

питанницъ и дать возможность употреблять самую питательную пищу. Какъ-разъ, когда онъ проходилъ мимо нашего класса, мой взглядъ упалъ на Нину. Блѣдная, съ разгорѣвшимися глазами и трепетно вздрагивающими ноздрями она вся превратилась въ молчаливое ожиданіе. Государь внезапно остановился передъ нею.

— Твое имя, малютка?

— Княжна Нина Джаваха-алы-Джамата,—звонкимъ гортаннымъ голоскомъ отвѣтила Нина.

Государь улыбнулся доброй улыбкой и погладилъ глянцевитыя косы дѣвочки.

— Твоя родина Кавказъ? — спросила по-русски Государыня.

— Такъ точно, Ваше Величество!—произнесла Нина.

— А ты любишь твою родину?—спросилъ Государь, все еще не спуская руки съ чернокудрой головки.

— Что можетъ быть лучше Кавказа! Я очень-очень люблю мой Кавказъ! — пылко, забывая все въ эту минуту, воскликнула Нина, блестя глазами и улыбкой, дѣлавшей прелестнымъ это гордое личико, смѣло и восторженно устремленное въ лицо Монарха.

— Charmant enfant!—тихо проговорила Государыня, и о чемъ-то заговорила съ начальницей.

Видя, что Высочайшіе Гости собираются отъѣхать, институтскій хоръ грянулъ „Боже, Царя храни“, законченный такимъ оглушительно-звонкимъ „ура“, которое врядъ-ли забудутъ суровыя институтскія стѣны.

Тутъ уже, пренебрегая всѣми условными правилами, которымъ безропотно подчинялись въ другое время, мы бросились всѣмъ институтомъ къ Монаршей Четѣ и, окруживъ ее, двинулись вмѣстѣ съ нею къ выходу. Напрасно начальство уговаривало насъ опомниться и собраться въ пары, напрасно грозило всевозможными наказаніями,—мы, послушныя въ другое время, теперь отказывались повиноваться. Мы бѣжали съ тѣмъ-же оглушительнымъ „ура“ по коридорамъ и лѣстницамъ и, дойдя до прихожей, вырвали изъ рукъ высокаго, внушительнаго гайдука соболью ротонду Императрицы и форменное пальто Государя съ барашковымъ воротникомъ, и накинули ихъ на царственныя плечи нашихъ гостей.

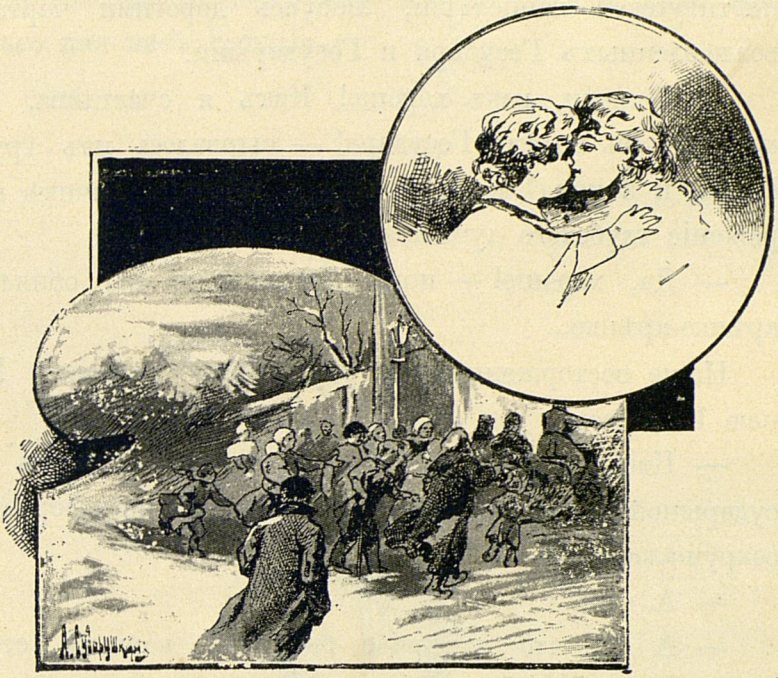
Потомъ мы надѣли теплыя мѣховыя калоши на миніатюрныя ножки Царицы и уже готовились продѣлать тоже и съ Государемъ, но онъ во-время предупредилъ насъ, отвлекая наше вниманіе брошеннымъ на воздухъ носовымъ платкомъ. Какая-то счастливица поймала платокъ, но кто-то тотчасъ же вырвалъ его у нея изъ рукъ и затѣмъ небольшой шелковый платокъ Государя былъ тутъ-же разорванъ на массу кусковъ и дружно раздѣленъ „на память“ между старшими.

— А намъ папироски, Ваше Величество!—запищали голоса маленькихъ, видѣвшихъ, что Государь сталъ закуривать.

— Ахъ, вы, малыши, васъ и забыли! — засмѣялся

онъ и мигомъ опустошилъ золотой портсигаръ, раздавъ всѣ папиросы маленькимъ.

— Распустите дѣтей на три дня! — въ послѣдній



Когда сани тронулись, мы обнялись крѣпко...

разъ прозвучалъ драгоцѣнный голосъ Монарха, и Царская Чета вышла на подъѣздъ.

Оглушительное „ура“ было отвѣтомъ — ура, начатое въ большой институтской швейцарской и подхваченное тысячной толпой собравшагося на улицѣ народа. Кивая направо и налѣво, Высочайшіе Гости сѣли въ сани, гайдукъ вскочилъ на запятки и чистокровные арабскіе

кони, дрожавшіе подъ сѣтью сѣткой и мечущіе искры изъ глазъ, быстро понеслись по снѣжной дорогѣ.

Мы облѣпили окна швейцарской и сосѣдней съ нею институтской канцеляріи, любуясь дорогими чертами возлюбленныхъ Государя и Государыни.

— Господи, какъ хорошо! Какъ я счастлива, что мнѣ удалось видѣть Государя! — вырвалось изъ груди Нины, и я увидѣла на ея всегда гордомъ личикѣ выраженіе глубокаго душевнаго умиленія.

— Да, хорошо! — подтвердила я, и мы обнялись крѣпко-крѣпко...

Наше восторженное настроеніе было прервано Манею Ивановою.

— Какъ жалко, mesdam'очки, что Государь съ Государыней не прошли въ столовую, — чистосердечно сокрушалась она.

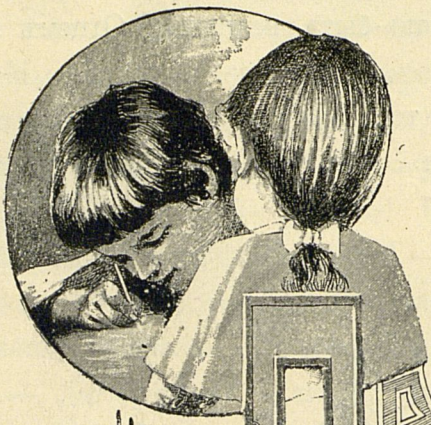
— А что?

— А то, что навѣрное бы насъ кормить стали лучше. А то котлеты съ чечевицей, котлеты съ бобами, котлеты и котлеты. Съ ума можно сойти...

Но никто не обратилъ вниманія на ея слова и не поддержалъ на этотъ разъ Мани; всѣ считали, что напоминаніе о котлетахъ въ эту торжественную минуту было совсѣмъ не кстати. Всѣхъ насъ охватило новое чувство, врядъ-ли даже вполнѣ доступное нашему пониманію, но за то вполнѣ понятное каждому истинно русскому человѣку, — чувство глубокаго восторга отъ

освѣтившей нашу душу встрѣчи съ обожаемымъ нами, безсознательно еще можетъ-быть, великимъ Отцомъ великаго народа.

И долго-долго послѣ того мы не забыли этого великаго для насъ событія...



Призы.

„*Милый лавочникъ! Пришлите намъ, пожалуйста, толокна на 5 копѣекъ, поклеванникъ въ 3 копѣйки, непремѣнно горячій, и на 2 копѣйки паточныхъ леденцовъ*“.

Такъ гласила записка, старательно нацарапанная Марусей Запольской — нашей вездѣсущей и на все поспѣвающей Краснушкой... Кира поправила ошибки и записка съ новенькимъ блестящимъ пятіалтыннымъ погрузилась въ необъятный карманъ Киры.

Дѣло въ томъ, что Краснушкѣ принесла въ „пріемъ“ ея старшая сестра прехорошенькій шелковый кошелекъ

своей работы, въ одномъ углу котораго былъ положенъ совершенно новенькій блестящій пятіалтынный. Не долго думая, дѣвочка извлекла монету и, по примѣру старшихъ, написала лавочнику, чтобы получить самыя доступныя институтскимъ средствамъ лакомства. Затѣмъ Кира, отчаянная въ такого рода предпріятіяхъ, сунула записку въ карманъ и, взявъ маленькую, бѣлую кружку, особенно развязно подошла къ каѳедрѣ и сказала сидѣвшему на ней Пугачу: „J'ai soif“ (я хочу пить).

Далекая отъ всякаго подозрѣнія, Арно кивкомъ головы отпустила лукавую дѣвочку. Лишь только Кира выскользнула изъ класса, она бѣгомъ пустилась по коридору, спустилась по лѣстницѣ, и заглянула въ швейцарскую. Тамъ, кромѣ швейцара Петра и его помощника Сидора, сидѣлъ маленькій, сморщенный, но бодрый и подвижной младшій сторожъ, старикъ Гаврилычъ.

Юркими маленькими глазками слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своего начальства, очевидно замѣтя приходъ Киры, и лишь только Петръ вышелъ зачѣмъ-то изъ швейцарской, Гаврилычъ опрометью бросился къ дѣвочкѣ.

— Гаврилычъ, миленькій, сбѣгай въ лавочку; вотъ тебѣ записка, тамъ уже все написано, что надо, а вотъ и деньги. Пятачекъ себѣ за труды возьми — только скорѣе, а какъ принесешь, за дверь положи, въ темномъ углу, — просила, торопясь и поминутно оглядываясь, Кира.

— Слушаю-съ, барышня, голубушка, только не попадитесь классным дамамъ, упаси Боже! — опасливо зашепталъ Гаврилычъ и, взявъ записку отъ Киры, побѣжалъ черезъ дѣвичью заднимъ ходомъ въ лавку.

Кира вернулась въ классъ, стараясь незамѣтно проскользнуть мимо Пугача, что ей удалось самымъ блестящимъ образомъ.

— Все сдѣлано, — торжествующе заявила она Краснушкѣ.

— А кто-же пойдетъ за покупкой, когда Гаврилычъ ее принесетъ? — спросила я.

— Mesdam'очки, дайте я схожу за кусокъ поклеванаго и два леденца, — вызвалась Бѣльская.

— Идетъ, — согласились Кира и Краснушка въ одинъ голосъ.

— Ну, ступай-же! — шопотомъ произнесла Кира, когда ей показалось, что прошло достаточно времени и Гаврилычъ успѣлъ вернуться изъ лавки. Бѣльская молча кивнула головой и взявъ злосчастную кружку, подошла просить Пугача пойти напиться.

Вѣроятно частая необычайная жажда двухъ самыхъ отъявленныхъ шалуній навела на нѣкоторое подозрѣніе Пугача. М-lle Арно, однако-же, отпустила Бѣльскую, но, давъ ей выйти изъ класса, неожиданно встала и пошла по ея слѣдамъ. Весь классъ замеръ отъ страха.

— Что то будетъ? что-то будетъ?—въ ужасѣ тоскливо повторяли дѣвочки.

А было вотъ что. Ничего не подозрѣвавшая Бѣльская стрѣлою неслась по коридору и, спустившись по лѣстницѣ, подбѣжала къ стеклянной двери, за которою, по ея расчету, должны были находиться лакомства, уже принесенныя Гаврилычемъ.

Она не ошиблась: въ темномъ углу за дверью лежалъ небольшой тюричекъ съ толокномъ, леденцами, и завернутый въ мягкую обертку горячій, свѣже-испеченный поклеванный хлѣбецъ. Бѣльская сложила все это въ карманъ, едва вмѣстившій сокровища, уже готовилась покинуть уголъ, какъ вдругъ непріятный, рѣзкій голосъ заставилъ ее вскрикнуть отъ испуга.

Передъ нею, разгнѣванная до послѣдней степени стояла Арно.

— C'est ainsi, que vous avez soif? (Это также потому, что вы хотите пить),—бѣшено крикнула она Бѣльской и прибавила еще строже: — Debarassez votre poche de tous les salités. (Достаньте изъ кармана всѣ эти гадости).

— Еслибъ она знала, какія здѣсь вкусныя вещи: горячій поклеванникъ, леденцы и толокно. Это она называетъ salités! (гадости), — мысленно сокрушалась Бѣльская.

Но, очевидно, m-lle Арно не раздѣляла ея мнѣнія и вкусовъ.

Осторожно, съ преувеличенной брезгливостью, она извлекла двумя пальцами „tous les salités“ изъ кармана

перепуганной дѣвочки и, держа тюричекъ двумя пальцами, точно боясь испачкаться, взяла другой рукой за руку Бѣльскую и торжественно повлекла ее въ классъ.

— „У-у, противная!“ — мысленно бранилась попавшаяся шалунья, стараясь освободить свою руку изъ цѣпкихъ пальцевъ классной дамы.

— Mesdames, одна изъ вашихъ подругъ, — начала торжественно Арно, войдя въ классъ и влѣзая на каѳедру,—преступила правила нашего института и должна быть строго наказана. Такихъ шалостей нельзя простить! Это... это... возмутительно! — горячилась она. — Я буду настаивать на исключеніи Бѣльской, если она чистосердечно не покается и не укажетъ на дѣвушку, купившую ей весь этотъ ужасъ.

Очевидно, m-lle Арно была далека отъ подозрѣнія на Гаврилыча.

— Я иду,—продолжала она,—къ инспектрисѣ, доложить о случившемся.

И, грозно потрясая тюричкомъ, она торжественно вышла изъ класса.

— Бѣдная Бѣлочка!—сочувственно говорили институтки.

Никому и въ голову не приходило назвать Гаврилыча и этимъ спасти подругу. Всѣ отлично знали, что несчастный старикъ могъ бы изъ-за нашей шалости потерять насиженное казенное, хотя и очень скромное

Бѣльская сложила все это, какъ вдругъ непріятный голосъ заставилъ ее вздрогнуть...

мѣсто и тогда пустить по міру семью, живущую гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ подвалѣ.

Жалко было, безконечно жалко и до смерти перепуганную Бѣльскую.

Дѣвочки столпились и образовали группу вокругъ плачущей горькими слезами Бѣльской.

— Не горюй, Бѣлочка, вѣдь это виноваты мы съ Кирой, — говорила Краснушка, тоже чуть не плача. — Мы сейчасъ-же пойдемъ и выпутаемъ ее,—рѣшительно прибавила она, энергично тряхнувъ золотисто-красной головкой.

— Стойте! — вдругъ вырвалось у княжны, молчавшей все время и только хмурившей свои тонкія брови.— Если вы пойдете къ инспектриссѣ, васъ выключатъ точно такъ-же какъ и Бѣльскую: вы обѣ „мовешки“ или считаетесь, по крайней мѣрѣ, такими. Пойду къ начальницѣ я и признаюсь, какъ и что было, подъ условіемъ, чтобы Гаврилычу ничего не было, а вся вина пала-бы на меня...

— Но ты пострадаешь, Нина! — протестовали дѣвочки.

— Все-таки не такъ, какъ другія на моемъ мѣстѣ. Меня не выключатъ потому, что Maman дала слово отцу беречь меня и я на ея попеченіи... И притомъ я вѣдь считаюсь „парфеткой“, а парфетокъ такъ легко не исключаютъ. Утри свои слезы, Бѣльская, а тебѣ, Краснушка, нечего волноваться, и тебѣ, Кира, тоже, — все

будетъ улажено. Я вѣдь помню, какъ за меня пострадала Люда. Теперь моя очередь. Пойдемъ со мной къ Maman,—кивнула она мнѣ, и мы обѣ вышли изъ класса среди напутствій и пожеланій подругъ.

Крошка, не говорившая со мною и Ниной болѣе трехъ мѣсяцевъ, быстро догнала насъ у класса со словами:

— Помиримся, Джаваха!

Нина и я охотно поцѣловались съ ней въ знакъ примиренія.

— Видишь, и она тоже хорошая! — расчувствовавшись, сказала я.

Мы пробѣжали лѣстницу и коридоры въ одну минуту и, остановившись у швейцарской, позвали швейцара.

— Что Maman дома?—спросила княжна.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, княгиня у себя,— почтительно отвѣтилъ швейцаръ, знавшій, что маленькой Джавахѣ открытъ во всякое время доступъ въ квартиру начальницы.

Нина храбро направилась туда, не выпуская моей руки... Я робко переступила порогъ той самой комнаты, въ которую около полугода тому назадъ вошла смущенной и конфузливой маленькой провинціалкой.

Княгиня сидѣла въ большомъ, удобномъ креслѣ съ какимъ-то вышиваньемъ въ рукахъ. Но на этотъ разъ она не встала намъ на встрѣчу съ ласковымъ привѣ-

томъ „добро пожаловать“, а поманила насъ пальцами, проронивъ недоумѣвая:

— Что скажете, дѣти?

У меня языкъ прилипъ къ гортани, когда я уви-

Нина выдвинулась впередъ...

дѣла это строгое, хотя привѣтливо улыбающееся лицо начальницы, ея величественно стройную, крупную фигуру.

— Что скажете, дѣти? — повторила она, поднявъ глаза отъ работы.

Когда начальница замѣтила Нину, лицо ея вдругъ стало ласковѣе:

— А, маленькая княжна, что новаго?

Нина выдвинулась впередъ и дрожащимъ отъ вол-

ненія голосомъ начала свое признанье. Добрая дѣвочка боялась не за себя. Назвать Гаврилыча—значило подвергнуть его всевозможнымъ случайностямъ, не назвать—было очень трудно.

По мѣрѣ того, какъ говорила Нина, лицо начальницы принимало все болѣе и болѣе строгое выраженіе и когда Нина кончила свою исповѣдь, выдуманную ею тутъ-же на скорую руку, лицо княгини стало темнѣе тучи.

— Я не вѣрю, чтобы это сдѣлала ты—лучшая изъ воспитанницъ, опора и надежда нашего института,—начала она спокойнымъ и рѣзкимъ голосомъ, изъ котораго точно по удару магическаго жезла исчезали всѣ лучшія бархатныя, ласкающія ноты. — Но все равно, разъ ты созналась, ты и будешь наказана. Доводить до свѣдѣнія твоего отца этого поступка, недостойнаго княжны Джаваха, я не буду, но ты должна сказать кто принесъ вамъ покупки.

При послѣднихъ словахъ начальницы, Нина вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Ея мысленнымъ взорамъ, какъ она мнѣ потомъ разсказывала, живо представились голодные ребятишки выгнаннаго со службы Гаврилыча, просящіе хлѣба, и самъ сторожъ, больной и подавленный горемъ.

— Maman,—скорѣе простонала, нежели прошептала княжна,—я вамъ назову это лицо, если вы обѣщаете мнѣ не выгонять несчастнаго.

Тутъ уже княгиня вышла изъ себя.

— Какъ!—крикнула она,—ты еще смѣешь торговаться! Я не вижу раскаянья въ твоихъ словахъ... Напроказничала, хуже того—исподтишка, какъ самая послѣдняя, отъявленная шалунья, надѣлала непріятностей, да еще смѣетъ разсуждать! Изволь назвать сейчасъ-же виновнаго или виновную, или ты будешь строго наказана.

Лицо Нины блѣднѣло все больше и больше. На матово-бѣломъ лбу ея выступили крупныя капли пота. Она продолжала хранить упорное молчаніе. Только глаза ея разгорались все ярче и ярче, эти милые глаза, свидѣтельствующіе о душевной бурѣ, происходившей въ чуткой и смѣлой душѣ княжны...

Княгиня снова подняла на Нину неумолимо строгіе глаза и взоры ихъ скрестились. Вѣроятно, справедливая и добрая Maman поняла мученья бѣдной дѣвочки, потому что лицо ея разомъ смягчилось, и она произнесла уже менѣе строго:

— Я знаю, что ты не скажешь кто тебѣ помогалъ, но и не станешь больше посылать въ лавку, потому-то теперешнее твое состояніе—боязнь погубить другихъ изъ-за собственной шалости—будетъ тебѣ наукой. А чтобы ты помнила хорошенько о твоемъ проступкѣ, въ продолженіе цѣлаго года, ты не будешь записана на красную доску и перейдешь въ слѣдующій классъ при среднемъ поведеніи. Поняла? Ступай!

Нина повернулась уже къ двери, когда начальница снова позвала ее.

— И что съ тобой сдѣлалось? Ты такъ круто измѣнилась, Джаваха! Какъ ты думаешь, пріятно будетъ твоему отцу такое поведеніе его дочери? Природная живость—не порокъ. Даже шалость дѣтская, безвредная шалость еще простительна, но этотъ поступокъ — изъ рукъ вонъ плохъ!

— А ты?—болѣе милостиво повернулась ко мнѣ начальница,—ты отчего не остановила свою подругу?

Я молчала.

— Чтобы впредь не повторялось ничего подобнаго!...—строго произнесла княгиня.

„Еслибъ она знала, еслибъ она только знала какъ велика, какъ чудно-хороша эта благородная свѣтлая душа милой княжны!—сверлила мой мозгъ волновавшая меня мысль.—Если-бъ она знала сколько самоотверженія и доброты въ дѣтскомъ сердечкѣ Нины!...“

Мы вышли присмирѣвшія и взволнованныя изъ квартиры начальницы, нѣсколько даже счастливыя подобнымъ исходомъ дѣла, оставившимъ въ сторонѣ бѣднаго, на-смерть напуганнаго Гаврилыча.

Въ классѣ насъ встрѣтили шумными восклицаніями, возгласами благодарности и восхищенія.

Кира, Краснушка и Бѣльская буквально душили Нину поцѣлуями.

— Мы твои вѣрные друзья до гроба!—восторженно говорила за всѣхъ троихъ Бѣльская.

Въ наше отсутствіе, оказывается, приходила инспек-

триса и наказала троихъ вышеупомянутыхъ воспитанницъ, снявъ съ нихъ передники и оставивъ безъ шнурка, но о выключеніи не было и рѣчи, такъ какъ догадливый Пугачъ пронюхалъ, что Джаваха у Maman, сталобыть она виноватая. Къ тому-же, когда имя Нины произнесено было въ классѣ, дѣвочки неловко смолкли, не рѣшаясь взвести напрасное обвиненіе на ихъ самоотверженную спасительницу.

— Maman не позволяетъ мнѣ ставить 12 за поведеніе,—отрапортовала звонкимъ голосомъ княжна, — и мое имя до слѣдующаго класса не будетъ на красной доскѣ.

— Вотъ какъ!—и Пугачъ сдѣлалъ большіе глаза.— За что?

— За то, что я посылала за покупками, а Бѣльская по моему порученію только побѣжала внизъ взять ихъ изъ-за дверей.

— Очень похвально! И это примѣрная воспитанница!—прошипѣла Арно, вся краснѣя отъ гнѣва.

На слѣдующее воскресенье мы должны были получить бѣлые и красные шнурки за поведеніе.

— Что это княжна Джаваха безъ шнурка?—изумилась Ирочка, проходя, вмѣстѣ съ двумя другими воспитанницами, мимо нашихъ столовъ на кухню, гдѣ онѣ, подъ руководствомъ классной дамы, осматривали провизію.

— Отъ шнурковъ только волосы сѣкутся,—не безъ нѣкоторой лихости произнесла княжна.

— А вонъ за то теперь Власовская въ парфетки попала,—шутили старшія, заставляя меня мучительно краснѣть.

Бѣлый съ двумя пышными кисточками за отличное поведеніе шнурокъ точно терновый вѣнецъ кололъ мою голову. Я-бы охотно сняла его, признавая княжну болѣе достойной носить этотъ знакъ отличія, но послѣдняя серьезно запретила мнѣ снимать шнурокъ и я волей-неволей должна была подчиниться.

Кира, Бѣльская и Краснушка нимало не смущались мыслью провести цѣлый день на глазахъ всѣхъ институтокъ безъ знака отличія: онѣ привыкли къ этому...

А время между тѣмъ быстро подвигалось впередъ. Наступила масленица съ прогулками пѣшкомъ, ежедневными на завтракъ четырьмя блинами, съ горьковатымъ топленымъ масломъ и жидкой сметаной. Старшихъ возили осматривать Зимній дворецъ и Эрмитажъ. Младшимъ предоставлено было сновать по залѣ и коридорамъ, читать поучительныя книжки, гдѣ добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается, или же играть „въ картинки“ и „перышки“.

Постъ. Говѣльщицы.

ПРОЩАЛЬНОЕ воскресенье было особеннымъ, изъ ряду вонъ выходящимъ днемъ институтской жизни.

Съ самаго утра дѣвочки встали въ какомъ-то торжественномъ настроеніи духа.

— Завтра начало поста и говѣнья, сегодня надо просить у всѣхъ прощенія,—говорили онѣ, одѣваясь и причесываясь безъ обычнаго шума.

Въ пріемѣ, тѣ, къ которымъ приходили родные, цѣловали какъ-то продолжительно и нѣжно сестеръ, матерей, отцовъ и братьевъ. Послѣ обѣда ходили просить прощенья къ старшимъ и сосѣдямъ-шестымъ, съ которыми вели непримиримую „войну Алой и Бѣлой розы“,

какъ смѣясь увѣряли насмѣшницы пятыя, принявшіяся уже за изученіе исторіи. Гостинцы, принесенные въ этотъ день въ пріемъ, раздѣлили на два разряда: на скоромные и постные, при чемъ скоромные запихивались за обѣ щеки, а постные откладывались на завтра.

— Какъ ты думаешь: тянушки постныя?—кричала наивная Надя Федорова черезъ весь классъ Бѣльской.

— Ну, конечно, глупая, скоромныя; вѣдь онѣ изъ сливокъ.

— Такъ это бѣлыя, а я про красныя спрашиваю...

— Да вѣдь онѣ тоже на сливкахъ.

— Неправда, изъ земляники.

— Фу, какая ты, душка, дура!—не утерпѣла Бѣльская.

— Медамочки, это она въ прощальное-то воскресенье такъ ругается!—ужаснулась Маня Иванова, подоспѣвшая къ спорившимъ, и прибавила нѣжнымъ голоскомъ, умильно поглядывая на тянушки:—дай попробовать, Надюша, и я мигомъ узнаю, скоромныя онѣ или постныя.

На другое утро мы были разбужены мѣрными ударами колокола изъ ближайшей церкви, гдѣ оканчивалась, по всѣмъ вѣроятіямъ, ранняя обѣдня.

Въ столовой пахло какимъ-то еле уловимымъ запахомъ.

— Это отъ трески,—нюхая вздернутымъ носикомъ, заявила опытная въ этомъ дѣлѣ Иванова.

Выходя изъ столовой, мы задержались у меню, по-

вѣшаннаго на стѣнкѣ у входной двери, и успѣли прочесть: „Винегретъ и чай съ сушками".

— Вотъ такъ ѣда!—разочарованно протянула Маня.—Кто хочетъ мою порцію винегрета за пучокъ сушекъ?

— Стыдись, ты говѣешь!—покачала головой серьезная Додо.

— Я мытарь, а не фарисей, который дѣлаетъ все на-показъ,—съязвила Иванова.

— Не ссорьтесь, mesdam'очки, — остановила ихъ Краснушка, пригладившая особенно старательно свои огненно-красные вихры.

Въ классѣ намъ роздали книжки божественнаго содержанія: тутъ было житіе св. великомученицы Варвары, преподобнаго Николая Чудотворца, Андрея Столпника и Алексѣя человѣка Божія, Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи. Мы затихли за чтеніемъ.

Когда Нина читала мнѣ ровнымъ и звонкимъ голоскомъ о томъ, какъ колесовали нѣжное тѣло Варвары, въ то время, какъ праведница распѣвала хвалебные псалмы своему Создателю, у меня невольно вырвалось:

— Боже мой, какъ страшно, Ниночка!

— Страшно?—недоумѣвая проговорила она, отрываясь на минуту отъ книги.—О, какъ я-бы хотѣла пострадать за Него!

Въ десять часовъ насъ повели въ церковь—слушать часы и обѣдню. Уроковъ не полагалось цѣлую недѣлю,

но никому и въ голову не приходило шалить или дурачиться,—всѣ мы были проникнуты сознаніемъ совершающагося въ насъ таинства. Послѣ завтрака Леночка Корсакъ пришла къ намъ съ тяжелой книгой Ветхаго и Новаго завѣта и читала намъ до самаго обѣда. Обѣдъ нашъ состоялъ въ этотъ день изъ жидкихъ щей со снятками, рыбьихъ котлетъ съ грибнымъ соусомъ и оладій съ патокой. За обѣдомъ сидѣли мы необычайно тихо, говорили вполголоса.

Всенощная произвела на меня глубокое впечатлѣніе: темныя траурныя ризы священнослужителей, тихо мерцающія свѣчи и протяжно-заунывное великопостное пѣніе—все это не могло не запечатлѣться въ чуткой, болѣзненно-воспріимчивой душѣ.

Наступила пятница—день исповѣди младшихъ. Съ утра насъ охватило волненіе, мы бѣгали другъ къ другу, прося прощенія въ невольно или умышленно нанесенныхъ обидахъ.

— Прости меня, Надя, я назвала тебя въ субботу „жадиной“ за то, что ты не уступила мнѣ крылышка тетерьки.

— Богъ проститъ,—отвѣчала умиленная Надя, и дѣвочки крѣпко цѣловались.

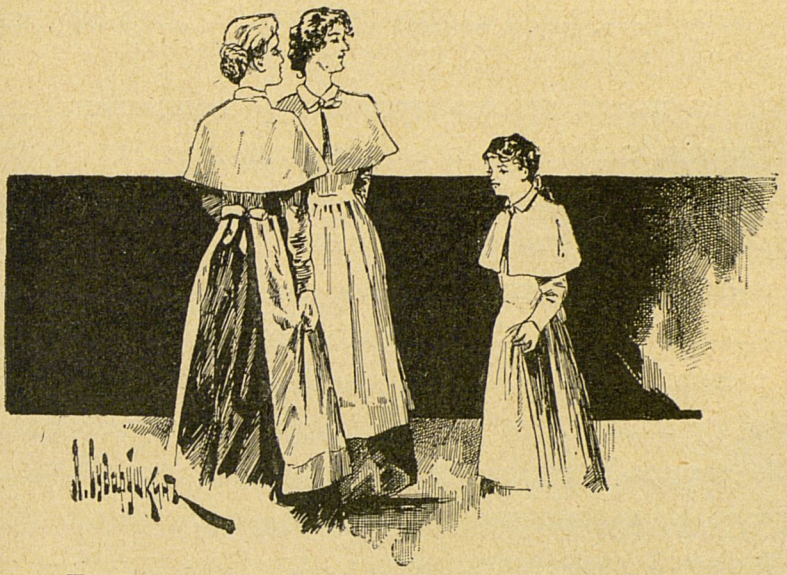
— Что мнѣ дѣлать, вѣдь я называла твою Ирочку бѣлобрысой шведкой?—чистосердечно, смущенная, покаялась я Нинѣ.

Та готова была вспыхнуть, какъ спичка, но, вспом-

нивъ о сегодняшнемъ днѣ, сдержалась и проговорила сдержанно:

— Надо извиниться.

Едва услышавъ мнѣніе Нины, я помчалась на старшую половину и, увидя гулявшую по коридору Трах-



— Простите меня, мадмуазель,—начала я дрожащимъ голосомъ...

тенбергъ въ обществѣ одной изъ старшихъ институтокъ, смѣло подошла къ ней со словами:

— Простите, мадмуазель, я бранила васъ за глаза...

— За что-же?—улыбнулась она,—я не сдѣлала тебѣ ничего дурного.

„Да, не сдѣлали, а развѣ не отнимали у меня Нину и развѣ не мучили ее своею холодностью...“ — готово было сорваться съ моего языка, но я во-время опомни-

лась и молча приложилась губами къ блѣдной щекѣ молодой дѣвушки.

— Впередъ не грѣши,—крикнула мнѣ вслѣдъ спутница Иры, но ея насмѣшка мало тронула меня.

Я была вся подъ впечатлѣніемъ совершеннаго мною хорошаго поступка и охотно простила-бы даже крупное зло.

Насъ повели просить прощенія у начальницы, инспектрисы, инспектора и не дежурной дамы.

Еленина прочла намъ подобающую проповѣдь, при чемъ всѣ наши маленькія шалости выставила чуть-ли не преступленіями, которыя мы должны были замаливать передъ Господомъ. Начальница на наше „Простите, Maman“, просто и кротко отвѣтила—„Богъ васъ проститъ, дѣти“.—Инспекторъ добродушно закивалъ головою, не давая намъ вымолвить слова. За то Пугачъ на наше тихое, еле слышное отъ сознанія полной нашей виновности передъ нею „простите“—возвела глаза къ небу со словами:

— Вы очень виноваты предо мною, mesdames, но если самъ Господь Іисусъ Христосъ проститъ васъ, могу-ли не сдѣлать этого я, несчастная грѣшница!

И опять глаза, полные слезъ, поднялись въ потолокъ.

— Экая комедіантка!—вырвалось у Бѣльской, когда мы, смущенныя непріятной сценой, вышли изъ ея комнаты.

— Бѣлка, какъ можешь ты такъ говорить, вѣдь ты говѣешь!—сказала, толкнувъ ее подъ руку, Краснушка.

— Mesdames, идите исповѣдываться,—звонко крикнула намъ попавшаяся по дорогѣ институтка.—Наши всѣ уже готовы.

Мы не безъ волненія переступили порогъ церкви.

Институтскій храмъ тонулъ въ полумракѣ. Немногія лампады слабо освѣщали строгіе лики иконостаса, рельефно выдѣляющіеся изъ-за золотыхъ его рамъ. На правомъ клиросѣ стояли ширмы, скрывавшія аналой съ крестомъ и Евангеліемъ и самого батюшку.

Насъ поставили по алфавиту шеренгами и тотчасъ-же три первыя дѣвочки отдѣлились отъ класса и опустились на колѣни передъ иконостасомъ.

Между ними была и Бѣльская. Прежде чѣмъ пойти на амвонъ, она, еще разъ оглянувшись на классъ, шепнула „простите“ какимъ-то новымъ присмирѣвшимъ голосомъ.

— Строго спрашиваетъ батюшка?—въ десятый разъ опрашивали мы Киру, исповѣдывавшуюся уже прошлый годъ.

— Справедливо, какъ надо,—отвѣчала она и погрузила взглядъ въ страницы молитвенника.

— Влассовская, Гардина и Джаваха,—шопотомъ позвала насъ Fräulein, и мы заняли освободившееся мѣсто на амвонѣ.

Я стояла какъ-разъ передъ образомъ Спасителя съ

правой стороны Царскихъ вратъ. На меня строго смотрѣли блѣдныя, изможденныя страданіемъ, но спокойныя, неземныя черты Божественнаго Страдальца. Терновый вѣнокъ вонзился въ эту кроткую голову и струйки крови бороздили прекрасное, блѣдное чело. Глаза Спасителя смотрѣли прямо въ душу и, казалось, видѣли насквозь все происходившее въ ней.

Меня охватилъ наплывъ невыразимаго, захватывающаго, восторженнаго молитвеннаго настроенія.

— Боже мой,—шептали мои губы,—помоги мнѣ! Помоги, Боже, сдѣлаться доброй, хорошей дѣвочкой, прилежно учиться, помогать мамѣ... не сердиться по пустякамъ!

И мнѣ казалось, что Спаситель слышитъ меня, и по этому свѣтлому лику, устремленному на меня, я чувствовала, что моя молитва угодна Богу.

— Господи!—уже въ неудержимомъ восторгѣ шептала я,—какъ хочется прощать, весь міръ прощать! Какъ жаль, что у меня нѣтъ враговъ, а то-бы я ихъ обняла, прижала къ сердцу и простила-бы, не задумываясь, отъ души.

— Люда! твоя очередь, — шепнулъ мнѣ знакомый голосъ.

Я мелькомъ взглянула на говорившую. Нина это или не Нина? Какое новое просвѣтленное лицо! Какая новая, невиданная мною духовная красота! Глаза не сверкаютъ, какъ бывало, а льютъ тихій, чуть мерцающій свѣтъ. Они глубоки и не дѣтски серьезны...

— Иди, Люда,—еще разъ повторила она, и опустилась на колѣни передъ образомъ Спасителя.

Я робко вступила на клиросъ. На стулѣ за ширмою сидѣлъ батюшка. Добрая улыбка не освѣщала въ этотъ разъ его привѣтливаго лица, которое въ данную минуту было сосредоточенно-серьезно, даже строго.

Я молча приблизилась къ аналою и, вставъ на колѣни, почувствовала на головѣ моей большую и мягкую руку моего духовника.

Началась исповѣдь. Онъ спрашивалъ меня по заповѣдямъ и я чистосердечно каялась въ моихъ грѣхахъ, сокрушаясь въ ихъ, какъ мнѣ тогда казалось, численности и важности.

— „Боже Великій и Милосердный! прости меня, прости маленькую грѣшную дѣвочку“,—выстукивало мое сердце и по лицу текли теплыя, чистыя дѣтскія слезы, мочившія мою пелеринку и руки священника.

— Все?—спросилъ меня отецъ Филимонъ, когда я смолкла на минуту, чтобы припомнить еще какіе-нибудь проступки, казавшіеся мнѣ такими важными грѣхами.

— Кажется, все!—робко произнесла я.

— Прощаются и отпускаются грѣхи отроковицы Людмилы, — прозвучалъ надо мною тихій голосъ священника и голову мою покрыла епитрахиль, сверхъ которой я почувствовала сдѣланный батюшкою крестъ на моемъ темени.

Взволнованная и потрясенная, я вышла изъ-за ширмочекъ и преклонила колѣна передъ образомъ Спаса.

И вдругъ мой мозгъ прорѣзала острая, какъ ножъ, мысль: я забыла одинъ грѣхъ! Да, положительно забыла. И быстро вставъ съ колѣнъ, я подошла къ прежнему мѣсту на амвонѣ и попросила стоявшихъ тамъ дѣвочекъ пустить меня еще разъ, не въ очередь, за ширмы. Онѣ дали свое согласіе и я болѣе твердо и спокойно, нежели въ первый разъ, вошла туда.

— Батюшка, — дрожащимъ шопотомъ сказала я отцу Филимону, поднявшему на меня недоумѣвающій взглядъ,—я забыла одинъ грѣхъ.

Отецъ Филимонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и тихо сказалъ:

— Говори.

— Я бросала за обѣдомъ хлѣбными шариками въ моихъ подругъ... пренебрегала даромъ Божіимъ... я грѣшна, батюшка, — торопливо произнесла я.

Что-то неуловимое скользнуло по лицу священника. Онъ наклонился ко мнѣ и погладилъ рукою мою пылающую голову. И опять далъ мнѣ отпущеніе грѣховъ, покрывъ меня во второй разъ епитрахилью.

Когда мы вышли торжественно и тихо изъ церкви, намъ попались навстрѣчу старшія, спускавшіяся пить чай въ столовую.

— Седьмушки святыя! Mesdames! святыя идутъ! — сказала одна изъ нихъ.

— Все?—спросилъ отецъ Филимонъ, когда я кончила...

Но никто не отвѣтилъ ни слова на неумѣстную шутку. Она оскорбила каждую изъ насъ, какъ грубое прикосновеніе чего-то нечистаго. Мы прошли прямо въ дортуаръ, отказавшись отъ вечерняго чая, чтобы ничего не брать въ ротъ до завтрашняго причастія.

Пріобщались мы на другой день въ парадныхъ батистовыхъ передникахъ и новыхъ камлотовыхъ платьяхъ.

Было прелестное солнечное утро. Золотые лучи играли на драгоцѣнныхъ ризахъ и на ликахъ святыхъ, смягчая ихъ суровыя подвижническія черты...

Та-же тишина, какъ и передъ исповѣдью, то-же торжественное настроеніе...

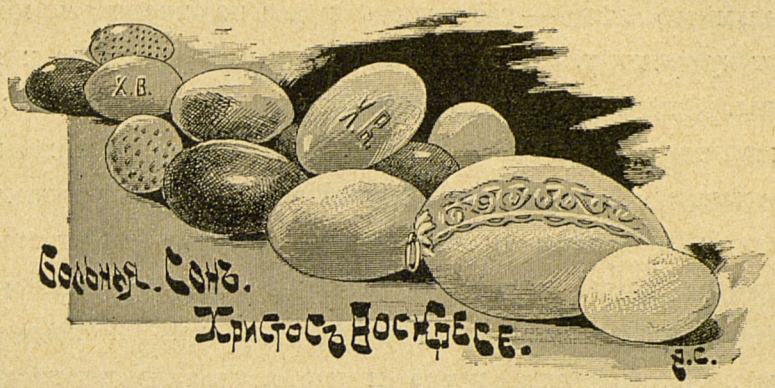
„А вдругъ, оттолкнетъ передъ Св. чашей?—думала каждая изъ насъ.—Или ротъ закроется и не дастъ возможности проговорить своего имени духовнику?“

Въ нашей памяти живо было преданіе, передаваемое однимъ поколѣніемъ институтокъ другому, о двухъ сестрахъ Нѣминыхъ, находившихся въ постоянной враждѣ между собою и не пожелавшихъ помириться даже передъ причастіемъ — за что одну сверхъестественной силой оттолкнуло отъ Святой чаши, а другая не могла разжать конвульсивно сжавшагося рта. Такъ обѣ злыя дѣвочки и не были допущены къ причастію.

И каждая изъ насъ, трепеща и замирая, сложивъ крестообразно на груди руки, подходила къ чашѣ, невольно вспоминая случай съ Нѣмиными.

Но ничего подобнаго въ этотъ разъ не произошло...

Послѣ причастія насъ поздравляло начальство и старшія. Всѣ были какъ-то особенно близки и дороги намъ въ этотъ день... Хотѣлось радостно плакать и молиться... А природа для большей торжественности слала на землю теплые лучи — предвѣстниковъ недалекой весны...



НИНА сказала правду, что второе полугодіе пронесется быстро, какъ сонъ... Недѣли незамѣтно мелькали одна за другою... Въ институтскомъ воздухѣ, кромѣ запаха подсолнечнаго масла и сушеныхъ грибовъ, прибавилось еще еле уловимое дуновеніе начала ранней весны. Форточки въ дортуарахъ держались дольше открытыми, а во время уроковъ чаще и чаще спускались шторы въ защиту отъ посѣщенія солнышка. Снѣгъ таялъ и принималъ сѣрожелтый цвѣтъ. Мы цѣлые дни проводили у оконъ, еще наглухо закрытыхъ двойными рамами.

На черныхъ косахъ княжны красовался опять бѣлый шнурокъ за отличное поведеніе, а имя ея снова было занесено на красную доску. У меня на душѣ

было легко и радостно. Близость весны, а за нею желаннаго лѣта — заставляла радостно трепетать мою дѣтскую душу. Одно меня безпокоило: здоровье княжны. Она стала еще прозрачнѣе и вся точно сквозила черезъ нѣжную, блѣдную, съ еле уловимымъ желтоватымъ отливомъ кожу. Глаза ея стали яркими-яркими и горѣли нестерпимымъ блескомъ. Иногда на щекахъ Нины вспыхивали два буро-красныя пятна румянца, пропадавшія такъ же быстро, какъ и появлялись. Она кашляла глухо и часто, хватаясь за грудь. Начальство особенно нѣжно и ласково относилось къ ней. Два или три раза Maman присылала за нею звать кататься въ своей каретѣ. Институтки, особенно чуткія къ несчастью подругъ, старались всѣми силами оказать своей любимицѣ всевозможные знаки любви и дружбы.

Частая раздражительность Нины, ея капризы, которые стали проявляться вслѣдствіе ея болѣзни, охотно прощались бѣдной дѣвочкѣ... Даже Ирочка—надменная, своенравная шведка — и та всѣми силами старалась оказать особенное вниманіе Нинѣ. По воскресеньямъ, на тируарѣ княжны появлялись вкусныя лакомства или фрукты, къ которымъ она едва прикасалась и тотчасъ раздавала подругамъ, жаднымъ до всякаго рода лакомствъ.

И вотъ однажды случилось то, чего никто не ожидалъ, хотя втайнѣ каждой изъ насъ невольно приходило въ голову: княжна окончательно заболѣла и слегла.

Мнѣ ясно припоминается субботній ясный полдень

вербной недѣли. У насъ былъ послѣдній до Пасхи урокъ—географіи. Географію преподавалъ старикъ-учитель, сѣдой и добродушный на видъ, говорившій маленькимъ „ты“ и называвшій насъ „внучками“, что не мѣшало ему, впрочемъ, быть крайне взыскательнымъ, а намъ бояться его какъ огня. Урокъ уже приходилъ къ концу, когда Алексѣй Ивановичъ (такъ звали учителя) вызвалъ Нину.

— А ну-ка, внучка, позабавь! — добродушно произнесъ онъ.

Какъ сейчасъ помню карту, всю испещренную рѣками, горами и точками городовъ, помню особенно блѣдную княжну, вооруженную черной линейкой, которою она водила по картѣ, указывая границы:

— Беринговъ проливъ, Берингово море, Охотское море...—звучалъ слабо и глухо ея милый голосокъ.

Вдругъ страшный припадокъ удушливаго кашля заставилъ смолкнуть бѣдняжку. Она схватилась за грудь и поднесла платокъ къ губамъ. На бѣломъ полотнѣ рѣзко выдѣлились двѣ кровавыя кляксы.

— Мнѣ худо! — еле слышно прошептала Нина и упала на руки подоспѣвшей фрейлейнъ.

Все помутилось у меня въ глазахъ—доски, каѳедра, карта и самъ Алексѣй Ивановичъ—все завертѣлось, закружилось передо мною. Я видѣла только одну полубезчувственную княжну на рукахъ фрейлейнъ. Спустя нѣсколько минутъ ее унесли въ лазаретъ... Разомъ

свѣтлое настроеніе куда-то исчезло, — и на мѣсто его тяжелый мракъ воцарился у меня на душѣ... Я инстинктомъ чувствовала, что Нина больна и опаснѣе, чѣмъ мы предполагали.

Весь день я не находила себѣ мѣста. Меня не развлекали присланные намъ старшими, ѣздившими на вербы, гостинцы: халва, рахатъ-лукумъ и въ придачу къ нимъ баночки съ прыгающими американскими жителями, занявшими на цѣлый вечеръ моихъ товарокъ.

Въ 6 часовъ лазаретная дѣвушка Маша принесла мнѣ записку, исписанную знакомыми и милыми крупными каракулями. „*Приди ко мнѣ, дорогая Люда,*— писала мнѣ моя вѣрная подруга,—*я очень скучаю. Попросись у фрейлейнъ на весь вечеръ, — вѣдь уроки кончились и ты свободна.*

„*Твоя навѣки Нина*“.

Я поспѣшила исполнить ея просьбу.

Княжна помѣщалась въ маленькой комнаткѣ, предназначавшейся для трудно-больныхъ. Она сидѣла въ большомъ креслѣ у окна. Я едва узнала ее въ бѣломъ лазаретномъ халатѣ съ безпорядочно спутанной косой.

Когда я вошла къ ней, она тихо повернула ко мнѣ блѣдное, измученное личико и проговорила, слабо улыбаясь:

— Ты прости, Люда, что я тебя потревожила... Мнѣ такъ хотѣлось тебя видѣть, дорогая моя!

Я проглотила подступившія слезы и поцѣловала ее.

— Ахъ, скорѣе-бы тепло, — тоскливо шептала княжна, — мнѣ такъ не хочется хворать... весна меня вылѣчитъ... навѣрное вылѣчитъ... Скорѣе-бы на Кавказъ...

— Ахъ, скорѣе-бы тепло! скорѣе-бы на Кавказъ!—тоскливо шептала княжна...

тамъ тепло... солнце... горы... Знаешь, Люда, мнѣ иногда начинаетъ казаться, что я не увижу больше Кавказа.

— Что ты, что ты, Нина! можно-ли такъ! — пробовала я успокоить мою бѣдную подругу.

Мы проболтали съ нею цѣлый вечеръ, промелькнувшій быстро и незамѣтно...

Въ 8 часовъ я вспомнила, что наши навѣрное уже

на молитвѣ, и, поцѣловавъ наскоро Нину, опрометью бросилась изъ лазарета.

Наступила страстная недѣля... Наши начали понемногу разъѣзжаться. Живущія внѣ города и въ провинціи распускались раньше, городскія жительницы оставались до четверга въ стѣнахъ института. Наконецъ, и эти послѣднія съ веселымъ щебетаньемъ выпорхнули изъ скучныхъ институтскихъ стѣнъ. И на Пасху, какъ и на Рождество, остались тѣ-же самыя дѣвочки, кромѣ Киры, ловко избѣжавшей на этотъ разъ наказанія. Та-же задумчивая Варя Чикунина, хорошенькая Леръ и на этотъ разъ оставшаяся на праздники Бѣльская — составляли наше маленькое общество. А въ нижнемъ этажѣ въ лазаретѣ, въ маленькой комнаткѣ для трудно-больныхъ встрѣчала одиноко Свѣтлый праздникъ моя бѣдная голубка Нина.

Мамина пасхальная посылка опоздала на этотъ разъ и я получила ее только въ великую субботу. Поверхъ куличей, мазурокъ, пляцокъ и бабъ аршиннаго роста, на которыя такъ искусна была наша проворная Катря, я съ радостью замѣтила букетикъ полузавядшихъ въ дорогѣ ландышей—первыхъ цвѣтовъ милой стороны. Я позабыла куличи, пасхи и окорокъ чудесной домашней свинины, заботливо упакованные мамой въ большую корзину, и цѣловала эти чудные цвѣточки—вѣстники южной весны... Еле дождалась я звонка, чтобы бѣжать къ Нинѣ...

— Угадай-ка, что я принесла тебѣ!—радостно кри-

чала я еще въ дверяхъ, пряча за спиной завѣтный букетикъ.

Нина, сидѣвшая за книгой, подняла на меня свои черные, казавшіеся огромными отъ чрезвычайной худобы, глаза.

— Вотъ тебѣ, Нина, мой подарокъ!—и бѣлый букетикъ упалъ къ ней на колѣни.

Она быстро схватила его и, прижавъ къ губамъ, жадно вдыхала тонкій ароматъ цвѣтовъ, вся закраснѣвшись отъ счастья.

— Ландыши! Вѣдь это весна! сама весна, Люда! — скоро-скоро говорила она, задыхаясь.

Я давно уже не видѣла ее такой возбужденной и хорошенькой... Она позвала Матеньку, заставила ее принести воды и поставила цвѣты въ стаканъ, не переставая любоваться ими.

Я разсказала ей, что эти цвѣты прислала мнѣ добрая мама въ „придачу“ къ пасхальной посылкѣ.

— Когда ты будешь писать мамѣ, то поцѣлуй ее отъ меня и скажи, что я ее очень-очень люблю! — сказала Нина, выслушавъ меня.

Мы молча крѣпко поцѣловались.

Какая-то новая, трогательно-безпомощная сидѣла теперь передо мною Нина, но мнѣ она казалась вдесятеро лучше и милѣе нѣсколько гордой и предпріимчивой дѣвочки, любимицы класса...

До заутрени насъ повели въ дортуаръ, гдѣ мы тот-

часъ-же принялись за устройство пасхальнаго стола. Сдвинувъ, съ позволенія классной дамы, нѣсколько ночныхъ столиковъ, мы накрыли ихъ совершенно чистой простыней и уставили присланными мнѣ мамой яствами. Затѣмъ улеглись спать, чтобы бодро встрѣтить наступающій Свѣтлый праздникъ.

Странный сонъ мнѣ приснился въ эту ночь. Этотъ сонъ остался въ памяти моей на всю мою жизнь. Я видѣла поле, все засѣянное цвѣтами, издающими чудный, тонкій ароматъ, напоминающій запахъ кадильницы. Когда я подходила къ какому-нибудь цвѣтку, то съ изумленіемъ замѣчала маленькое крылатое существо, качающееся въ самой чашечкѣ. Присмотрѣвшись къ каждому изъ существъ, я увидѣла, что это наши седьмушки, только чрезвычайно маленькія и какъ-бы похорошѣвшія. Вотъ Бѣльская, Федорова, Гардина, Краснушка, Кира — однимъ словомъ всѣ, всѣ величиною съ самыхъ маленькихъ французскихъ куколокъ. И сама я такая же маленькая и прозрачная, какъ и онѣ, а сзади меня такія же легенькія блестящія крылышки.

— Люда! — слышится мнѣ слабый, точно шелестъ листьевъ отъ ласки вѣтра, голосокъ, — Люда, подожди меня!

Маленькій крылатый эльфъ догоняетъ меня, протягивая руки. Это Нина, ея глаза, ея лицо, ея косы.

Въ ту-же минуту остальные эльфы окружаютъ насъ и мы вертимся въ большомъ хороводѣ... Мы всѣ легки

и прозрачны, всѣ безъ труда поднимаемся на воздухъ, но никакъ не можемъ поспѣть за хорошенькимъ, граціознымъ эльфомъ, болѣе прозрачнымъ, нежели мы, съ головкой и чертами Нины. Она поднимается выше и выше въ воздушной пляскѣ. Скоро мы едва можемъ достать до нея руками и, наконецъ, она поднялась надъ нами такъ высоко, вся сіяя какимъ-то, точно солнечнымъ сіяніемъ и вскорѣ мы увидѣли ее тонувшей въ голубой эмали неба.

— Нина, Нина! — звали маленькіе эльфы, не переставая кружиться.

Но было уже поздно... Налетѣло облако и скрыло отъ насъ нашего крылатаго друга...

Я проснулась отъ мѣрныхъ ударовъ колоколовъ сосѣднихъ съ институтомъ церквей.

– Скорѣе, скорѣе! — кричали торопя мои подруги, наскоро освѣжая лицо водою и надѣвая все чистое.

Я почему-то умолчала о видѣнномъ мною снѣ и вмѣстѣ съ остальными дѣвочками поспѣшила въ церковь...

Всѣ уже были въ сборѣ, когда мы, младшія, заняли свои мѣста. Свѣтлое облаченіе, крестный ходъ по всѣмъ этажамъ института, наряды постороннихъ посѣтителей, ленты и звѣзды увѣшанныхъ орденами попечителей— все это произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе. Когда-же священникъ, подошедши къ плотно закрытымъ царскимъ вратамъ, возгласилъ впервые: „Христосъ

Воскресе!“ — сердце мое екнуло и затрепетало такъ сильно, точно желая выпрыгнуть изъ груди...

— Христосъ Воскресе!—обратился отецъ Филимонъ трижды къ молящимся и получилъ въ отвѣтъ троекратное-же: „Воистину Воскресе!“

Тотчасъ-же послѣ заутрени насъ увели разговляться, между тѣмъ какъ старшія должны были достоять пасхальную обѣдню.

Въ столовой мы почти не притронулись къ кисловатой институтской пасхѣ и невкусному куличу. Наверху, въ дортуарѣ, насъ ждало наше собственное угощеніе. „Христосъ Воскресе!“ — „Воистину Воскресе!“ — обмѣнивались мы пасхальнымъ привѣтствіемъ...

Леръ приготовила намъ всѣмъ четверымъ по шоколадному яичку, чуть не на-смерть разозливъ Пугача (у котораго хранились ея деньги) безумнымъ транжирствомъ. Варя подарила всѣмъ по яичку изъ глицериноваго мыла, а Бѣльская раздѣлила между нами четырьмя скопленныя ею за цѣлую зиму картинки — ея единственное достояніе.

— А я-то ничего не приготовила! — смутилась я

— Твое будетъ угощеніе! — поспѣшили утѣшить меня подруги и принялись за розговѣнье.

— Знаете, mesdam'очки, — предложила Леръ, — не позвать-ли намъ фрейлейнъ.

— Ну вотъ, она стѣснитъ только, — рѣшила Бѣльская.

— Ахъ, нѣтъ, душки, позовите,—вмѣшалась кроткая Варя, — каково ей одной, бѣдняжкѣ, разговляться въ своей комнатѣ.

Мы какъ по командѣ вскочили и бросились въ комнату фрейлейнъ.

Она, дѣйствительно, грустная, одинокая, готовилась встрѣчать Свѣтлый праздникъ и наше предложеніе было какъ-нельзя болѣе кстати.

Она охотно раздѣлила наше скромное пиршество, шутя и болтая, какъ равная намъ.

Мнѣ взгрустнулось при воспоминаніи о Нинѣ, не спавшей, можетъ быть, въ эту пасхальную ночь.

— Фрейлейнъ, — робко обратилась я къ нѣмкѣ,— могу я сейчасъ сбѣгать въ лазаретъ къ Джавахѣ? Вѣдь она совсѣмъ одна!

— А если она спитъ?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, Нина не будетъ спать въ эту ночь, — убѣжденно проговорила я. — Она ждетъ меня, навѣрное, ждетъ.

— Ну, тогда Богъ съ тобою, иди, моя дѣвочка, только тихонько, не шуми и, если княжна спитъ, не буди ее. Слышишь?

Я не ошиблась. Княжна лежала съ широко открытыми глазами, и, когда я вошла къ ней, она нимало не удивилась, сказавъ:

— Я знала, что ты придешь.

Къ моему великому огорченію, она не пожелала по-

пробовать ничего изъ принесенной мною отъ нашего розговѣнья Катриной стряпни, и только радостно смотрѣла на меня своими мерцающими глазами.

Я разсказала Нинѣ о моемъ снѣ.

Ее охватило какое-то странное лихорадочное оживленіе.

— Ты говоришь: я полетѣла отъ васъ, да? Знаешь-ли, что это значитъ, Люда?

— Что, милая?

— Да то, что Maman навѣрное отпуститъ меня до экзаменовъ и я увижу Кавказъ скоро-скоро. Я поднимусь высоко въ наши чудныя кавказскія горы и оттуда, Люда, пошлю тебѣ мой мысленный горячій поцѣлуй!

Какъ она хорошо говорила! Въ ея нѣсколько образной, всегда одушевленной рѣчи сквозила недюжинная, не по лѣтамъ развитая натура. Я слушала Нину, вдохновившуюся мыслями о далекой родинѣ, и въ моемъ воображеніи рисовались картины невиданной, увлекательной страны...

Мы проболтали часовъ до пяти. И только возвращеніе отъ обѣдни лазаретнаго начальства заставило меня уйти отъ нея и вернуться въ дортуаръ, гдѣ я быстро уснула здоровымъ дѣтскимъ сномъ.

Праздникъ Пасхи прошелъ скучнѣе Рождества. Многія изъ насъ, въ виду близкихъ экзаменовъ, взялись за книги. Одна Бѣльская, „неунывающая россіянка“,

какъ ее прозвалъ въ шутку Алексѣй Ивановичъ, и не думала заниматься.

— Бѣльская! — окликивала ее, погрузившуюся въ какую-нибудь фантастическую правду-сказку, всегда бди-

Мы проболтали часовъ до пяти...

тельно-слѣдившая за всѣми нами фрейлейнъ,—ты останешься въ классѣ на второй годъ, если не будешь учиться: у тебя двойка изъ географіи.

— Ахъ, фрейлейнъ-дуся, — восторженно восклицала Бѣльская,—какъ они дерутся!

— Кто дерется?—въ ужасѣ спрашивала фрейлейнъ, прислушиваясь къ шуму въ коридорѣ.

— Да дикіе!—захлебывалась наша Бѣлка, показывая на картинку въ своей книгѣ.

— Ахъ, dummes Kind! (глупое дитя), вѣчныя шалости!—и фрейлейнъ укоризненно качала головою.

Нѣсколько разъ водили насъ гулять, показывали Зимній дворецъ и Эрмитажъ. Мы ходили, какъ маленькія дикарки, по роскошнымъ громаднымъ заламъ дворца, поминутно испуская возгласы удивленія и восторга. Особенно неизгладимое впечатлѣніе произвела на меня большая, въ человѣческій ростъ, фигура Петра I въ одной изъ обширныхъ залъ Эрмитажа. Изъ оконъ открывался чудный видъ на Неву, еще не освободившуюся отъ ледяной брони, но уже яростно боровшуюся за свою свободу.

Въ воскресенье вернулись съ пасхальныхъ каникулъ наши подруги. Кое-кто привезъ намъ яйца и домашнія яства. Всюду раздавались громкія привѣтствія, поцѣлуи, сопровождавшіеся возгласомъ: „Христосъ Воскресъ!“...

А на классной доскѣ нашъ добродушный толстякъ-инспекторъ писалъ уже страшное для насъ расписаніе экзаменовъ...

Экзамены. Чудо.

САДЪ еще не одѣлся, но почки липъ уже распустились и издавали свой пряный ароматъ. Весело чирикали птицы въ задней аллеѣ. Зеленѣла нѣжная бархатистая травка...

И въ нашей внѣшности тоже произошла перемѣна: безобразные желтые клеки и капоры смѣнились довольно сносными осенними темнозелеными пальто и бѣлыми полотняными косыночками.

Мы готовились къ экзамену Закона Божія. Цѣлые дни, теперь свободныя отъ уроковъ, мы проводили съ

книгами и программами въ саду, сидя въ самыхъ укромныхъ уголкахъ его, или лихорадочно быстро шагали по аллеямъ, твердя въ то-же время исторію многострадальнаго Іова или какой-нибудь канонъ празднику. Столкнутся двѣ дѣвочки или двѣ группы и сейчасъ-же зазвучатъ вопросы: „Который билетъ учите?“—„А вы?“—„Ты Ветхій прошла?“ — „А ты?“ — „Начала молитвы!“ Болѣе сильныя ученицы взяли на свое попеченіе слабыхъ и, окруженныя цѣлыми группами, внятно и толково разсказывали священную исторію или поясняли молитвы.

На мою долю выпало заниматься съ Реннъ. Но послѣ первыхъ-же опытовъ я признала себя безсильной просвѣтить ея глубоко заплѣснѣвшій умъ. Я прочла и пояснила ей нѣкоторыя исторіи и, велѣвъ ихъ выучить поскорѣе, сама углубилась въ книгу. Мы сидѣли на скамейкѣ подъ кустомъ уже распустившейся бузины. Вокругъ насъ весело чирикали пташки. Воздухъ потянулъ вѣтеркомъ, теплымъ и освѣжающимъ. Я огляну-лась на Реннъ. Губы ея что-то шептали. Глаза безъ признака мысли были устремлены въ пространство

— Реннъ, — окликнула я ее, — Реннъ, учись!

Она неторопливо повернула голову и перевела на меня тѣ-же безсмысленные глаза.

— А что?

— Какъ что? — возмутилась я и даже вся покраснѣла—вѣдь, ты провалишься на экзаменѣ.

Мы сидѣли на скамейкѣ...

— Провалюсь,—пѣвуче и равнодушно согласилась она.

— Останешься въ классѣ,—продолжала я.

— Останусь,—спокойно отвѣтила она.

Я начинала серьезно раздражаться и крикнула ей съ сердцемъ:

— И тебя исключатъ!

— Исключатъ,—какъ эхо отозвалась Реннъ.

— Да что-жъ тутъ хорошаго?

— Не стоитъ учиться,—брякнула она и такъ-же равнодушно отвернула отъ меня голову.

— Что-жъ ты будешь дѣлать недоучкой-то?—освѣдомилась я, переставъ даже сердиться отъ неожиданности.

— Дома жить буду, огородъ разведу въ имѣньѣ, цвѣты; булки буду печь, варенье варить,—я очень хорошо все это умѣю,—а потомъ...

— А потомъ?—перебила я.

— Замужъ выйду!—закончила она простодушно и стала слѣдить за какой-то ползущей въ травѣ золотистой букашкой.

Я засмѣялась. Разсужденія 14-тилѣтней дѣвочки, „бабушки класса“, какъ мы ее называли (она была старше насъ всѣхъ), несказанно разсмѣшили меня. Однако, оставить ее на произволъ судьбы я не рѣшилась, и съ грѣхомъ пополамъ мы прошли съ Реннъ исторію Новаго, Ветхаго Завѣта и необходимыя молитвы. А время не шло, а бѣжало...

Наступилъ день перваго и потому особенно страшнаго для насъ экзамена. Хотя батюшка былъ очень добръ и снисходителенъ, но, кромѣ него, присутствовали и другіе ассистенты-экзаменаторы, въ томъ числѣ чужой священникъ, съ академическимъ знакомъ и поразительно розовымъ лицомъ, пугавшій насъ своимъ строгимъ, нѣсколько насмѣшливымъ видомъ.

— Всѣ билеты успѣла пройти? — спросила меня Даша Муравьева, взглядывая на меня усталыми отъ долбежки глазами.

— Всѣ... Меня вотъ только Реннъ безпокоитъ. Вѣдь она провалится...

— Конечно провалится! — убѣжденно подтвердила Додо.

Въ 9 часовъ утра въ классъ вошли начальство и экзаменаторы-ассистенты. Послѣ прочитанной молитвы „предъ ученьемъ“ всѣ размѣстились за длиннымъ зеленымъ столомъ и отецъ Филимонъ, смѣшавъ билеты, началъ вызывать воспитанницъ. Онъ былъ въ новой темносиней рясѣ и улыбался ласково и ободряюще. „Сильныя“ вызывались въ концѣ, „слабыхъ“ же экзаменовали раньше.

— Марія Запольская, Клавдія Реннъ, Раиса Бѣльская, — немного пѣвучими носовыми звуками произнесъ о. Филимонъ.

Всѣ вызванныя дѣвочки считались самыми плохими ученицами.

— Выучила все? — шепотомъ спросила я проходившую мимо меня Краснушку. Въ отвѣтъ она только лихо тряхнула красной маковкой.

Экзаменаторы, въ виду крайней тупости Реннъ, предлагали ей самые легкіе и доступные вопросы, на которые она едва-едва отвѣчала. Я мучительно волновалась за свою невозможную ученицу.

Maman, видѣвшая на своемъ вѣку не одинъ десятокъ поколѣній институтокъ, не утерпѣла; съ едва замѣтной улыбкой презрѣнія она замѣтила, что такой лѣнтяйки, какъ Реннъ, ей не встрѣчалось до сихъ поръ. Батюшка, добрый и сердечный, никогда ни на что не сердившійся, неодобрительно покачалъ головою, когда Реннъ объявила экзаменующимъ, что Ной былъ сынъ Моисея и провелъ три дня и три ночи во чревѣ кита. Отецъ Дмитрій, чужой священникъ съ академическимъ знакомъ, насмѣшливо усмѣхался себѣ въ бороду.

— Довольно, пощадите насъ! — вырвалось у Maman раздраженное восклицаніе, и она отпустила Реннъ на мѣсто.

Послѣдняя безъ всякаго смущенія сѣла на свою лавку. Ничѣмъ ненарушимое спокойствіе сіяло на ея довольномъ, сытомъ и тупомъ лицѣ.

Реннъ провалилась, въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

Меня охватило какое-то глухое раздраженіе, почти ненависть противъ этой маленькой лѣнтяйки.

Между тѣмъ, вызывали все новыхъ и новыхъ дѣво-

чекъ, отвѣчавшихъ очень порядочно. Законъ Божій старались учить на лучшій баллъ — 12. Тутъ имѣла значеніе не одна дѣтская религіозность; ужь очень мы любили нашего добраго батюшку.

— Людмила Власовская, — чуть-ли не послѣднюю вызвалъ меня, наконецъ, о. Филимонъ

Я была слишкомъ увѣрена въ себѣ, чтобы бояться... но невольно дыханіе мое сперло въ груди, когда я потянула къ себѣ бѣленькій билетикъ... На билетикѣ стоялъ № 12-ый: „Бѣгство Іудеевъ изъ Египта“. Эту исторію я знала отлично и, ощутивъ въ душѣ сладостное удовлетвореніе, я, не спѣша, ровно и звонко разсказала все, что знала. Лицо Maman ласково улыбалось; о. Филимонъ привѣтливо кивалъ мнѣ головою, даже инспекторъ и о. Дмитрій, скептически относившійся къ экзаменамъ седьмушекъ, не безъ удовольствія слушали меня...

Я кончила.

Мнѣ предложено было прочесть тропарь празднику Крещенія и перевести его со славянскаго языка, что я исполнила безъ запинки съ тою-же увѣренностью и положительностью, которыя невольно пріобрѣтаются съ познаніями.

— Отлично, дѣвочка, — прозвучалъ ласковый голосъ княгини.

– Хорошо, очень хорошо! — подтвердилъ инспекторъ.

„Нашъ“ батюшка только улыбнулся мнѣ, а „чужой“ часто и одобрительно закивалъ головою.

Экзаменъ кончился.

Мы гурьбою высыпали изъ класса и въ ожиданіи чтенія отмѣтокъ ходили по коридору. А въ классѣ въ это время обсуждались наши отвѣты и ставились баллы. Мнѣ было поставлено 12 съ плюсомъ.

— Если-бъ принято было со звѣздою ставить, я-бы звѣзду поставилъ,— пошутилъ инспекторъ.

Злосчастная Реннъ получила 6—неслыханно-плохую отмѣтку по Закону Божію!...

Одинъ экзаменъ сбыли. Оставалось еще цѣлыхъ пять и въ томъ числѣ географія, которая ужасно смущала меня. Географія мнѣ не давалась почему-то; безчисленныя наименованія незнакомыхъ рѣкъ, морей и горъ не укладывались въ моей головѣ. Къ географіи, къ тому-же, меня не подготовили дома, между тѣмъ какъ всѣ остальные предметы я прошла съ мамой. Экзаменъ географіи былъ назначенъ по расписанію четвертымъ, и я старалась не волноваться. А пока я усердно занялась слѣдующимъ по порядку русскимъ языкомъ.

Отъ Реннъ, несмотря на всѣ мои человѣколюбивые помыслы, я открещивалась обѣими руками. „Только отниметъ она отъ меня даромъ время, а толку не будетъ“,—успокаивала я, какъ могла, мою возмутившуюся было совѣсть. И, дѣйствительно, Реннъ отложила всякое попеченіе объ экзаменахъ, почти совсѣмъ перестала го-

товиться и погрузилась въ рисованіе какихъ-то домиковъ и звѣрей, въ чемъ, надо ей отдать справедливость, она была большая искусница.

„Русскій“ экзаменъ сошелъ точно такъ-же, какъ и Законъ Божій.

Готовились добросовѣстно. „Стыдно проваливаться на родимомъ языкѣ“, — говорили дѣвочки и, какъ говорится, „поддали жару“.

За то слѣдующій за нимъ французскій экзаменъ былъ полонъ ужасовъ для несчастнаго monsieur Ротье, которому приходилось краснѣть за многихъ своихъ ученицъ. Ужь не говоря о Реннъ, которая на тарабарскомъ нарѣчіи несла всевозможную чушь передъ зеленымъ столомъ, провалились еще 3 или 4 дѣвочки, въ томъ числѣ Бѣльская и Краснушка, недурно учившаяся по этому предмету. Послѣдняя горько плакала о своей неудачѣ послѣ экзамена и чуть не отклонила предложенной ей переэкзаменовки. Однако, мы не допускали мысли лишиться этой веселой, умной и доброй товарки, успѣвшей завоевать симпатію класса, и заставили ее просить о переэкзаменовкѣ.

Провалилась и Иванова, но на нее мы не обратили вниманія; Иванову не любили за ея подлизываніе передъ Крошкой и неимовѣрную жадность.

Бѣльская, много исправившаяся за послѣднее время, мало горевала о своемъ провалѣ.

— Не повезло на французскомъ экзаменѣ, такъ на

другомъ повезетъ,—улыбалась она сквозь гримасу досады.

А садъ, между тѣмъ, одѣлся въ свой зеленый нарядъ. Лужайки запестрѣли цвѣтами. Пестрыя бабочки кружились въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. Уже балконъ начальницы, выходящій на главную площадку, обили суровымъ холстомъ съ красными разводами, — приготовляясь къ лѣту.

На лазаретную веранду выпускались больныя и въ томъ числѣ моя Нина, ставшая еще блѣднѣе и прозрачнѣе за послѣднее время. Она сидѣла на балконѣ, маленькая и хрупкая, вся ушедшая въ кресло, съ пледомъ на ногахъ. Мы подолгу стояли у веранды, разговаривая съ нею. Ее освободили отъ экзаменовъ, и она ожидала того времени, когда улучшеніе ея здоровья дастъ возможность телеграфировать отцу — пріѣзжать за нею.

— Ну, что? какъ экзамены?—было первымъ ея вопросомъ, когда я прибѣгала къ ней въ лазаретъ, урвавъ двѣ-три свободныя минутки.

Она интересовалась ходомъ институтской жизни, и я разсказывала ей всѣ малѣйшія происшествія, печально убѣждаясь, какъ быстро мѣнялось все къ худшему и худшему это милое, болѣзненно-прелестное личико.

И голосокъ ея измѣнился — гортанный, серебристый голосокъ...

Наступилъ, наконецъ, и день экзамена географіи.

Передо мною лежалъ длинный листъ, на которомъ были записаны всѣ 30 вопросовъ, занесенныхъ, по обыкновенію на экзаменаціонные билетики, но въ данные намъ три дня для подготовки я почти ничего не успѣла сдѣлать. Мама прислала мнѣ длинное, подробное письмо о житьѣ-бытьѣ на нашемъ хуторѣ, писала о началѣ полевыхъ работъ, о цвѣтущихъ вишневыхъ и яблоневыхъ деревьяхъ, о пѣсняхъ соловки надъ окномъ ея спальни—и все это не могло не взволновать меня своей прелестью. Быстрая, теплая волна охватила меня, захлестнула и унесла далеко на родной югъ, на милую Украину. Вмѣсто того, чтобы повторять географію, я сидѣла задумавшись, забывъ о географіи, погруженная въ мои мечты о недалекомъ будущемъ, когда я опять увижу дорогой родной хуторокъ, маму, Васю, Гапку... Часы летѣли, а число выученныхъ билетовъ не прибавлялось...

Наканунѣ предстоящаго экзамена по географіи я точно пробудилась отъ сладкаго сна, пробудилась и... ужаснулась. Я знала всего только 10 билетовъ изъ 30-ти, составлявшихъ нашъ курсъ!

Меня охватилъ ужасъ.

— Провалюсь... провалюсь... — шептали мои губы беззвучно, а ноги и руки холодѣли отъ страха.

Что было дѣлать? Выучить всю программу, всѣ 30 билетовъ въ одинъ день было немыслимо. Къ тому же волненіе страха лишило меня возможности запомнить

всю эту безконечную сѣть потоковъ и заливовъ, горъ и плоскогорій, границъ и рѣкъ, составляющую „программу“ географіи. Не долго думая, я рѣшила сдѣлать то, что дѣлали, какъ я знала, многія въ старшихъ

Я сидѣла задумавшись, забывъ о географіи...

классахъ: повторить, заучить хорошенько уже пройденные 10 билетовъ и положиться на милость Божію. Такъ я и сдѣлала.

Когда вечеромъ мы спустились къ чаю, наши поразились моимъ блѣднымъ взволнованнымъ лицомъ и возбужденными красноватыми глазами.

— Ты плакала, Люда? — спросила Леръ.

— Я училась.

— Все, конечно, прошла?

— Все! — солгала я чуть не въ первый разъ въ жизни и мучительно покраснѣла.

Но никто не замѣтилъ румянца, вспыхнувшаго на моихъ щекахъ, да если-бы и замѣтили, то, конечно, не угадали бы причины. Я была „парфеткой“, „хорошей ученицей“ и поэтому считалось невозможнымъ, чтобы я не прошла всего курса.

Въ душѣ моей было тяжело и непокойно, когда я легла на жесткую институтскую постель; я долго ворочалась, не переставая думать о завтрашнемъ днѣ. Тоскливо замирало мое бѣдное сердце.

Только подъ утро я забылась, но не сномъ, а, вѣрнѣе, дремотой, полной кошмаровъ и безобразныхъ видѣній.

Я проснулась съ тяжелой головой и назойливой, какъ оса, мыслью: сегодня экзаменъ по географіи!

Въ умывальной шла оживленная бесѣда.

— Варюша Чикунина! — крикнула я нашему Соловушкѣ, пользовавшемуся славою гадалки, такъ какъ она часто съ поразительной точностью предсказывала билеты передъ экзаменами.

— Что тебѣ, Люда?

— Предскажи мнѣ билетъ,— попросила я ее.

Она серьезно, пристально взглянула мнѣ въ зрачки своими умными, кроткими глазами и отчеканила: „Десятый“.

Я поблѣднѣла. Десятый билетъ я знала хуже про-

чихъ и потому немедленно схватилась за книгу и прочла его нѣсколько разъ...

До экзамена оставалось полчаса. Волновавшіяся донельзя дѣвочки (учитель географіи Алексѣй Ивановичъ не отличался снисходительностью) побѣжали къ сторожу Сидору просить его открыть церковныя двери, желая помолиться передъ экзаменомъ. Онъ охотно исполнилъ наше желаніе и я вмѣстѣ съ подругами вошла подъ знакомые своды.

Ликъ Николая Чудотворца—строгій и суровый—глянулъ на меня изъ-за золота иконостаса. Я вспомнила, что мама всегда молилась этому святому, и опустилась передъ нимъ на колѣни.

Но мнѣ точно не хотѣлось молиться. Всѣ мои чувства и мысли поражены были страхомъ передъ предстоящимъ экзаменомъ, — отчаяннымъ, безнадежнымъ страхомъ, доходящимъ до тупого унынія.

Однако, по мѣрѣ того, какъ я пристально и внимательно вглядывалась въ строгія черты святого, я уже не находила въ немъ того выраженія суровости, которое поразило меня вначалѣ. Казалось, глаза угодника ласково и серьезно спрашивали: „Что надо этой маленькой дѣвочкѣ, преклонившей передъ нимъ колѣна?“

Я стала молиться или, вѣрнѣе, просить, всей душой и сердцемъ просить, умоляя помочь мнѣ, отвести бѣду. Съ наивною и робкою мольбою стояла я передъ образомъ, судорожно сжимая руки у самаго подбородка, такъ

что хрустѣли хрупкіе маленькіе пальцы. Судорога сжимала мнѣ горло. Въ груди закипали рыданья... Я зажимала губы, чтобы не дать вырваться крику изступленія... Мои мысли твердили въ пылавшемъ мозгу: „Помоги, Боже, помоги, помоги мнѣ! Я знаю только первые 10 билетовъ!“

Не помню, долго-ли простояла я такъ, но когда вышла изъ церкви, тамъ никого изъ институтокъ уже не было... Я еще разъ упала на колѣни у церковнаго порога со словами: „Помоги, Боже, молитвою святого Твоего угодника Николая Чудотворца!“ И вдругъ какъ-то странно и быстро успокоилась. Волненіе улеглось и на душѣ стало свѣтло и спокойно. Но не надолго; когда коридорныя дѣвушки стали развѣшивать по доскамъ всевозможныя географическія карты, а на столѣ поставили глобусъ, приготовили бумагу и чернильницы, сердце мое екнуло.

Но вотъ появилась начальница, за ней учитель географіи, другой учитель, инспектриса, прочли молитву и экзаменъ начался.

Я сидѣла какъ къ смерти приговоренная и къ ужасу моему замѣчала, что экзаменуемыя воспитанницы вытягивали билеты изъ перваго десятка. Значитъ, для меня изъ этого десятка уже не останется!

„Что будетъ, то будетъ!“—думала я дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Положимъ, если-бы я провалилась, мнѣ дали-бы пе-

реэкзаменовку, но что должна была перечувствовать моя душа, самолюбивая маленькая душа гордой дѣвочки?

— Какая ты блѣдная, Люда! ты боишься?—прошептала Краснушка, подсѣвшая ко мнѣ на пустое Нинино мѣсто. — На тебѣ вотъ, возьми, это помогаетъ... съ Валаама... сунь за платье и когда будешь подходить къ столу вынимать билетъ, дотронься...

Она протягивала мнѣ маленькій образокъ... Я взглянула и ахнула: Николай Чудотворецъ! Поцѣловавъ образокъ, я его положила на грудь и спросила тихо Краснушку:

— Ты не знаешь, какіе билеты остались?

— Кажется, послѣдніе и двадцатые есть... я отмѣчала...

— А изъ первыхъ?...— замирая, вырвалось у меня.

— Кажется, одинъ первый остался...

Я пропала. Не могла-же я вытянуть среди цѣлой кучки оставшихся билетовъ счастливый первый, единственный, который я знала отлично...

„Что-же это?“ — какъ-то безпомощно мелькнуло въ моихъ мысляхъ и слезы обожгли глаза.

— Влассовская! — прозвучалъ въ ту же минуту и отдался ударомъ молота въ моей головѣ голосъ инспектора.

Я встала, точно кто толкнулъ меня сзади, и подошла къ зеленому столу, предварительно дотронувшись до спрятаннаго образка Чудотворца. Сердце стучало, голова горѣла, какъ въ огнѣ.

Я видѣла, какъ въ туманѣ, чужого учителя-географа старшихъ классовъ, пришедшаго къ намъ въ качествѣ ассистента, видѣла, какъ онъ рисовалъ карандашомъ карикатуру маленькаго человѣчка въ громадной шляпѣ на положенномъ передъ нимъ чистомъ листѣ съ фамиліями воспитанницъ, видѣла добродушно улыбнувшееся мнѣ лицо инспектора, съ удовольствіемъ приготовившагося слушать хорошій отвѣтъ одной изъ лучшихъ воспитанницъ.

— Какъ ты блѣдна, Власовская... Что съ тобою?— спросилъ меня привѣтливый голосъ начальницы.

Я какъ-то криво улыбнулась... Все завертѣлось передъ моими глазами: зеленый столъ, экзаменаторы, карикатура маленькаго человѣка въ большой шляпѣ, роковая кучка билетовъ... и я протянула руку...

— Который? — безстрастно спросилъ Алексѣй Ивановичъ, привыкшій къ экзаменаціоннымъ „тряскамъ“.

Я повернула билетъ и чуть не вскрикнула...

— Нумеръ первый!

Не берусь описать нахлынувшаго на меня чувства умиленной благодарности, религіознаго восторга и невыразимой бурной радости...

Первый нумеръ!... Я была твердо убѣждена, что тутъ произошло чудо—чудо благодаря образку Николая Чудотворца... Вотъ она, великая сила дѣтской вѣры!

Нужно-ли говорить, какъ сочно, — да, именно сочно и толково поясняла я, сколько частей свѣта, сколько мы-

совъ и ихъ названія, какъ граничатъ эти части свѣта! При этомъ я удивительно точно обводила по картѣ границы черной лакированной линеечкой.

О, эта карта съ громадной дырой на мѣстѣ Каспійскаго моря и кляксой у Нью-Іорка, карта колоссальныхъ размѣровъ, вмѣстившая въ себѣ всѣ пять частей свѣта,— какъ я ее полюбила! Да, всѣхъ я любила въ этотъ день... не исключая и строгаго Алексѣя Ивановича, котораго боялась не меньше другихъ.

Я кончила.

— Хорошо, внучка! молодцомъ доложила,—проговорилъ онъ, нимало не стѣсняясь начальства, и тутъ-же поставилъ около моего имени жирное, крупное 12 и тотчасъ добавилъ:

— Крестовъ не полагается, это не Законъ Божій.

Я хотѣла-было вернуться на мѣсто, но Maman поманила меня и я приблизилась къ ея креслу.

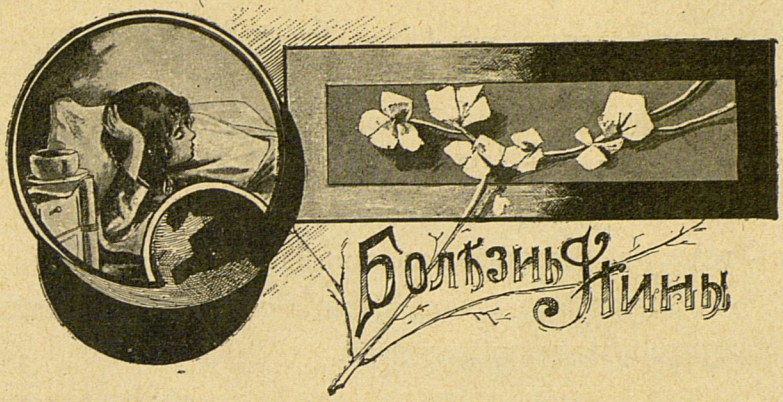
— Ну, вотъ, теперь ты порозовѣла, а то была бѣла, какъ бумага, — трепля меня по заалѣвшей щечкѣ, ласково проговорила она и потомъ, поглядѣвъ на меня пристально, добавила: — Можешь написать матери, что мы тобой очень довольны!

Еле держась на ногахъ отъ охватившаго меня счастья, безумнаго счастья, неожиданнаго, вымоленнаго мною, я пошла на мѣсто и тутъ-же вполголоса, все еще сіяя, разсказала Краснушкѣ, подъ большимъ секретомъ, чудесный случай со мною.

— Да, это чудо! чудо! — твердила не менѣе меня восторженная Маруся и, перекрестившись, приложилась къ вынутому мною изъ корсажа маленькому образочку съ Валаама.

— Непремѣнно попрошу маму подарить мнѣ такой-же образокъ Николая Чудотворца!—рѣшила я тутъ-же.

Въ этотъ вечеръ за всенощной (это было какъ-разъ въ субботу) въ продолженіе цѣлой службы, я не спускала со святого угодника сіявшихъ благодарностью глазъ и молилась такъ горячо, беззавѣтно молилась, какъ врядъ-ли умѣла молиться прежде...



КЪ экзамену нѣмецкаго языка мы усиленно готовились, не выходя изъ сада—ароматнаго и цвѣтущаго, когда вдругъ молніей блеснуло и поразило насъ страшное извѣстіе:

— Княжна безнадежна...

Дней пять тому назадъ она еще разговаривала съ нами съ лазаретной террасы, а теперь вдругъ эта ужасная, потрясающая новость!

Было семь часовъ вечера, когда прибѣжавшая съ перевязки Надя Федорова, вѣчно чѣмъ-нибудь и отъ чего-нибудь лѣчившаяся, объявила мнѣ желаніе княжны видѣть меня.

Я какъ безумная сорвалась со скамьи и бѣгомъ, черезъ весь садъ, кинулась въ лазаретъ. У палаты Нины дѣвушка удержала меня.

— Куда вы? Нельзя! Тамъ докторъ и начальница!

— Значитъ, Нина очень больна? — спросила я съ замираніемъ сердца Машу.

— Ужь куда какъ плохи! Даже докторъ сказалъ, что надежды нѣтъ. Не сегодня-завтра помрутъ!

Что-то ударило мнѣ въ сердце, оттуда передалось въ голову и больно-больно заныло гдѣ-то внутри.

— Умретъ! не будетъ больше со мною! умретъ!...— беззвучно повторяли мои губы.

Отчаяніе, тоска охватили меня... Я чувствовала ужасъ, холодный ужасъ передъ неизбѣжнымъ! Точно что-то упало внутри меня. А слезъ не было. Онѣ жгли глаза, не выливаясь наружу...

Дверь изъ комнаты Нины отворилась и вышла Маman, очень печальная и важная, въ сопровожденіи доктора. Они меня не замѣтили. Проходя совсѣмъ близко отъ меня, Маman произнесла тихо, обращаясь къ доктору:

— Утромъ послана телеграмма отцу... Протянетъ она дня три-четыре, докторъ?

— Врядъ-ли, княгиня, — грустно отвѣтилъ докторъ.

— Бѣдный, бѣдный отецъ!—еще тише проговорила начальница и, какъ мнѣ показалось, смахнула слезу.

Изъ всего слышаннаго я не могла не понять, что часы моей подруги сочтены. И опять ни слезинки... Одинъ тупой, жгучій ужасъ...

Не знаю, какъ я очутилась у кровати Нины.

Нина лежала, повернувъ голову къ стѣнѣ. Вся она казалась маленькой, совсѣмъ маленькой, съ дѣтскимъ

У палаты Нины дѣвушка удержала меня...

исхудалымъ личикомъ, на которомъ чудесно сверкали два великолѣпные черные глаза.

Эти глаза своимъ блескомъ ввели меня въ заблужденіе.

„Не можетъ быть у умирающей такихъ блестящихъ глазъ“,— подумала я.

Но потомъ мнѣ объяснили, что ей дали для облегченія какое-то особое средство, отъ котораго глаза получаютъ блескъ.

Я подошла къ постели Нины совсѣмъ близко и хотѣла поцѣловать ее. Помню, меня поразило выраженіе ея худенькаго, изнуреннаго болѣзнью личика. Оно точно ждало чего-то и въ то-же время недоумѣвало.

— Ниночка, трудно тебѣ? — тихо спросила я, стараясь вложить въ мой вопросъ какъ можно больше нѣжности и ласки.

Она неторопливо отвела отъ стѣны свои блестящіе глаза и взглянула на меня...

Умру — не забуду я этого взгляда...

„За что? за что?“ говорили, казалось, ея глаза, и выраженіе обиженной скорби легло на это кроткое личико.

— Трудно, Люда! — проговорила она какимъ-то глухимъ, хриплымъ голосомъ. — Трудно! я боюсь, что не скоро поѣду теперь на Кавказъ...

И опять эти обиженные, страдающіе глазки!

Бѣдная моя Нина! Бѣдная подружка!

Она закашлялась... Изъ коридора безшумно и быстро вошла Матенька съ какимъ-то лѣкарствомъ.

— Княжна, родненькая, золотая, выкушайте ложечку, — склоняясь надъ больною, просящимъ голосомъ говорила старушка.

— Ахъ, нѣтъ, не надо, не хочу, все равно не помогаетъ,—капризно, глухимъ голосомъ возразила Нина.

И вдругъ заплакала навзрыдъ...

Матенька растерялась и, не рѣшаясь безпокоить княжну, выскользнула изъ комнаты. Я не знала какъ остановить слезы моей дорогой подруги. Обнявъ ее, прижавъ къ груди ея влажное отъ слезъ и липкаго пота личико, я тихо повторяла:

— Нина, милая, какъ я люблю тебя... люблю... милая...

Мало-по-малу она успокоилась. Еще слезы дрожали на длинныхъ рѣсницахъ, но губы, горячія, запекшіяся блѣдныя губы уже старались улыбнуться.

— Ниночка, ненаглядная, не хочешь-ли повидать Иру?—спросила я, не зная, чѣмъ утѣшить больную.

Она пристально взглянула на меня и вдругъ почти испуганно заговорила:

— Ахъ, нѣтъ, не надо, не зови...

— Отчего, дорогая? Развѣ ты разлюбила ее?

— Нѣтъ, Люда, не разлюбила, а только... она чужая... Да, чужая... а теперь я хочу своихъ... самыхъ близкихъ... тебя и папу... Я просила ему написать... Онъ пріѣдетъ... Ты увидишь, какой онъ добрый, красивый, умный... А Ирочки не надо... Не понимаетъ она ничего... все о себѣ... о себѣ.

Княжна, казалось, утомилась долгой рѣчью. Въ углахъ рта накипала розоватая влага. Голова съ блѣд-

нымъ, помертвѣвшимъ лицомъ запрокинулась на подушку, въ груди у нея странно-странно зашипѣло.

— Умираетъ, — съ ужасомъ промелькнула у меня мысль, — умираетъ!

И я застыла въ безмолвномъ отчаяніи...

Но она не умирала. Это былъ одинъ изъ ея приступовъ удушья, частыхъ и продолжительныхъ.

Скоро Нина оправилась, взяла меня за руку своей блѣдной, маленькой, какъ у ребенка, ручкой, попробовала улыбнуться и прошептала:

— Поцѣлуй меня, Люда!

Я охотно исполнила ея просьбу: я цѣловала эти милыя изжелта-блѣдныя щеки, чистый маленькій лобъ съ начертанной уже на немъ печатью смерти, запекшіяся губы и два огромные чудные глаза...

Теперь мнѣ неудержимо хотѣлось плакать и я дѣлала ужасныя усилія, чтобы сдержаться.

Мы молчали, каждая думая про себя... Княжна нервно пощипывала тоненькими пальчиками запекшіяся губы... Я слышала, какъ тикали часы въ сосѣдней комнатѣ, да изъ сада доносились рѣзкіе и веселые возгласы гулявшихъ институтокъ. На столикѣ у кровати пышная красная роза издавала тонкій и нѣжный ароматъ.

— Это Maman принесла! Добрая, заботится обо мнѣ,—нарушила Нина молчаніе и вдругъ проговорила неожиданно:

— Знаешь, Люда, мнѣ кажется, что я не увижу больше ни Кавказа, ни папы!

— Что ты! что ты! вѣдь онъ ѣдетъ къ тебѣ!—испуганно возразила я.

— Да, но я его уже не увижу... — не грустно, а точно мечтательно произнесла княжна и вдругъ улыбнулась свѣтло и печально.

Такъ и осталась эта улыбка на ея губахъ... Мы снова помолчали. Мучительно тяжело было у меня на душѣ. Я закрыла лицо руками, чтобы не пугать Нину моимъ убитымъ видомъ. Когда я опустила руки, то замѣтила на губахъ ея, шептавшихъ что-то чуть внятно, все ту-же свѣтлую странную улыбку. Наклонивъ ухо, я съ трудомъ услышала ея лепетъ, поразившій меня:

— Эльфы... свѣтлые маленькіе эльфы въ голубомъ пространствѣ... Какъ хорошо... Люда... смотри! Вотъ горы... синія и бѣлыя наверху... Какъ эльфы кружатся быстро... быстро!... Хорошъ твой сонъ, Люда... А вотъ орелъ... онъ близко машетъ крыльями... большой кавказскій орелъ... онъ хватаетъ эльфа... меня... Люда!... ахъ страшно... страшно... больно!... Когти... когти!... Онъ впился мнѣ въ грудь... больно... больно...

Улыбка сбѣжала съ ея лица и оно какъ-то сразу сдѣлалось темнымъ и страшнымъ отъ перекосившей его муки испуга.

Рыдая, я выбѣжала звать фельдшерицу.

— Она умираетъ!—внѣ себя кричала я, хватаясь за голову и трясясь всѣмъ тѣломъ.

Прибѣжала фельдшерица, за ней вскорѣ начальница и мнѣ велѣли уйти.

Это былъ второй страшный припадокъ, кончившійся, однако, болѣе благополучно, нежели я думала.

Черезъ полчаса меня позвали снова.

Прости родная

СТРАННО успокоенная лежала Нина, когда я опять склонилась надъ нею. Ея дыханіе со свистомъ вылетало изъ груди и глаза какъ бы померкли. Увидя меня, она пыталась улыбнуться и не могла.

— Люда, наклонись ниже...— разслышала я ея чуть внятный шопотъ.

Я поспѣшила исполнить ея желаніе.

— У меня на крестѣ медальонъ... ты знаешь... въ немъ моя карточка и мамина... Возьми этотъ медальонъ себѣ на память... о бѣдной маленькой Нинѣ!

На страшной своей худобой грудкѣ блестѣлъ этотъ маленькій медальонъ съ иниціаломъ княжны изъ брилліантиковъ. Я не разъ видѣла его. Съ одной стороны была карточка матери Нины — чудной красавицы съ

чертами грустными и строгими, а съ другой — изображеніе самой княжны въ костюмѣ маленькаго джигита, съ большими, смѣющимися глазами.

Я не рѣшалась принять подарка, но Нина съ упрямымъ раздраженіемъ проговорила черезъ силу:

— Возьми... Люда... возьми... я хочу!... Мнѣ не надо больше... Я люблю тебя больше всѣхъ и хочу... чтобы это было твое... И еще вотъ возьми эту тетрадку, — и она указала на красную тетрадку, лежавшую у нея подъ подушкой,—это мой дневникъ, мои записки. Я все туда записывала, все... все... Но никому, никому не показывала. Тамъ всѣ мои таїны. Ты узнаешь изъ этой тетрадки кто я... и какъ я тебя любила, — тебя одну изъ всѣхъ здѣсь въ институтѣ...

Тутъ я не выдержала и горько заплакала, прижимая къ губамъ оба подарка Нины.

— Бѣдная Люда, бѣдная Люда, какъ тебѣ скучно будетъ одной! — какимъ-то унылымъ голосомъ проговорила она и вдругъ, точно виноватая, добавила съ неизъяснимымъ чувствомъ глубокой любви и нѣжности:

— Прости, родная!

Новая тишина воцарилась въ комнатѣ. Опять одно только тиканье часовъ нарушало воцарившееся безмолвіе... Прошла минута, другая — прежнее молчаніе. Я подождала немного—ни звука... Княжна дремала, положивъ худенькую ручку на грудь, а другою рукой пере-

бирала складки одѣяла и сорочки быстрымъ судорожнымъ движеніемъ.

Я тихо позвала: „Нина!“—Отвѣта не было... Пальцы перебирали все медленнѣе и медленнѣе; наконецъ, рука безсильно упала на постель.

Она забылась сномъ, безпомощная и прелестная духовной трогательной красотою...

Я долго-долго смотрѣла на нее, а потомъ на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Въ эту ночь я спала немного и тревожно, поминутно просыпаясь и вперяя безпокойные взоры въ непріятную своей сѣрою мглою майскую теплую ночь.

Подъ утро я заснула очень крѣпко, и какъ-то болѣзненно ахнула, когда услышала звонокъ, будившій насъ.

— Что-то Нина?—мучительно думалось мнѣ.

Мы сошли въ столовую и уже приготовились къ молитвѣ, какъ вдругъ неожиданно вошла Maman, блѣдная, съ усталыми и красными глазами.

— Дѣти, — дрожащимъ голосомъ проговорила она громко, — ваша маленькая подруга княжна Нина Джаваха скончалась сегодня ночью!

Какіе-то темные круги пошли у меня передъ глазами.

Я потеряла сознаніе...

. . . . . .

Она лежала худенькая-худенькая и невѣроятно вытянувшаяся въ своемъ небольшомъ, но пышномъ бѣ-

ломъ гробу. Ей казалось теперь лѣтъ 15—16, этой маленькой одиннадцатилѣтней дѣвочкѣ.

Матенька заботливо расчесала роскошныя косы княжны и окутала всю ее двумя мягкими волнами черныхъ кудрей. На восковомъ личикѣ съ плотно сомкнутыми точно слипшимися стрѣлами рѣсницъ смерть запечатлѣла свой холодомъ пронизанный поцѣлуй.

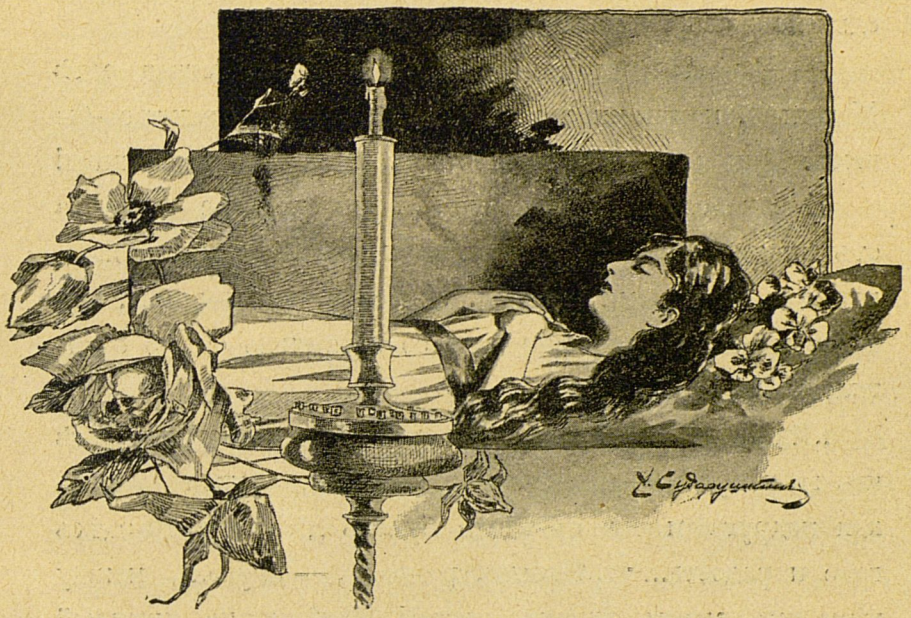
Оно было величаво покойно и какъ-то важно — это не дѣтское лицо, мертвое и прекрасное новой таинственной красотою. Странно, рѣзко выдѣлялись на изжелта-бѣломъ лбу двѣ тонкія, прямыя черточки бровей, дѣлавшія строгимъ, почти суровымъ блѣдное мертвое личико.

Ее перенесли въ полдень въ послѣднюю палату, поставили на катафалкъ изъ бѣлаго глазета серебромъ и золотомъ вышитый бѣлый гробъ, съ зажженными передъ нимъ съ трехъ сторонъ свѣчами въ тяжелыхъ подсвѣчникахъ, принесенныхъ изъ церкви. Всю комнату убрали коврами и пальмами изъ квартиры начальницы, превративъ угрюмую лазаретную палату въ зимній садъ.

Мы окружили гробъ съ милыми останками княжны и, въ ожиданіи панихиды, слушали всхлипывающую Матеньку:

— Ужь такъ она тихо-тихо отошла, голубка наша бѣлая, — говорила добрая сидѣлка плачущимъ голосомъ.—Ни стона, ни жалобы... Только все просила: „Отнеси меня въ садъ на лужайку, Матенька, я небо хочу

видѣть". Потомъ все барышню Власовскую звала: „Люда, говоритъ, Люда, приди ко мнѣ..." Все о Кавказѣ бредила, о горахъ, да о крылышкахъ какихъ-то... и къ утру забылась немного... Ну, я, грѣшнымъ дѣломъ, сама тоже вздремнула. Только чувствую, кто-то



Оно было величаво-покойно..

мнѣ точно въ лицо дунулъ... Гляжу, а княжна-то, голубушка, на постелькѣ сидитъ, ручки впередъ протянула, а лицо такое свѣтлое-свѣтлое у нея: „Прощай, — шепчетъ мнѣ и самое-то чуть слышно,—за мной мама пришла... на Кавказъ ѣдемъ..." Поблѣднѣла, какъ простыня, и упала на подушку... Такъ и скончалась святая

душенька ангельская... — закончила свой разсказъ Матенька.

Наши нѣкоторыя заплакали, другія зарыдали навзрыдъ, а у меня не было слезъ. Точно клещами сдавило мнѣ грудь, мѣшая говорить и плакать. Прислонившись къ гробу, я судорожно схватилась за его край, едва держась на ногахъ.

— Вы-бы прилегли малость, — посовѣтовала мнѣ Матенька, испуганная моимъ видомъ,—не свалиться-бы вамъ. Ишь вѣдь, блѣдныя стали... не лучше покойницы!

Я едва слышала ласковую старушку и не отходила отъ княжны, впиваясь въ лицо покойной сухими, жадными и скорбными глазами. Ужасное, невыразимое, никогда неиспытанное еще горе со страшною силою охватило меня.

„Ея нѣтъ, а ты, ты одинока теперь,—твердило мнѣ что-то изнутри,—умерла, уснула навсегда твоя маленькая подруга и не съ кѣмъ будетъ дѣлить тебѣ здѣсь горе и радость...“ „Прости, родная“, — звучалъ между тѣмъ въ моихъ ушахъ глухой, болѣзненно хриплый голосъ, полный невыразимой тоски и муки...

Прости, родная!... Что значили эти вѣщія слова княжны? Предчувствовала-ли она инстинктомъ трудно-больной свой близкій конецъ и прощалась со своей бѣдной маленькой подружкой, или же трогательно-виновато просила у нея прощенія за невольно причиняемое ей горе,—вѣчную разлуку съ нею, умирающей?

И вдругъ быстрая мысль пронизала мой мозгъ. Сонъ объ эльфахъ оказался вѣщимъ... Душа Нины высоко поднялась надъ нами и прозрачная, чистая, какъ маленькій эльфъ, утонула она въ эфирѣ безсмертія...

Мои глаза были все такъ-же сухи и въ то время, когда дрожащіе отъ волненія голоса старшихъ пропѣли „вѣчную память“, когда кончилась панихида и о. Филимонъ, разжавъ восковыя руки покойницы, положилъ въ нихъ образокъ св. Нины.

Чье-то рыданіе, надрывающее душу, сухое и короткое, огласило комнату.

Это плакала Ирочка Трахтенбергъ, не успѣвшая проститься съ княжной. Maman съ добрыми покраснѣвшими глазами, въ черномъ платьѣ и траурной наколкѣ, поднялась на ступени катафалка и, склонившись надъ своей мертвой любимицей, разгладила ея волосы по обѣ стороны бѣлаго и ровнаго, какъ тесемочка, пробора. Крупныя, горячія слезы закапали на руки Нины, — а губы Maman судорожно искривились, силясь удержать рыданья.

— Да, дѣти, это была золотая, благородная, честная душа! На рѣдкость хорошая! — обратилась она къ намъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ.

„Чистая! честная! святая! И лежитъ здѣсь безъ дыханія и мыслей, а мы, ничѣмъ не отличающіяся, шаловливыя и капризныя, будемъ жить, дышать, радо-

ваться!..." — сверлило мой мозгъ, и какимъ-то озлобленіемъ охватило мою дѣтскую душу.

Четыре дня стояла покойница въ ожиданіи пріѣзда отца, котораго уже извѣстили по телеграфу о смерти Нины.

На пятый день онъ пріѣхалъ во время панихиды, когда мы меньше всего ожидали его появленія.

Онъ вошелъ быстро, внезапно, еще молодой и чрезвычайно красивый высокій брюнетъ, въ генеральской формѣ. Онъ вошелъ мертвенно блѣдный, съ судорожно поддергивающимися губами подъ черной полоской тонкихъ, длинныхъ усовъ, и прямо направился къ гробу.

Не рѣшаюсь описать того страшнаго, мрачнаго отчаянія, которое я увидѣла на этомъ мужественномъ лицѣ. Я помню только не то крикъ, не то стонъ, вырвавшійся изъ груди отца при видѣ мертвой дочери... Но это было до того потрясающе-мучительно, что мои нервы не выдержали, и я зарыдала въ отвѣтъ на этотъ крикъ, зарыдала тѣми благотворными отчаянными рыданіями, которыя смягчаютъ нѣсколько тяжесть горя. А онъ все стоялъ, схватившись обѣими руками за край гроба и впиваясь мрачно-горѣвшими глазами въ лицо своего единственнаго, навѣки потеряннаго ребенка...

На другой день ее хоронили.

Отпѣваніе было въ нашей церкви, гдѣ столько разъ такъ горячо молилась религіозная дѣвочка.

Весна, такъ страстно любимая Ниной, хотѣла, каза-

лось, приласкать въ послѣдній день пребыванія на землѣ маленькую покойницу. Лучъ солнца скользнулъ по восковому личику и, ударясь о золотой вѣнчикъ на лбу умершей, разбился на сотню яркихъ искръ...

Она еще глубже опустилась за два дня на своемъ послѣднемъ ложѣ и еще мертвеннѣе было заостренное личико; темныя пятна, проступившія на немъ, легли зловѣщими тѣнями.

„Боже мой,—думала я, мучительно вглядываясь въ любимый образъ, весь окутанный тонкой и прозрачной дымкой фиміама,—неужели я уже никогда не услышу ея милаго голоса? Неужели—все-все кончено?...

А въ ушахъ звенѣло и переливалось на тысячу ладовъ: „Прости, родная"—послѣднія слова, обращенныя ко мнѣ подругой...

Одна за другой подходили институтки ко гробу, поднимались по обитымъ чернымъ сукномъ траурнымъ ступенямъ катафалка и съ молитвеннымъ благоговѣніемъ прикладывались къ прозрачной ручкѣ усопшей. Голоса старшихъ едва звучали, задавленные рыданьями...

Въ этой безысходной тоскѣ всей тѣсно сплотившейся институтской семьи видна была безграничная привязанность къ маленькой княжнѣ, безвременно вырванной отъ насъ жестокою смертью... Да, всѣ, всѣ любили эту милую дѣвочку!...

Ее похоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ,—такъ далеко отъ родины, куда она такъ стремилась послѣдніе дни!

Все время отпѣванія отецъ Нины не выпускалъ края гроба, не отрывалъ глазъ отъ потемнѣвшаго мертваго личика. Когда гробъ вынесли, онъ шелъ до монастыря не сзади, а сбоку бѣлаго катафалка съ княжеской короной.

Прохожіе, при видѣ печальной процессіи, маленькаго гробика, скрытаго подъ массою вѣнковъ, цѣлой колонны институтокъ, слѣдовавшихъ за гробомъ,—снимали шапки, истово крестились и провожали насъ умиленными глазами.

Но больше всего поражалъ прохожихъ видъ высокаго, статнаго красавца-генерала, идущаго у самаго гроба безъ шапки, съ глазами блуждающими и страшными...

Въ монастырской церкви, при послѣднемъ прощаніи съ дочерью, онъ не застоналъ и не зарыдалъ, какъ это всегда бываетъ. Все тотъ-же мрачный, блуждающій взглядъ, полный отчаянія... Когда начальница отрѣзала прядь черныхъ кудрей его дочери и подала ему, онъ тупо посмотрѣлъ сначала на нее, потомъ на прядь, конвульсивно зажалъ въ рукѣ волосы и закрылъ лицо рукою.

Все это я видѣла какъ сквозь сонъ. Въ ушахъ моихъ, заглушая пѣніе и голосъ институтокъ, звучали только послѣднія слова моей дорогой Ниночки:

— „Прости, родная!...“

Ее опустили въ могилу, забросали землей, сравняли холмикъ и поставили на немъ крестъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью:

Здѣсь покоится
княжна Нина Джаваха-алы-Джамата.

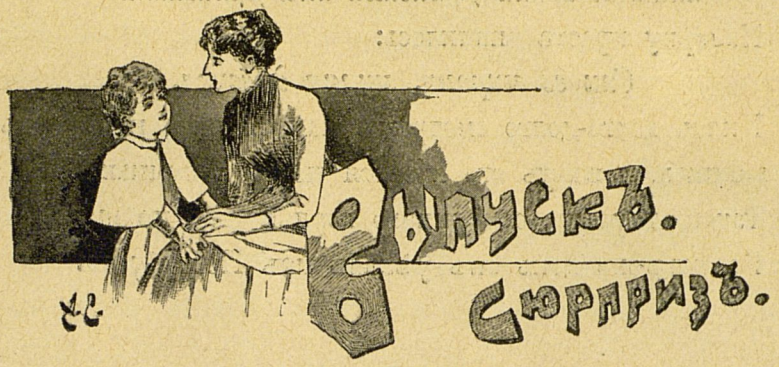
Наверху креста значилось:

Спи съ миромъ, милая дѣвочка.

Князь долго-долго смотрѣлъ на холмикъ, на крестъ, на надпись, и взоръ его казался почти безумнымъ.

Такого глухого, отчаяннаго горя я еще не видала.

Въ тотъ-же день онъ уѣхалъ изъ Петербурга.



ПОТЯНУЛИСЬ тяжелые дни одиночества. Я тосковала по Нинѣ, мало ѣла, мало говорила, но за то съ невыразимымъ рвеніемъ принялась за книги. Въ нихъ я хотѣла потопить мое горе... Два оставшіеся экзамена были довольно легкими, но мнѣ было чрезвычайно трудно сосредоточиться для подготовки. Глубокая тоска — послѣдствіе бурнаго душевнаго потрясенія—мѣшала мнѣ учиться. Частыя слезы туманили взоръ, устремленный на книгу, и не давали читать.

Я напрягла всѣ свои усилія и выдержала два послѣдніе экзамена такъ-же блестяще, какъ и предыдущіе... Помню, какъ точно во снѣ отвѣчала я на задаваемые вопросы, помню похвалы учителей и ласковыя

слова начальницы, которая, съ кончиной ея любимицы, перевела на меня всю свою нѣжность.

— Совсѣмъ ты измѣнилась, дѣвочка, — говорила Maman.—Привезли тебя румянымъ украинскимъ яблочкомъ, а увезутъ хилой и блѣдной. Знаю, знаю, какъ тяжело терять близкихъ, и понимаю какъ тебѣ грустно безъ Нины. Ты вѣдь ее такъ любила! Но, милая моя, на все воля Божья: Нину отозвалъ къ себѣ Господь, а воля Его святая, и мы не должны роптать... Впрочемъ,— прибавила Maman,—Нина все равно долго бы жить не могла; она была такая хилая, болѣзненная и та роковая болѣзнь, которая свела такъ рано ея мать въ могилу, должна была непремѣнно отразиться и на Нинѣ... И потому,—заключила княгиня,—не горюй о ней...

Видя, что мои глаза застлались слезами при воспоминаніи о милой подругѣ, Maman поспѣшила прибавить:

— А учишься ты прекрасно! Пожалуй, первою ученицей будешь въ классѣ.

Первой ученицей! Я объ этомъ не думала, но слова Maman невольно наполнили мое сердце самыми честолюбивыми замыслами... Въ первый разъ послѣ смерти Нины я ощущала какое-то сладкое душевное удовлетвореніе. Быстро подсчитала я мои баллы и не безъ восторга убѣдилась, что они превосходятъ отмѣтки Додо—самой опасной соперницы.

Спустя дня три намъ роздали бюллетени съ баллами.

Ура! я была первою въ классѣ!

Меня охватила на мгновенье почти шумная радость, но — увы! — только на мгновенье... Какой-то внутренній голосъ шепталъ мнѣ зловѣще: „Этого не было-бы, еслибъ княжна Джаваха не лежала въ могилѣ, потому что Нина была бы непремѣнно первой“. И острая боль потери мигомъ заглушила невинную радость...

Я написала мамѣ еще до Нининой смерти о моихъ успѣхахъ, потомъ послала ей телеграмму о кончинѣ княжны, а теперь отправила къ ней длинное и нѣжное письмо, прося подробно написать, кого и когда пришлетъ она за мною, такъ какъ многія институтки уже начали разъѣзжаться...

А между тѣмъ институтская жизнь обогатилась еще однимъ событіемъ, происходившимъ ежегодно въ концѣ мая: наступилъ день выпуска и публичнаго акта старшихъ.

Наканунѣ лучшія ученицы изъ выпускныхъ, окончившихъ институтъ, ѣздили во дворецъ получать высшія награды изъ державныхъ рукъ Государыни. Мы, младшія, съ волненіемъ смотрѣли на рядъ каретъ, подъѣхавшихъ къ зданію института, въ которыхъ наши „выпускныя“ въ парадныхъ платьяхъ отправились во дворецъ, и съ нетерпѣніемъ ждали ихъ возвращенія. Онѣ вернулись восхищенныя, умиленныя лаской Августѣйшихъ хозяевъ, и показывали покрытые брилліантами шифры и золотыя и серебряныя медали, которыя рель-

ефно выдѣлялись на голубомъ бархатѣ футляровъ, увѣнчанныхъ коронками.

Въ день выпуска была архіерейская служба, мало, однако, подѣйствовавшая на религіозное настроеніе выпускныхъ. Виновницы торжества поминутно оглядывались на церковныя двери, въ которыя входили ихъ родственники, наполняя церковь нарядной и пестрой толпой...

Послѣ обѣдни насъ повели завтракать... Старшія, особенно шумно и нервно настроенныя, не касались подаваемыхъ имъ въ „послѣдній разъ“ казенныхъ блюдъ. Обычную молитву передъ завтракомъ онѣ пропѣли дрожащими голосами. Послѣ завтрака весь институтъ, имѣя во главѣ начальство, опекуновъ, почетныхъ попечителей, собрался въ залѣ. Сюда-же толпой хлынули родные, пріѣхавшіе за своими ненаглядными дѣвочками, отлученными отъ родного дома на цѣлыя семь лѣтъ, а иногда и больше.

Публичный актъ начался.

Исполненъ былъ народный гимнъ, послѣ котораго дѣвочки поочередно подходили къ столу, за которымъ возсѣдало начальство, низко присѣдали и получали наградныя книги, аттестаты и евангеліе съ молитвенникомъ „въ память института“—какъ выражалась начальница.

Послѣ раздачи наградъ, начальство обходило выставку ручныхъ работъ и рукодѣлій дѣвочекъ.

Тутъ выдѣлялся портретъ самой Maman, мастерски

исполненный масляными красками одною изъ „старшихъ“.

Воспитанницы пѣли, играли въ 4, 8 и 16 рукъ, показывая все свое искусство, пріобрѣтенное ими въ стѣнахъ института.

Наконецъ, залъ огласился звуками прощальной кантаты, сочиненной одною изъ выпускныхъ и положенной на ноты ея подругой. Въ незамысловатыхъ сердечныхъ словахъ, сопровождаемыхъ такою-же незамысловатою музыкой, прощались онѣ со стѣнами института, въ которыхъ протекало ихъ дѣтство, рѣзвое, беззаботное, веселое, прощались съ товарками и подругами, прощались съ начальницей, съ доброй матерью и наставницей, съ учителями, пролившими яркій свѣтъ ученія въ дѣтскія ихъ души.

Особенно трогательно было прощанье подругъ между собою, съ поминутно прерывающимися звуками кантаты, готовой оборваться каждое мгновенье.

«Прощайте, подруги, Богъ знаетъ, когда
Мы съ вами увидимся снова...
Такъ пусть-же почіетъ надъ каждой изъ насъ
Его благотворное Слово...»

выводилъ, усиленно сдерживая рыданья, дружный дѣвичій хоръ.

Кантата смолкла...

Начались слезы, возгласы, рыданья... Молодыя дѣвушки прощались, какъ родныя сестры, на вѣчную

разлуку. Боже мой! сколько было здѣсь искреннихъ поцѣлуевъ, сколько слезъ горячихъ и свѣтлыхъ, какъ сама молодость!

Прощанья кончились...

Къ институткамъ подошли опекуны, начальство... Maman сказала рѣчь, трогательную и прочувствованную,

Молодыя дѣвушки прощались, какъ родныя сестры...

гдѣ коснулась наступающихъ для „выпускныхъ“ новыхъ обязанностей добрыхъ семьянинокъ и полезныхъ труженицъ.

— Я надѣюсь, милыя дѣти, — такъ закончила свою рѣчь княгиня,—что вы, вспоминая про институтъ, вспомянете разъ-другой и вашу Maman, которая была иной разъ строга, но душевно васъ любила.

Едва она успѣла кончить, какъ всѣ эти пылкія

юныя дѣвушки окружили ее, со слезами цѣлуя ея руки, плечи, лепеча слова любви, признательности...

Потомъ онѣ побѣжали въ дортуаръ—переодѣваться въ праздничные наряды, ожидавшіе ихъ наверху.

Я невольно поддалась гнетущему настроенію. Вотъ здѣсь, въ этой самой залѣ, еще такъ недавно стояла освѣщенная елка... а маленькая чернокудрая дѣвочка, одѣтая джигитомъ, лихо отплясывала лезгинку... Въ этой-же самой залѣ она, эта маленькая черноокая грузиночка, повѣряла мнѣ свои тайны, мечты и желанія... Тутъ-же гуляла она со мною и Ирой, тутъ, вся сіяя яркой южной красотою, разсказывала намъ она о своей далекой, чудной родинѣ.

Гдѣ она, милая, чернокудрая дѣвочка? Гдѣ онъ, маленькій джигитъ съ оживленнымъ личикомъ? Гдѣ ты, моя Нина? мой прозрачный эльфъ съ золотыми крылышками?...

Не торопясь, послѣдовала я за нашими на церковную паперть, опираясь на руку Краснушки, особенно льнувшей ко мнѣ со смертью моей бѣдной подружки.

Маруся Запольская, сердечная, добрая дѣвочка, чутко поняла все происходившее въ моей душѣ и всѣми силами старалась меня разсѣять.

Черезъ полчаса на паперть выходили выпускныя въ воздушныхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ сопровожденіи родныхъ и помогавшихъ имъ одѣваться воспитанницъ другихъ классовъ. Онѣ заходили на минутку въ церковь, а

затѣмъ по парадной лѣстницѣ спускались въ швейцарскую.

Петръ, весь блестѣвшій своей парадной формой, съ эполетой на плечѣ и алебардой въ рукахъ, широко распахивалъ двери передъ вновь выпущенными на свободу молодыми дѣвушками.

И какія онѣ были хорошенькія — всѣ эти Маруси, Раички, Зои, въ ихъ граціозныхъ нарядахъ, съ возбужденными, разгорѣвшимися, еще почти дѣтскими личиками. Вотъ идетъ Ирочка. Она сдержаннѣе, серьезнѣе и какъ-бы холоднѣе другихъ. Ея платье роскошно и богато... Бѣлый шелковый лифъ съ большимъ бантомъ удивительно идетъ къ лицу этой гордой „барышни".

Ирочка—аристократка, и это сразу видно...

Не потому-ли такъ любила ее чуткая и гордая Нина?

Ирочка прошла паперть и готовилась спуститься внизъ, но вдругъ, обернувшись, замѣтила меня и быстро приблизилась.

— Влассовская, — произнесла она, мило краснѣя и отводя меня въ сторону,—будущую зиму я пріѣду изъ Стокгольма на три сезонныхъ мѣсяца. Вы позволите мнѣ навѣстить васъ въ память Нины... Я-бы такъ желала поговорить о ней... но теперь ваша рана еще не зажила и было-бы безжалостно растравлять ее.

Я изумилась.

Отъ Ирочки-ли услышала я все это?

— Вы ее очень любили, m-lle Трахтенбергъ? — невольно вырвалось у меня.

— Да, я ее очень любила,—серьезно и прочувствованно отвѣтила она и тихая грусть разлилась по этому гордому аристократическому личику.

— Ахъ, тогда какъ я рада вамъ буду!—воскликнула я и дѣтскимъ порывомъ потянулась поцѣловать моего недавняго злѣйшаго врага...

Послѣднія выпускныя уѣхали и институтъ сразу точно притихъ.

Понемногу стали разъѣзжаться и остальные классы. Я цѣлые дни проводила въ саду съ книгой на колѣняхъ и глазами, устремленными въ пространство, мечтала до утомленія, до бреда.

Однажды въ полдень, послѣ завтрака, я одиноко гуляла по задней аллеѣ, гдѣ такъ часто бывала съ моей ненаглядной Ниной. Мои мысли были далеко, въ безпредѣльномъ голубомъ пространствѣ...

Вдругъ въ концѣ аллеи показалась невысокая, стройная фигура дамы въ простомъ темномъ платьѣ и небольшой шляпѣ.

— Вѣрно, къ начальницѣ... — мелькнуло въ моей головѣ и, не глядя на незнакомку, я сдѣлала реверансъ, уступая ей дорогу.

Дама остановилась... Знакомое, близкое, дорогое, родное лицо мелькнуло изъ-подъ темной сѣтки вуаля.

— Вы ее очень любили, m-lle Трахтенбергъ?...

— Мама!!!—отчаянно, дико крикнула я на весь садъ и упала къ ней на грудь.

Мы обѣ зарыдали неудержимыми, счастливыми рыданьями, цѣлуя и прижимая другъ друга къ сердцу, плача и смѣясь.

— Ахъ! какъ я счастлива, что опять вижу тебя, Людочка, моя дорогая Людочка!... Покажи-ка, измѣнилась ли ты... Я уже думала, что никогда тебя не увижу...—всхлипывая, шептала мама, и опять цѣловала и ласкала меня.

Я взглянула на нее: почти годъ разлуки со мною не прошелъ ей даромъ. Ея худенькое, миніатюрное личико было попрежнему трогательно-моложаво. Только новая морщинка легла между бровями, да двѣ горькія складки оттянули углы ея милаго рта. Небольшая пышная прядь волосъ спереди засеребрилась ранней сѣдиною...

— Какъ ты выросла, Люда, моя рыбка, моя золотая, да и какая же ты блѣдненькая стала! И кудрей моихъ нѣту!...—говорила мама, оглядывая меня всю широкимъ любящимъ взглядомъ, однимъ изъ тѣхъ, которые не поддаются описанію.

Мы обнялись крѣпко-крѣпко и пошли вдоль аллеи.

— Мамочка, а какъ-же Вася? Ты рѣшилась оставить его одного? — спросила я, сладко замирая отъ прилива нѣжности.

Она въ отвѣтъ только счастливо улыбнулась:

— Онъ здѣсь.

— Кто? Вася?

— Ну, конечно, здѣсь, пріѣхалъ со мною за сестренкой. Онъ идетъ сюда съ твоими подругами... Я нарочно не взяла его съ собою, чтобы не нарушить бурной радости нашего перваго свиданья... Да вотъ и онъ!

Дѣйствительно, это былъ онъ, мой пятилѣтній братишка, миніатюрный, какъ дѣвочка, съ отросшими за зиму новыми кудрями, дѣлавшими его похожимъ на херувима. Въ одинъ мигъ я бросилась впередъ, схватила его на руки, такъ, что щегольскіе желтые сапожки замелькали въ воздухѣ, да бѣлая матроска далеко отлетѣла съ головы...

— Милый мой, хорошій мой! — повторяла я, какъ безумная,—узналъ, узналъ Люду?

— Узналъ? Конечно узналъ!—важно сказалъ мальчикъ.—Ты такая-зе, только стлизеная.

Новые поцѣлуи, смѣхъ, шутки окружившихъ его институтокъ...

Я была, какъ въ чаду, пока сбрасывала „казенную“ форму и одѣвалась въ мое „собственное платье“, изъ котораго я немного выросла. Сейчасъ же послѣ этого мы отправились съ мамой за разными покупками, потомъ обѣдали съ мамой и Васей въ небольшомъ нумерѣ гостиницы... Опомнилась я только къ ночи, когда, уложивъ Васю на пузатомъ диванчикѣ, я и мама улеглись на широкую номерную постель.

На другой день мы всѣ трое были на могилѣ княжны...

Мы проболтали съ ней до разсвѣта, прижавшись другъ къ другу.

На другой день, въ 10-мъ часу утра, мы всѣ трое были уже на кладбищѣ, передъ могилкою моего почившаго друга. Мы опустились на колѣни передъ зеленымъ холмикомъ, покрытымъ цвѣтами. Мама проговорила со слезами на глазахъ:

— Миръ праху твоему, незабвенная дѣвочка! Спасибо тебѣ за мою Люду!

И она поклонилась до земли милой могилкѣ.

Я повѣсила на бѣлый мраморъ креста голубой вѣнокъ незабудокъ и тихо шепнула: „Прости, родная!“— удивляя брата, не спускавшаго съ меня наивныхъ дѣтскихъ глазенокъ.

А птицы пѣли и заливались въ этомъ мертвомъ, благоухающемъ цвѣтами царствѣ...

Мы съ мамой встали съ колѣнъ, вытирая невольныя слезы...

Мнѣ не хотѣлось покидать дорогую могилу, но надо было торопиться. Вещи оставались не уложенными, а поѣздъ уходилъ въ три часа.

Я еще разъ взглянула на бѣлый крестикъ и, прижавъ къ груди медальонъ, подаренный мнѣ Ниной, мысленно поклялась вѣчно помнить и любить моего маленькаго друга...

Возвратившись въ гостиницу, я быстро сложила мои книги и тетради. Среди послѣднихъ была отдѣльно за-

вернутая дорогая красная тетрадка, которую передала мнѣ передъ самою смертью Нина. Я все не рѣшалась приняться за ея чтеніе. Мама уже знала изъ моего письма объ этомъ подаркѣ Нины.

— Пріѣдемъ домой и вмѣстѣ примемся за чтеніе записокъ твоей подруги,—сказала она.

Только-что успѣли мы уложить всѣ наши вещи, какъ слуга доложилъ, что меня желаетъ видѣть какой-то генералъ. И я и мама — обѣ мы были ужасно удивлены.

— Просите,—сказала мама.

Спустя минуту, въ комнату вошелъ пожилой генералъ съ очень привѣтливымъ лицомъ.

— Я пришелъ по порученію моего племянника, генерала князя Джаваха,—началъ онъ. — Князь Джаваха просилъ меня передать вамъ, милая дѣвочка, его глубокую и сердечную благодарность за вашу привязанность къ его незабвенной Нинѣ. Она часто и много писала отцу про вашу дружбу... Князь, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, былъ такъ разстроенъ смертью дочери, что не могъ лично поблагодарить васъ, и поручилъ это сдѣлать мнѣ... Спасибо вамъ, милая дѣвочка, сердечное спасибо...

Я не могла удержаться при этомъ напоминаніи о моей дорогой, незабвенной подругѣ — и расплакалась.

Генералъ нѣжно обнялъ меня и поцѣловалъ.

Потомъ онъ разговорился съ мамой, разспрашивалъ про наше житье-бытье, спросилъ о покойномъ папѣ.

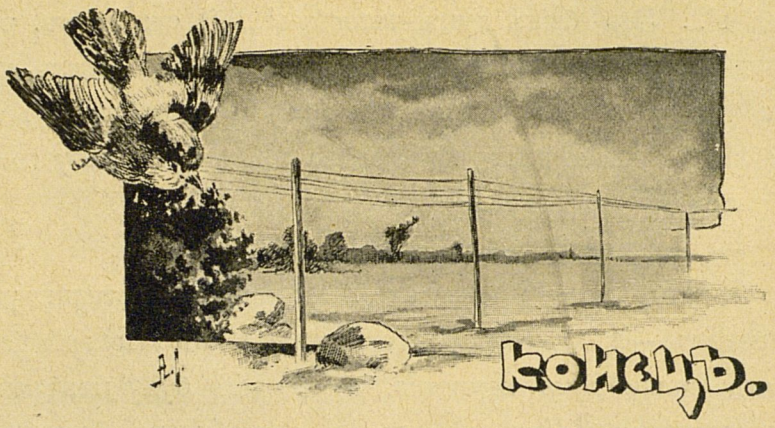
— Какъ! — воскликнулъ генералъ, когда мама сообщила ему о военной службѣ папы, — значитъ отецъ Люды тотъ самый Влассовскій, который палъ геройской смертью въ послѣднюю войну! О, я его зналъ, хорошо зналъ!... Это былъ душа-человѣкъ!... Я счастливъ, что познакомился съ его женою и дочерью. Какъ жаль, что вы уже уѣзжаете, и что я не могу пригласить васъ къ себѣ! Но, надѣюсь, вы осенью привезете вашу дочь обратно въ институтъ?

— Разумѣется,—отвѣтила мама.

— Ну, такъ время еще не ушло! — воскликнулъ генералъ,—я вѣдь буду жить теперь въ Петербургѣ. Когда ваша дочь вернется, я ее часто буду навѣщать въ институтѣ. Надѣюсь, что и она будетъ бывать у насъ, а въ будущія каникулы, быть-можетъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ на Кавказъ, посмотрѣть на мѣста, гдѣ жила Нина... Пусть ваша дочь считаетъ, что у нея теперь двумя родственниками больше: генераломъ Кашидзе, другомъ ея отца, и княземъ Джаваха, отцомъ ея безвременно умершей подруги...

Все это было сказано очень трогательно, искренно. На глазахъ старика-генерала показались даже слезы. Взволнованный, онъ распростился съ нами и обѣщалъ въ это же лѣто побывать у насъ на хуторѣ.

Часовъ черезъ пять, шумя колесами и прорѣзывая оглушительнымъ свистомъ весенній воздухъ, поѣздъ мчалъ насъ — маму, меня и Васю — въ далекую, желанную, родимую Украйну...



Постоянно открыта подписка

НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучая, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задушевнаго Слова". Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задушевное Слово" издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО"
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для младшаго возраста
(отъ 5 до 9 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО"
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для старшаго возраста
(отъ 9 до 14 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждаго журнала, съ доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. **2 р.**, на полгода—3 р., на годъ—6 руб.

Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, въ СПБ. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова": С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведен. такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣнен. къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрирован. изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ М. Н. Никольскаго, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Беллингерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. В. Буша. Переводъ К. Н. Льдова, съ 498 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей А. Аванасьева-Чужбинскаго. Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ С. М. Макаровой, съ 25 отдѣльными картинами и 47 политипажами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами Анненскаго, Панова, Тейхеля и др. Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отд. карт. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ Е. И. Песковской, съ предисловіемъ П. М. Ольхина, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картин. Изд. второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 46 иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе Сервантеса, переведенное, передѣланное для дѣтей А. Гречемъ, съ 79 рис. Густава Доре. Изд. второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный переводъ на русскомъ языкѣ Е. Песковской, съ иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. Вольфганга Гёте, примѣн. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ автотип. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн картин. Изд. второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. Джонатана Свифта, перев. съ англ. М. Никольскаго. Съ біограф. автора, 39 отдѣльн. картин. и 35 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Перев. съ французск., съ 33 рис. въ текстѣ и 15 отдѣльн. картин. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной Переводъ съ французскаго съ 20 рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Соч. Бичеръ-Стоу, примѣнен. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изд. второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей Ф. Г Бернеттъ. Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочиненіе Де-Амичисъ, съ предисловіемъ М. Л. Песковскаго, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картин. Изд. третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть. Луизы Олькотъ, съ 89 рис.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) Альфонса Доде, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна. Переводъ Н. С. Вѣтвина съ 146-ти рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна. Переводъ М. Николаевой. Съ 65 рисунками.

ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна, переводъ графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.

234 54

РНБ Русский фонд.
37.5.5.53